

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРАВО

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

LAW

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 3, История. Экономика. Права»)

Выходит три раза в год

3

2023

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор** **БАЛАШЕНКО С. А.** – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: balashenko@bsu.by
- Ответственный секретарь** **ШАХРАЙ И. С.** – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: shakhray@bsu.by
- Балюк Г. И.** Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
Ванг Г. Чжэцзянский университет, Ханчжоу, Китай; Тулейнский университет, Новый Орлеан, США; Городской университет Гонконга, Гонконг, Китай.
- Василевич Г. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Вердуссен М. Католический университет Лувена, Лувен-ла-Нев, Бельгия.
Каменков В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Карпович Н. А. Конституционный Суд Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Келли К. Р. Арканзасский государственный университет, Джонсборо, США.
Крюссман Т. Университет глобального развития, Грац, Австрия; Грацкий университет им. Карла и Франца, Грац, Австрия; Центр глобальной Европы Кентского университета, Брюссель, Бельгия.
- Макарова Т. И.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Матье Б. Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна, Париж, Франция.
Мацкевич И. М. Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия.
Мещанова М. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Некросиус В. Институт гражданского процесса и римского права Вильнюсского университета, Вильнюс, Литва.
- Скаков А. Б.** Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Хелльманн У. Потсдамский университет, Потсдам, Германия.
Чуприс О. И. Администрация Президента Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Шидловский А. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **BALASHENKO S. A.**, doctor of science (law) full professor; professor at the department of environmental and agricultural law, faculty of law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: balashenko@bsu.by
- Executive secretary** **SHAKHRAI I. S.**, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agricultural law, faculty of law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: shakhray@bsu.by
- Baliuk G. I.** Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Chupris O. I. Administration of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Hellmann U. University of Potsdam, Potsdam, Germany.
Kamenkov V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karpovich N. A. Constitutional Court of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Kelley C. R. Arkansas State University, Jonesboro, USA.
Kruessman T. University of Global Development, Graz, Austria; University of Graz, Graz, Austria; Global Europe Centre, University of Kent, Brussels, Belgium.
- Mackevich I. M.** University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia.
Makarova T. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Mathieu B. University Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France.
Miashchanava M. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Nekrosius V. Institute of Civil Procedure and Roman Law, Vilnius University, Vilnius, Lithuania.
Shidlovsky A. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Skakov A. B. L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
Vasilevich G. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Verdussen M. Catholic University of Louvain, Louvain-la-Neuve, Belgium.
Wang G. Zhejiang University, Hangzhou, China; Tulane University, New Orleans, USA; City University of Hong Kong, Hong Kong, China.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 340.1

ПРАВО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В. Н. БИБИЛО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Деятельность людей осуществляется в рамках устоявшихся социальных структур. Каждый вид социальных норм обладает своими регулятивными возможностями. Среди них праву принадлежит приоритетная роль, поскольку на него возлагается миссия по обеспечению самосохранения общества. Продолжает оставаться актуальным вопрос о выработке общепринятого определения права как явления. Предлагаются различные концепции правопонимания. Исходными служат идеалистические или материалистические представления о нем. В законодательстве закреплено право абстрактного субъекта. В процессе правоприменительной деятельности к правоотношениям присоединяются иные социальные регуляторы, в результате такого симбиоза формируется индивидуальное право субъекта.

Ключевые слова: право; социальные нормы; государство; субъект; индивидуальное право.

Образец цитирования:

Бибилло В.Н. Право в системе социального регулирования. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2023;3:3–9.
EDN: FAABJA

For citation:

Bibilo VN. Law in the system of social regulation. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2023;3:3–9. Russian.
EDN: FAABJA

Автор:

Валентина Николаевна Бибилло – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета.

Author:

Valentina N. Bibilo, doctor of science (law), full professor; professor at the department of criminal procedure and directorate of public prosecutions, faculty of law.
zagorovskaja@bsu.by

LAW IN THE SYSTEM OF SOCIAL REGULATION

V. N. BIBILO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

People's activities are carried out within the framework of established social structures. Each type of social norms has its own regulatory capabilities. Among them, law has a priority role, since law is entrusted with the mission of ensuring the self-preservation of society. The issue of developing a generally accepted definition of law continues to remain relevant. Various concepts of legal understanding are proposed. The starting point for understanding law is idealistic or materialistic ideas about it. The right of an abstract subject is enshrined in legislation. In the process of law enforcement activities, other social regulators are also involved in legal relations, and as a result of such symbiosis, the individual right of the subject is formed.

Keywords: law; social norms; state; subject; individual law.

Человеческое общество представляет собой целостное образование из различных структур, интегрированных в единую социальную систему, целями которой являются поддержание и сохранение соответствующего уровня цивилизации, упорядочение взаимоотношений между людьми. Динамичное развитие социума способно изменить его облик через корректировку отдельных компонентов базовых ценностей. При этом возможно поддержание определенных стандартов, традиций жизни общества, оформленных в конкретном государстве. В связи с этим важно развить общественное, групповое, профессиональное и индивидуальное сознание в восприятии и передаче социальных норм, которые направляли бы поведение людей, не выходящее за пределы социокультурных ценностей.

Деятельность людей осуществляется в рамках устойчивых социальных структур (общества, трудового коллектива, семьи и т. д.). Человек вынужден подчинять собственное поведение социальным нормам, присущим отдельным сообществам. Каждый вид социальных регуляторов (право, мораль, обычаи, традиции, религиозные нормы и т. д.) обладает своеобразными чертами, позволяющими ему реализовывать регулирующее воздействие.

По мере развития социума происходит его универсализация. Оказывается, что нет людей, стоящих вне общества. В любом случае порядок в социуме возникает из хаоса различных побудительных мотивов, интересов, потребностей и желаний. В результате создается новая реальность, обеспечивающая прогресс или регресс общества.

В основе социального регулирования общественных отношений лежит типизация поведения человека, т. е. многократное использование правил деятельности. Есть еще один существенный фактор – рациональность варианта поведения, что заметно проявляется в социальных нормах.

Социальные нормы, как правила взаимодействия людей в обществе, соответствуют определенному типу культуры, исходя из особенностей организации общества. Им присущи по крайней мере три функции: регулятивная функция (устанавливать правила поведения), оценочная функция (выступать крите-

рием отношения к тем или иным действиям людей в обществе) и трансляционная функция (сохранять опыт, культуру и передавать их в будущее через образование, воспитание). Развитие науки и техники приводит к дальнейшим преобразованиям в укладе жизни общества, причем это уже заметно по изменению соотношения между традиционными социальными регуляторами. В качестве примера можно привести не только зарождение, но и определенное упрочение легальной этики, применяемой как в частной, так и в публичной сфере деятельности людей. Появление международных документов, касающихся этики поведения должностных лиц и членов профессиональных сообществ, послужило основой для принятия аналогичных кодексов (правил профессиональной этики) в ряде современных государств. Экспансия морали в сферу права стала постепенно углубляться. Надо также учитывать возможности локального правового регулирования. Тем самым происходит расширение границ правового регулирования. Кроме того, наблюдается интенсивное социальное регулирование технических устройств и природоподобных технологий, что ставит вопрос об их статусе. В результате алгоритмизации социального регулирования право неизбежно приобретет новый облик. Более того, на доктринальном уровне уже обсуждаются проблемы, связанные с персонализацией права, созданием права применительно к конкретному индивиду [1, с. 5–17]. Однако это не приведет к подрыву основополагающих принципов права.

По мнению П. А. Сорокина, «человеческое общество, вся культура и вся цивилизация в конечном счете представляют собой не что иное, как мир понятий, застывших в определенной форме и в определенных видах...» [2, с. 528]. Белорусский философ второй половины XX – начала XXI в. В. С. Степин назвал данное явление картиной мира и определил его так: «Картина мира, как и любой познавательный образ, упрощает и схематизирует действительность. Мир, как бесконечно сложная, развивающаяся действительность, всегда значительно богаче, нежели представления о нем» [3, с. 189]. Предложенное понятие стало широко использоваться в юриспруден-

ции. Применительно к социальному регулированию общественных отношений И. Л. Честнов отмечает, что именно картина мира, как коллективная память, образует набор типизированных моделей и социальных представлений об окружающих объектах и определяет способы поведения людей [4, с. 77].

Одной из сторон картины мира является правовая картина мира, или, иначе, правовая реальность. По словам С. И. Максимова, в онтологическом аспекте правовая реальность – существующий мир права, а с методологической точки зрения – идеальная модель, служащая средством познания и конструирования этого мира [5, с. 147]. Несколько иной позиции придерживается А. В. Стомба. Он предлагает различать правовую реальность в широком и узком смыслах. В широком смысле правовая реальность – это совокупность правовых феноменов (норм, отношений, институтов и т. д.). При узкой трактовке данной категории один из указанных элементов принимается в качестве базового, а остальные мыслятся производными [6, с. 25].

Категория «правовая реальность» объединяет явления объективного и субъективного характера. В конструировании правовой реальности участвуют общество в целом и конкретный человек в частности. В связи с тем, что в обществе функционируют различные социальные регуляторы, для уяснения правовой реальности важно отграничить право от иных социальных норм. И хотя это отграничение несколько условно, поскольку все социальные нормы воздействуют на субъект (в данном аспекте объект) сообща, тем не менее право более наглядно ввиду своего принудительного характера, причем на уровне государства (общества). Кроме того, право по своей природе является более определенным, к тому же оно ориентировано на эквивалентность в правоотношениях. В юридической литературе верно обращено внимание на то, что правовая реальность выражается на уровнях правотворчества, правореализации, а также правосознания (соответствующего правового поведения при отсутствии конкретных норм права). Итогом данного симбиоза выступает формирование правопорядка в конкретно-исторических условиях [7, с. 56–57].

К какому типу объектов относится право? Право – это теоретический объект, или теоретический объект, соотносимый с эмпирической реальностью, или лишь лингвистический термин? Заметим, что в зависимости от ответов на поставленные вопросы строятся теории правопонимания.

Выявление понятия, сущности и природы права возможно и необходимо. В современных условиях продолжает оставаться актуальным вопрос о выработке общепринятого определения права как явления. Предлагаются различные концепции правопонимания. При этом за исходную точку берется божественная или государственная воля либо их объединение. Основополагающими являются клас-

сические и постклассические теории. В их пределах развиваются соответствующие подходы к пониманию права. К классическим теориям относятся естественная теория права (юснатурализм) и юридический позитивизм (юспозитивизм). Главным здесь выступает верное истолкование воли, исходящей от государства или принадлежащей человеку в соответствии с его прирожденными правами. Постклассические теории права представлены коммуникативной, антропологической, инструментальной, интегративной, либертарной и другими теориями. Им присуще общее свойство: названные теории объясняют право собственной волей человека, т. е. именно человек, его поведение являются причиной и источником права. При этом самую важную роль здесь играют субъект права и его взаимоотношения с другими субъектами. Если обобщить различные типы правопонимания, то, как правильно отмечает И. Л. Честнов, их можно разделить на три группы: юснатурализм, юспозитивизм и социологию права [8, с. 94–98].

Причин наличия плюрализма научных концепций о сущности и природе права много. Среди них можно выделить следующие: 1) исторические причины (понимание права на разных исторических этапах развития общества не было однозначным, что обусловлено особенностями общества); 2) экономические причины (право выражает интересы различных социальных групп); 3) философские причины (сущность права сопряжена с разными типами философского мировоззрения); 4) географические причины (зависят от месторасположения государства с учетом национальных, религиозных и других традиций, присущих населению той или иной страны); 5) многогранность правового регулирования (право соотносится с экономикой, политикой, культурой, и обеспечить его связь с иными социальными нормами сложно) [9, с. 142–143].

Концепции правопонимания особенно активно возникали и изменялись в эпоху революций, войн, смены общественно-экономических формаций, упрочения нового общественного строя, что наглядно проявилось в периоды развития советской государственности, укрепления советского права, распада Советского Союза.

Исходными в понимании права являются идеалистические или материалистические представления о нем. Идеалистические представления основываются на том, что идея права возникла априори, была дана человеку извне с момента его рождения, а материалистические представления – на том, что право представляет собой результат совместной деятельности, человеческой практики. В связи с этим можно полагать, что социальная жизнь порождает право. Люди не способны построить общество без взаимодействия между собой, что, в свою очередь, невозможно без определенного порядка поведения. Именно право оказалось общеобязательным

для людей. Оно необходимо человеку как наиболее приемлемый и им же сформированный способ воздействия на общественные отношения, в которых заинтересованы люди. А. В. Егоров верно обратил внимание на объективацию права как на механизм выражения его сущности, проявляющейся в нормативности (типизации поведения людей), официальности (санкционировании права государством), формальной определенности (степени абстрактности норм права) [10, с. 34]. Право, таким образом, посредством норм обеспечивает систему, целостность общества и государства. Возникает следующий вопрос: как из системы социальных норм выделить нормы права? При этом надо исходить из конкретно-исторических условий. Следует учитывать, что нормы права действуют в системе, главная цель которой – обеспечение самосохранения общества. Именно в этом состоит ценность права. Другие социальные нормы, например религиозные, способны лишь локально поддержать определенное единство поведения людей. Представителям государственной власти необходимо помнить о приоритетах правового регулирования, исходя из конкретно-исторических условий. В истории государства и права были периоды, когда появлялись мертворожденные нормы, которые не применялись и не могли применяться при сложившихся в обществе условиях. Народ или игнорировал их, или массово нарушал. Памятники права выступают зеркалом государства в целом и общества в частности, поскольку в них отражены в виде норм сведения, касающиеся экономики, культуры, классов и сословий, а также общественно-политические идеи.

Рассматривая проблемы сферы правового регулирования, В. В. Лазарев пишет следующее: «Нигде в мире не утверждается о выполнении правом своей миссии. История продолжается. Но господствует в мире скорее антиправо, или, принимая понятия Гегеля, “неправо”. Причем господство это выходит на опасный уровень, когда “неправо”, вопреки логике и всеобщности, получает закрепление в законах и подзаконных актах. Неправовые законы становятся обыденной реальностью» [11, с. 10].

Термин «неправо» – неологизм, пришедший из учения Г. В. Ф. Гегеля как антипод права. Чтобы установить его суть, надо знать, что такое право. Г. В. Ф. Гегель дает следующее определение права как явления: «Право состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли. Тем самым право есть вообще свобода как идея» [12, с. 89]. Следовательно, Г. В. Ф. Гегель выделял право как волю и право как идею. Взаимосвязанные, они находятся в диалектическом единстве. В заметках к параграфу 29 труда «Философия права» Г. В. Ф. Гегель писал следующее: «Право являет себя в ближайшем представлении как возможность делать что-либо или не делать чего-либо. Я не совершаю ничего неправого, если я не даю силу моему праву только не

нарушать право другого» [12, с. 393]. Здесь право как воля выражается в деятельности (действии или бездействии), ограниченной наличием воли других лиц, т. е. уважением к этой воле. Это своего рода мера, предел права. Одним словом, в объективном смысле право определяется как всеобщая воля, а право как воля понимается в качестве ближайшего представления о праве. Свобода действительна только тогда, когда она осознана лицом через право, т. е. свобода не есть произвол, вседозволенность.

В. В. Лазарев, интерпретируя тезис Г. В. Ф. Гегеля о свободной воле, отмечает, что идея права пребывает в себе, затем она осознана необходимость выражения в объективном мире и, наконец, свободно самоопределившись, воплощается в реальных общественных отношениях. Осуществление свободы такой волей вовне – это и есть право, по мнению Г. В. Ф. Гегеля. Отсюда вытекает следующий вывод: «Регулирующую функцию исполняет самоопределяющаяся воля лица» [11, с. 13].

Безусловно, более наглядно, когда право исходит от высших органов государства и оформляется в виде нормативных правовых актов. В. В. Лазарев полагает, что «если... принять доктрину широкого понимания права, то надо будет устанавливать регулирующие возможности не только по отношению к нормам, но и по отношению к правоотношениям и правосознанию» [11, с. 14].

Рассматривая право как волю и идею права применительно к абсолютному духу (идеальной субстанции), Г. В. Ф. Гегель не отрицал значения законодательства, а наоборот, наделял его особой ролью, отмечая, что «правители, которые, подобно Юстиниану, дали своему народу... собрание законов... не только стали величайшими благодетелями народов и с благодарностью восхвалялись ими, но и совершили этим великий акт справедливости» [12, с. 253].

С. И. Максимов, оценивая позицию немецкого правоведа Г. Радбруха, в соответствии с которой идею права составляют три основные ценности (справедливость, правовая определенность и целесообразность), пришел к выводу о том, что на каждой из них базируется определенный тип правопонимания: естественная теория права (юснатурализм), правовой позитивизм (юспозитивизм) и социологический подход к праву. Кроме того, эти ценности отражаются в трех категорических принципах права (жить честно, не обижать другого, каждому воздавать должное), происходящих от учения римского юриста Ульпиана (ок. 170–228). Право защищает универсальные ценности, которые в совокупности образуют идею права [13, с. 141–142].

Идея права, как и другие идеи, зарождалась в сфере сознания человека. Именно от него исходят представления о справедливости. По утверждению А. И. Экимова, «справедливость выступает как своего рода отражение многообразных интересов, поэтому представления о ней столь же изменчивы, как

и представления об интересах» [14, с. 51]. Стремление к справедливости прослеживается на протяжении всей истории человечества, поскольку оно обусловлено природой людей. Однако для каждой эпохи общественные отношения оцениваются как справедливые в той мере, в какой они исторически необходимы и практически возможны сообразно условиям жизни.

Справедливость можно назвать врожденным свойством человеческого сообщества. Ее сердцевиной в позитивном праве является равенство всех перед законом, что составляет фундамент правотворчества. Объективное право, исходящее от государства в форме законодательства, предполагает ориентацию на справедливость. Представления о справедливости постепенно вовлекаются в сферу правового регулирования.

Основополагающее понимание справедливости заложил Аристотель. По его мнению, термин «справедливость» означает «в одно и то же время как законное, так и равномерное» [15, с. 246]. Все, что установлено законом, в известном смысле справедливо, нарушение же закона – это первый вид несправедливости. Аристотель выделял два вида справедливости – справедливость, относящуюся к области права, и справедливость, проявляющуюся в сфере взаимодействия людей [15, с. 247–255]. Развивая идеи о справедливости, Х. Перельман предложил изучать ее на трех различных уровнях, а именно на уровне поступка, на уровне правила и на уровне деятеля: «Справедливый поступок – это исправление, отрицание неравенства. Справедливое правило – это разумность, отрицание произвола. Справедливый человек – это совесть, отрицание бесчеловечности» [16, с. 224].

Справедливость по своей природе носит объективно-субъективный характер. Ее объективный характер обусловлен тем, что, как отмечает О. Хёффе, справедливость реализуется в социуме посредством совместных усилий государства и гражданского общества [17, с. 152–153]. По мнению Д. Ролза, «главный субъект справедливости – базисная структура общества» [18, с. 22]. Одновременно справедливость субъективна, поскольку она основывается на правосознании, морали и традициях, т. е. социальных нормах, присущих обществу на соответствующем этапе развития и усвоенных человеком [19, с. 95].

Раскрывая суть чистого учения о праве, Г. Кельзен стремился доказать, что нет и не может быть объективного критерия справедливости, так как утверждение, согласно которому нечто справедливо или несправедливо, представляет собой оценочное суждение, базирующееся на эмоциональных элементах сознания человека, его переживаниях, желаниях и предпочтениях. Такое утверждение не верифицируется фактами [20, с. 233–234]. Созвучные идеи высказывал создатель психологической теории права Л. И. Петражицкий, оценивавший справедливость

как фундамент для формирования интуитивного права – идеального права [21, с. 403], которое основывается на эмоциях и переживаниях, имеет индивидуальный характер, определяется условиями и обстоятельствами жизни каждого человека, его характером, воспитанием, образованием и социальным положением, а также отличается от позитивного права свободной изменчивостью и применимостью в контексте исторического развития [21, с. 383].

Следует иметь в виду, что в реальности люди не всегда следуют праву и неправу, как зло, не полностью искоренимо. Это объясняется несовершенством как отдельных людей, так и общества, государства. Одним словом, в неправу есть воля, но нет права. Более того, эта воля противопоставляется праву. Неправо преодолевается правом и только им. Право действует независимо от неправы. Г. В. Ф. Гегель выделял три формы неправы: непреднамеренное (простодушное) неправу (человек из-за невысокого уровня правосознания не способен различать правомерное и неправомерное поведение), обман (субъект поступает якобы сообразно праву, стараясь убедить других в правомерности своего поведения, а на самом деле совершает правонарушение) и преступление, или подлинное неправу (индивид не уважает не только права других, но и свое право) [12, с. 139–145].

Современный исследователь права В. В. Ершов ошибочно полагает, что неправу – это комплекс социальных регуляторов: «Думаю, теоретически более обосновано, а практически – продуктивно к “неправу” прежде всего относить многочисленные социальные регуляторы общественных отношений, воздействующие на отношения, сложившиеся между неопределенным числом их участников либо определенными участниками общественных отношений» [22, с. 92–93]. Конечно, подобного рода социальные регуляторы не являются официальным правом, исходящим от государства и распространяющим свое действие на некоторый круг лиц, но, когда возникают конкретные правоотношения, они подключаются к правоприменительной деятельности и тем самым участвуют в вынесении справедливых правовых актов.

Исходящее от государства объективированное право, устанавливающее статус абстрактного субъекта, тем самым гарантирует его защиту, в том числе с помощью своей принудительной силы. При этом персонифицированный субъект может реализовать свое право (право истца, ответчика, потерпевшего и т. д.) путем соответствующего поведения. И тогда это субъективное право через правоустановительную (правоприменительную) деятельность компетентных органов превращается в индивидуальное право субъекта. Само по себе субъективное право абстрактно, поскольку оно адресуется неопределенному кругу лиц. Но как только субъект права через правоотношения, а также посредством своего правосознания и правосознания правоприменителя начинает его

реализовывать, субъективное право становится правом конкретного человека, его индивидуальным правом, за которое он может бороться незапрещенными способами [23, с. 50].

Следует иметь в виду еще один существенный аспект – удовлетворение законных интересов лица путем использования усмотрения правоприменителя, его дискреционных полномочий. Можно сказать, что субъективное право как бы реализовано, но существует резерв в виде законных интересов и возможности их удовлетворения. Если верховенство закона, как писал Н. В. Сильченко, изначально заключено в его природе [24, с. 230–252], то верховенства права можно добиться посредством борьбы за реализацию субъективного права и удовлетворение законных интересов. Такой правовой статус личности динамично превращается в индивидуальное право субъекта.

Расширение права, принадлежащего субъекту, способно в наибольшей мере гарантировать защиту прав и законных интересов человека, превратить

статичный правовой статус индивида в поистине живое право субъекта, его индивидуальное право. Отсюда неизбежно наличие права, вытекающего из воли субъекта. Нормативное право, исходящее от государства, обеспечивает начало правореализации. Стоит заметить, что естественное право, которое не имеет механизма реализации своих положений, представляет собой больше доктрину, нежели право в собственном смысле. Именно позитивное право, опирающееся на естественное право и формирующее в какой-то мере закон, который можно оценивать как правовой, способно стать источником воли конкретного лица, обеспечивающего идею права.

Правовой статус личности может быть реализован в индивидуальном праве субъекта при условии, что конкретный человек и правоприменитель способны воспринять и оценить возникшую правовую ситуацию. Исходя из этого постулата, к правоприменителю в законодательстве и обществе изначально предъявляются требования, касающиеся его правосознания, правовой культуры и личностных качеств.

Библиографические ссылки

1. Хабриева ТЯ. Идентификация права в современной социальной регуляции. *Вопросы философии*. 2021;12:5–17. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-12-5-17.
2. Сорокин ПА. *Человек. Цивилизация. Общество*. Сидоренко СА, Согомонов АЮ, переводчики; Согомонов АЮ, редактор и составитель. Москва: Политиздат; 1992. 543 с. (Мыслители XX века).
3. Степин ВС. *Теоретическое знание: структура, историческая эволюция*. Москва: Прогресс-традиция; 2000. 744 с.
4. Честнов ИЛ. Методологическое значение обыденной юридической картины мира. *История государства и права*. 2021;7:77–80. DOI: 10.18572/1812-3805-2021-7-77-80.
5. Максимов СИ. *Правовая реальность: опыт философского осмысления*. Харьков: Право; 2002. 328 с.
6. Стомба АВ. *Правовая ситуация как исток бытия права*. Харьков: Диса+; 2006. 176 с.
7. Скоробогатов АВ, Краснов АВ. Правовая реальность России: понятие и структура. *История государства и права*. 2017;7:54–58. EDN: YKKOFV.
8. Честнов ИЛ. *Теория государства и права*. Москва: Инфра-М; 2020. 233 с.
9. Власенко НА, Муромцев ГИ, Зинковский СБ, Ястребов ОА, Чечельницкий ИВ, Трикоз ЕН. *Теория государства и права*. Клишас АА, редактор. Москва: Статут; 2019. 512 с.
10. Егоров АВ. Интеграционная сущность современного права и его компаративный потенциал. *Государство и право*. 2022;10:31–41. DOI: 10.31857/S102694520013040-5.
11. Лазарев ВВ. Новое видение сферы правового регулирования. *Российская юстиция*. 2022;1:8–15. DOI: 10.52433/01316761_2022_1_8.
12. Гегель ГВФ. *Философия права*. Стоппнер БГ, Левина МИ, переводчики; Керимов ДА, Нерсесянц ВС, редакторы и составители. Москва: Мысль; 1990. 524 с.
13. Максимов СИ. Ценностное измерение права: человеческое достоинство. В: Павлов ВИ, Савенок АЛ, редакторы. *Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования*. Минск: Академия МВД; 2019. с. 140–147.
14. Экимов АИ. Право в контексте справедливости: к методологии исследования. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2013;2:51–61. EDN: QVKCEB.
15. Аристотель. *Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории*. Минск: Литература; 1998. 1392 с. (Классическая философская мысль).
16. Перельман Х. Три аспекта справедливости. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2013;2:211–225. EDN: QVKCIN.
17. Хёффе О. *Справедливость: философское введение*. Кильдюшов ОВ, переводчик; Дмитриев ТА, редактор. Москва: Праксис; 2007. 192 с. (По понятиям).
18. Ролз Дж. *Теория справедливости*. Целищев ВВ, Карпович ВН, Шевченко АА, переводчики; Целищев ВВ, редактор. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета; 1995. 536 с.
19. Библио ВН. *Приговор в уголовном процессе*. Минск: Право и экономика; 2021. 194 с.
20. Кельзен Г. Право, государство и справедливость в чистом учении о праве. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2013;2:226–240. EDN: QVKCIR.
21. Петражицкий ЛИ. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности*. Санкт-Петербург: Лань; 2000. 608 с. (Классики истории и философии права).
22. Ершов ВВ. *Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений*. Москва: Российский государственный университет правосудия; 2018. 628 с.

23. Бибилко ВН. *Теория и история права, судостройства и уголовного процесса*. Минск: Право и экономика; 2020. 510 с. (Серия «Научные труды белорусских ученых»).

24. Сильченко НВ. *Теория верховенства закона*. Минск: Беларуская навука; 2015. 288 с.

References

1. Khabrieva TYa. Identification of law in modern social regulation. *Voprosy filosofii*. 2021;12:5–17. Russian. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-12-5-17.
2. Sorokin PA. *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Sidorenko SA, Sogomonov AYu, translators; Sogomonov AYu, editor and compiler. Moscow: Politizdat; 1992. 543 p. (Mysliteli XX veka). Russian.
3. Stepin VS. *Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical knowledge: structure, historical evolution]. Moscow: Progress-traditsiya; 2000. 744 p. Russian.
4. Chestnov IL. Methodological meaning of an ordinary legal worldview. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2021;7:77–80. Russian. DOI: 10.18572/1812-3805-2021-7-77-80.
5. Maksimov SI. *Pravovaya real'nost': opyt filosofskogo osmysleniya* [Legal reality: the experience of philosophical reflection]. Kharkov: Pravo; 2002. 328 p. Russian.
6. Stovba AV. *Pravovaya situatsiya kak istok bytiya prava* [Legal situation as the source of the existence of law]. Kharkov: Disa+; 2006. 176 p. Russian.
7. Skorobogatov AV, Krasnov AV. Legal reality of Russia: concept and structure. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2017;7:54–58. Russian. EDN: YKKOFV.
8. Chestnov IL. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: Infra-M; 2020. 233 p. Russian.
9. Vlasenko NA, Muromtsev GI, Zinkovskii SB, Yastrebov OA, Chechel'nitskii IV, Trikoz EN. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Klishas AA, editor. Moscow: Statut; 2019. 512 p. Russian.
10. Egorov AV. The integration essence of the modern law and its comparative potential. *Gosudarstvo i pravo*. 2022;10:31–41. Russian. DOI: 10.31857/S102694520013040-5.
11. Lazarev VV. A new vision of the sphere of legal regulation. *Rossiiskaya yustitsiya*. 2022;1:8–15. Russian. DOI: 10.52433/01316761_2022_1_8.
12. Hegel GWF. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Stolpner BG, Levina MI, translators; Kerimov DA, Nersesyants VS, editors and compilers. Moscow: Mysl'; 1990. 524 p. Russian.
13. Maksimov SI. [The value dimension of law: human dignity]. In: Pavlov VI, Savenok AL, editors. *Chelovek i pravo: problema tsennostnykh osnovanii pravovogo regulirovaniya* [Man and law: the problem of value bases of legal regulation]. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus; 2019. p. 140–147. Russian.
14. Ekimov AI. Law in the context of justice: towards a research methodology. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 2013;2:51–61. Russian. EDN: QBKCEB.
15. Aristotle. *Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii* [Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics. Categories]. Minsk: Literatura; 1998. 1392 p. (Klassicheskaya filosofskaya mysl'). Russian.
16. Perelman H. Three aspects of justice. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 2013;2:211–225. Russian. EDN: QBKCIH.
17. Höffe O. *Gerechtigkeit. Eine philisiphische einföhrung*. München: C. H. Beck; 2006. 127 S. Russian edition: Höffe O. *Spravedlivost': filosofskoe vvedenie*. Kil'dyushov OV, translator; Dmitriev TA, editor. Moscow: Praxis; 2007. 192 p. (Po ponyatiyam).
18. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [Theory of justice]. Tselishchev VV, Karpovich VN, Shevchenko AA, translators; Tselishchev VV, editor. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta; 1995. 536 p. Russian.
19. Bibilo VN. *Prigovor v ugolovnom protsesse* [Judgment in the criminal process]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2021. 194 p. Russian.
20. Kelsen H. Law, state and justice in the pure theory of law. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 2013;2:226–240. Russian. EDN: QBKCIH.
21. Petrazhitsky LI. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei nrvstvvennosti* [Theory of law and the state in connection with the theory of morality]. Saint Petersburg: Lan'; 2000. 608 p. (Klassiki istorii i filosofii prava). Russian.
22. Ershov VV. *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii* [Legal and individual regulation of public relations]. Moscow: Russian State University of Justice; 2018. 628 p. Russian.
23. Bibilo VN. *Teoriya i istoriya prava, sudostroistva i ugolovnogo protsesssa* [Theory and history of law, judicial system and criminal process]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2020. 510 p. (Series «Nauchnye trudy belorusskikh uchenykh»). Russian.
24. Sil'chenko NV. *Teoriya verkhovenstva zakona* [Theory of the rule of law]. Minsk: Belaruskaya navuka; 2015. 288 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.10.2023.
Received by editorial board 12.10.2023.

УДК 340.1(091)

УПЛЫЎ ПАЛІТЫКА-ПРАВОВЫХ ІДЭЙ АЙЧЫННЫХ АСВЕТНІКАЎ НА СТАНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЁ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ Ў XII–XVIII стст.

Л. Л. ГОЛУБЕВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Паказваецца ўплыў палітыка-правовых ідэй айчынных асветнікаў на фарміраванне дзяржаўных органаў улады, права, палітыкі, заканадаўства ў розныя перыяды станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці з XII па XVIII ст. Падкрэсліваецца, што беларускія асветнікі ў працах змястоўна адлюстроўвалі найбольш істотныя сацыяльныя і палітычныя праблемы эпохі і сучаснага ім грамадства, выступалі за стварэнне самастойнай дзяржавы і падтрыманне яе незалежнасці як галоўнай палітычнай каштоўнасці, уздымалі праблему ўдасканалення дзяржаўных, прававых інстытутаў, а таксама адзначалі неабходнасць захавання і вывучэння гістарычнай спадчыны беларускага народа з мэтай недапушчэння памылак у будучым.

Ключавыя словы: беларуская дзяржаўнасць; палітыка-правовыя ідэі; станаўленне і развіццё; айчынныя асветнікі; палітыка; права; заканадаўства.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИДЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ НА СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XII–XVIII ВВ.

Л. Л. ГОЛУБЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Показывается влияние политико-правовых идей отечественных просветителей на формирование государственных органов власти, права, политики, законодательства в разные периоды становления и развития белорусской государственности с XII по XVIII в. Подчеркивается, что белорусские просветители в работах содержательно отражали наиболее существенные социальные и политические проблемы эпохи и современного им общества, выступали за создание самостоятельного государства и поддержание его независимости как главной политической ценности, поднимали проблему усовершенствования государственных, правовых институтов, а также отмечали необходимость сохранения и изучения исторического наследия белорусского народа с целью недопущения ошибок в будущем.

Ключевые слова: белорусская государственность; политико-правовые идеи; становление и развитие; отечественные просветители; политика; право; законодательство.

Образец цитирования:

Голубева ЛЛ. Уплыў палітыка-правовых ідэй айчын-
ных асветнікаў на станаўленне і развіццё беларускай
дзяржаўнасці ў XII–XVIII стст. *Журнал Белорусского го-
сударственного университета. Право.* 2023;3:10–21.
EDN: DDKTLN

For citation:

Golubeva LL. The influence of political and legal ideas of
national educators on the establishment and development
of the Belarusian statehood in the 12th – 18th centuries. *Jour-
nal of the Belarusian State University. Law.* 2023;3:10–21. Bela-
rusian.
EDN: DDKTLN

Автор:

Людмила Леонидовна Голубева – кандидат юридических
наук, доцент; заведующий кафедрой теории и истории
государства и права юридического факультета.

Author:

Ludmila L. Golubeva, PhD (law), docent; head of the de-
partment of theory and history of the state and law, faculty
of law.
golubevall@bsu.by

THE INFLUENCE OF POLITICAL AND LEGAL IDEAS OF NATIONAL EDUCATORS ON THE ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF THE BELARUSIAN STATEHOOD IN THE 12th – 18th CENTURIES

L. L. GOLUBEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The author shows the influence of political and legal ideas of national educators on the establishment and development of state bodies of power, law, politics, and legislation in various periods of the establishment and development of Belarusian statehood from the 12th to the 18th century. It is noted that Belarusian educators in their works meaningfully reflected the most significant social and political problems of the era of their modern society, advocated the creation of an independent state, for the preservation of its independence as the main political value, raised the issue of improving state and legal institutions, noted the need to preserve and study the historical heritage of the Belarusian people in order to avoid mistakes in the future.

Keywords: Belarusian statehood; political and legal ideas; establishment and development; national educators; politics; law; legislation.

Уводзіны

У прэамбуле Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь гаворыцца аб шматвяковай гісторыі развіцця беларускай дзяржаўнасці, культурных і духоўных традыцыях. На наш погляд, гэта пераемнасць з'яўляецца добрым прыкладам узаемасувязі гісторыі і сучаснасці¹. Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь у штогадовым Пасланні беларускаму народу і Нацыянальнаму сходу 31 сакавіка 2023 г. адзначыў, што аднымі з умоў суверэнітэту і незалежнасці краіны выступаюць гістарычная памяць і нацыянальныя традыцыі².

На аснове гэтага айчынныя навукоўцы ў кантэксце нацыянальна-дзяржаўнага падыходу, у адпаведнасці з якім вывучэнне гісторыі станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці з'яўляецца

прыярытэтным кірункам даследаванняў, пачалі актыўна друкаваць працы па нацыянальнай гісторыі дзяржавы і права, ліквідуючы значныя прабелы ў ёй. Існуюць шмат публікацый, у якіх разглядаюцца дзяржаўныя, прававыя інстытуты, а таксама палітыка-прававыя погляды айчынных асветнікаў на палітыку, права, заканадаўства на розных этапах станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці. Аднак, на жаль, прац, у якіх прааналізаваны ўплыў палітыка-прававых поглядаў айчынных асветнікаў на асноўныя дзяржаўныя і прававыя інстытуты, практычна няма. У сувязі з гэтым аўтар дадзенага артыкула ставіць мэту выявіць уплыў палітыка-прававых ідэй айчынных асветнікаў на станаўленне і развіццё беларускай дзяржаўнасці ў XII–XVIII стст.

Асноўная частка

Беларуская дзяржаўнасць, якая ўзнікла ў далёкай старажытнасці пад уздзеяннем шматлікіх унутраных і знешніх сацыяльна-эканамічных і палітычных прычын, у сваім станаўленні і развіцці прайшла доўгі і складаны гістарычны шлях.

Вялікі ўплыў на станаўленне і развіццё дзяржаўных органаў улады, права, палітыкі і заканадаўства аказалі ідэі, якія выказваліся нацыянальнымі мысліцелямі, рэлігійнымі, дзяржаўнымі дзеячамі, палітыкамі і правазнаўцамі са старажытных часоў да сённяшняга дня.

Гэтыя ідэі адлюстраваны ў шматлікіх па колькасці і разнастайных па форме выкладання першакрыніцах: жыццёвай літаратуры (Жыцці Ефрасінні Полац-

кай, Жыцці Кірылы Тураўскага, Жыцці Аўрамія Смаленскага), летапісах, у тым ліку старажытнарускіх (Аповесці мінулых гадоў, Слове аб паходзе Ігаравым) і беларуска-літоўскіх (Летапісе вялікіх князёў літоўскіх, Беларуска-літоўскім летапісе 1446, Хроніцы Быхаўца), палітычных памфлетах (сачыненнях) (апавесці-прытчы Кірылы Тураўскага аб чалавечай душы і целе (аб кульгавым і сляпым)), пасланнях (творы Клімента Смаляціча «Пасланне смаленскаму прэсвітэру Фаме»), прадмовах або ўступных артыкулах да перакладзеных дзеячамі кніг (прадмове Ф. Скарыны да Бібліі), творах рэлігійна-палемічнай (тэкстах Пятра Скаргі «Пра еднасць Божай царквы», Іпація Пацея «Унія...», Хрыстафора Філалета «Апакрысіс», Малеція

¹Конституция Республики Беларусь // Официальный интернет-портал Президента Респ. Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 27.09.2023).

²Послание белорусскому народу и Национальному собранию // Там же. URL: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-aleksandra-lukashenko-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu-sostoitsya-31-marta> (дата обращения: 10.11.2023).

Сматрыцкага «Трэнас», Афанасія Філіповіча «Дыярыуш») і мастацкай (паэтычным зборніку Сімяона Полацкага «Вертаград мнагацветны») літаратуры, эпістальнай спадчыне (лісце Л. І. Сапегі да епіскапа І. Кунцэвіча), палітычных трактатах і філасофскіх сачыненнях (працах А. Волана «Пра гасудара і ўласцівыя яму дабрачыннасці», А. Алізароўскага «Аб палітычнай супольнасці людзей») і інш. Яны таксама ўвасоблены ў нарматыўных прававых актах: агульнадзяржаўных (агульназемскіх), абласных, валасных і гарадскіх граматах Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ), статутах ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг. і інш.

У IX–XII стст. (перыяд старажытных беларускіх дзяржаў) самым магутным было Полацкае княства. Як адзначаюць навукоўцы, гэта дзяржава знаходзілася на шляху фарміравання сярэднявечнай вечавай рэспублікі, у якой княжацкая ўлада не страціла сваёй сілы, як гэта атрымалася ў Ноўгарадзе, а вечы не перастала існаваць, як у Паўночна-Усходняй Русі [1, с. 25]. Полацкі кіраўнік лічыўся галавой усёй зямлі і ў той перыяд, калі мясцовыя князі сталі гасударамі асобных зямель, напрыклад Мінскага, Віцебскага і іншых княстваў. Вечавыя сходы Полацкай старажытнай дзяржавы заклалі традыцыі народаўладдзя.

Як адзначыла старшыня Савета Рэспублікі Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь Н. І. Качанава на выездным семінары на тэму «Рэспубліка Беларусь: ад вытокаў да сучаснасці (гістарычны шлях дзяржаўнага будаўніцтва)», што адбыўся 25 студзеня 2023 г. у Мінску, «...нашы карані вельмі старажытныя. Першая дзяржава – Полацкае княства – узнікла яшчэ ў дзясятым стагоддзі. Гэта святая зямля – калыска беларускай дзяржаўнасці. Полацк быў адным з трох ключавых цэнтраў Старажытнай Русі на раўне з Ноўгарадам, Кіевам і заўсёды адрозніваўся самастойнасцю»³.

Вечы ўзнікла адначасова з дзяржавай і існавала ва ўсіх старажытных княствах. На ім большасцю галасоў вырашаліся найбольш важныя пытанні. З летапісаў вядома, што вечы актыўна дзейнічалі ў Полацкім княстве, а таксама ў іншых старажытных беларускіх землях, напрыклад у Тураўскім княстве, дзе нават мелася пасада пасадыніка, які выконваў функцыі намесніка князя.

Умацаванню старажытных дзяржаў садзейнічала ўвядзенне хрысціянства, што кардынальна змяніла менталітэт народа. Паступова з’явілася кола асоб, якія займаліся непасрэдна вырашэннем тэарэтычных і практычных праблем належнага функцыя-

навання дзяржавы і ігралі важную ролю ў працэсе ўмацавання пазіцый хрысціянскай ідэалогіі і міжнароднага аўтарытэту старажытных беларускіх дзяржаў-княстваў.

Так, айчынныя беларускія мысліцелі Ефрасіня Полацкая (не пазней 1104 – 1167 гг.), Кірыла Тураўскі (каля 1113 – пасля 1190 гг.), Клімент Смаляціч (? – пасля 1164 г.) на першае месца ставілі ідэю служэння Богу і вышэйшым духоўным каштоўнасцям, адмаўляліся ад матэрыяльных даброт, акцэнтавалі ўвагу на духоўным, вечным пачатку. Ефрасіня Полацкая лічыла, што ў яе няма нічога, акрамя слова Бога і кнігі. Перапісванне і распаўсюджванне кніг – адны з найважнейшых богаўгодных місій чалавека. У гэтым заключаўся сэнс дзейнасці Еўфрасініні Полацкай. Пры манастырах адкрываліся школы, дзе вывучаліся асновы хрысціянскай рэлігіі, розныя навукі, у тым ліку гісторыя. Прычым вывучалася не толькі гісторыя Полацкай зямлі, але і ўся славянская і нават сусветная гісторыя. Галоўнай мэтай была папулярызацыя ідэй хрысціянскага, мірнага суіснавання людзей, народаў і дзяржаў. Навукоўцы сцвярджаюць, што Ефрасіня Полацкая мела значны ўплыў на грамадска-палітычнае жыццё як Полацкага княства, так і іншых дзяржаў⁴.

Кірыла Тураўскі стараўся спасцігнуць вучэнне Божых кніг. У сваіх творах ён адлюстроўваў падзеі сацыяльнага, палітычнага і царкоўнага жыцця. Прыкладам яго дзейнасці выступае апавесць-прытча аб чалавечай душы і целе (аб кульгавым і сляпым), накіраваная супраць негатыўных з’яў тагачаснага грамадства. Мараль прытчы заключаецца ў тым, што толькі не парушаючы законаў (пісаных і не пісаных), а таксама маральных заветаў можна дасягнуць дасканалай супольнасці людзей⁵.

Клімент Смаляціч адмаўляўся ад матэрыяльных даброт, уключаючы царкоўную маёмасць, у той час як многія манастыры, цэрквы, асобныя свяшчэнна-служыцелі з’яўляліся буйнымі ўласнікамі. Ён рабіў акцэнт на духоўным, вечным пачатку⁶.

Такім чынам, вытокі айчыннай дзяржаўнасці, несумненна, знаходзяцца ў далёкай старажытнасці. Першымі гістарычнымі формамі беларускай дзяржаўнасці былі Полацкае і Тураўскае княствы, на станаўленне і развіццё якіх значны ўплыў аказалі ідэі і дзейнасць беларускіх асветнікаў XI–XII стст. Яны адлюстроўвалі сацыяльныя і палітычныя праблемы тагачаснага грамадства, у першую чаргу імкненне беларускай народнасці, якая толькі фармі-

³Вступительное слово Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь Н. И. Кочановой на выездном семинаре Совета Республики на тему «Республика Беларусь: от истоков до современности (исторический путь государственного строительства)» // Совет Респ. Нац. собр. Респ. Беларусь : сайт. URL: <https://sovrep.gov.by/ru/interview-ru/view/vstupitelnoe-slovo-predsedatelja-soveta-respubliki-natsionalnogo-sobranija-respubliki-belarus-kochanovoj-ni-1634> (дата обращения: 10.11.2023).

⁴Ефрасіня Полацкая // Асветнікі зямлі Беларускай, X – пачатак XX ст. : энцыкл. давед. / пад рэд. Г. П. Пашкова. Мінск : Беларус. энцыкл., 2001. С. 160–162.

⁵Кірыла Тураўскі // Там жа. С. 230–234.

⁶Клімент Смаляціч // Там жа. С. 236–238.

равалася, да стварэння самастойнай і незалежнай дзяржавы.

Наступны перыяд у станаўленні і развіцці айчынай дзяржаўнасці звязаны з ВКЛ, палітыка-эканамічным цэнтрам якога былі беларускія землі. Менавіта ў гэты час сфарміравалася кола палітычных дзеячаў і мысліцеляў новага ўзроўню (Францыск Скарына (каля 1490 – каля 1551 гг.), Міхалон Літвін, Сымон Будны (каля 1530 – 1593 гг.), Андрэй Волян (пасля 1530 – 1610 гг.), Астафій Валовіч (каля 1520 – 1587 гг.), Леў Сапега (1557–1633)), якія не толькі распрацоўвалі тэарэтычныя пытанні дзяржавы і права, але і на аснове абагульнення міравых дасягненняў уносілі практычныя прапановы па ўдасканаленню грамадскіх адносін, а таксама заканадаўства.

Пачынальнікам айчыннага рэнесансавага асветніцтва быў Ф. Скарына – усходнеславянскі, у прыватнасці беларускі, першадрукар, выдавец і каментатар першай беларускай Бібліі⁷. Вялікую ўвагу ў сваёй творчай дзейнасці асветнік надаваў пытанням палітыкі і права. Так, ён лічыў, што палітычным ідэалам з’яўляецца асветная, гуманная, моцная манархія. На думку Ф. Скарыны, манарх павінен быць набожным, мудрым, адукаваным, чулым і справядлівым да сваіх падданных. Ён абавязаны кіраваць дзяржавай у строгай адпаведнасці з законамі, сачыць за належным ажыццяўленнем правосуддзя. Адначасова кіраўніку дзяржавы трэба быць моцным і грозным, умець у неабходным выпадку абараніць свой народ. Аднак Ф. Скарына аддаваў перавагу адукаванаму і міралюбіваму гаспадару. Асветнік быў упэўнены ў тым, што грамадства павінна грунтавацца на міры і згодзе.

У прадмове да кнігі «Другі закон Маісееў» Ф. Скарына прапанаваў класіфікацыю права. На яго думку, права дзеліцца на натуральнае і пісанае. Натуральнае права закладзена ў самой істоце чалавека, яно з’яўляецца аднолькавым для ўсіх людзей, уласцівым кожнаму чалавеку і не залежыць ад месца і часу. Пісанае права Ф. Скарына падзяляў на Божае, царкоўнае (кананічнае) і земскае. Нормы Богага права змешчаны ў кнігах Старога Завету і Новага Завету (Бібліі). Асветнік адзначаў, што ў Бібліі пералічаны ўсе законы і правы, якімі людзі павінны кіравацца на зямлі. Гэтыя нормы выступаюць сінонімамі волі Бога. Таму заслугоўвае асуджэння не толькі той, хто не падпарадкоўваецца волі Бога, але і той, хто не ведае яе прадпісанняў. Царкоўнае права – гэта пастановы (каноны), прынятыя царкоўнай уладай. У земскім праве ў залежнасці ад грамадскіх адносін, што рэгуляваліся пэўнымі нормаўмі, Ф. Скарына вылучаў паспалітае (нормы грамадзянскага і сямейнага права), міжнароднае, дзяржаўнае, крымінальнае, ваеннае, гарадское, марское і гандлёвае права.

Супастаўленне прававых ідэй Ф. Скарыны са зместам Статута Вялікага Княства Літоўскага 1529 г. дазволіла прафесару І. А. Юхо прыйсці да высновы аб тым, што асветнік удзельнічаў у распрацоўцы першага сістэматызаванага зводу законаў [2]. На нашу думку, прапанаваная Ф. Скарынам класіфікацыя права, а менавіта вылучэнне ў земскім праве розных галін права, была выкарыстана пры падрыхтоўцы Статута Вялікага Княства Літоўскага 1529 г.

Ф. Скарына лічыў, што пісаны закон павінен быць годным для выканання і карысным для насельніцтва, а таксама адпавядаць звычаям, часу і месцу. Асветнік выказваўся і па адным з найбольш важных пытанняў крымінальнага права – аб мэтах крымінальнага пакарання, пад якімі ён разумеў застрашванне злачынца і адначасова папярэджанне іншым асобам, здольным да злачынства.

Акрамя таго, Ф. Скарына прытрымліваўся ідэі вяршэнства народа ў праватворчасці. Асветнік з’яўляўся прыхільнікам ідэі міру паміж народамі (вечнага міру). Ён быў не толькі вучоным-прававедам, але і юрыстам-практыкам, таму неаднаразова выступаў у судах у якасці абаронцы асабістых інтарэсаў, а таксама інтарэсаў сваіх блізкіх (брата Івана і жонкі Маргарыты).

Працэс удасканалення дзяржаўных, прававых інстытутаў адлюстроўваўся ў працах айчынных мысліцеляў, якія адзначалі неабходнасць захавання і вывучэння гістарычнай спадчыны беларускага народа.

Так, вядомы айчынны гуманіст і мысліцель XVI ст. Міхалон Літвін у сацыяльна-палітычным трактате «Аб нормах татараў, літоўцаў і масквіцян» (каля 1550 г.) параўноўваў норавы, звычаі, традыцыі, законы, асаблівасці арганізацыі кіравання і судовай улады ў розных дзяржавах⁸. Моцную дзяржаўнасць ён звязваў з разумнасцю законаў, мараллю штодзённага жыцця грамадства, стабільнасцю сям’і. Асветнік адлюстравваў погляды тых, хто ў сваёй дзейнасці кіраваўся нацыянальнымі інтарэсамі ВКЛ.

У трактате Міхалон Літвін узяў пытанні сацыяльна-палітычнага ўдасканалення грамадства, рэфармавання існуючых грамадскіх інстытутаў. Ён бачыў аснову гарманічнага грамадства ў маёмаснай роўнасці, прытрымліваўся канцэпцыі ідэальнага правіцеля, справядлівага кіравання і правосуддзя. Грамадскія праблемы асветнік разглядаў з пазіцый процістаўлення дрэнных і добрых звычаяў, аддаваў перавагу самаабмежаванню і памяркоўнасці. Акрамя таго, ён выступаў супраць заняволення адных людзей другімі.

Міхалон Літвін закрануў праблему сацыяльнай роўнасці перад законам. На яго думку, павінен быць аднолькавы прынцып абкладання падаткамі простага чалавека і шляхціца: чым большая маёмасць, тым большым будзе падатак.

⁷Францыск Скарына і яго час : энцыкл. давед. / пад рэд. І. П. Шамякіна. Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1988. 607 [1] с.

⁸Извлечение из четвертого фрагмента // Белорус. мыслители XVI–XVII вв. Избр. тр. Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2017. С. 205–211.

Шмат месца ў трактаце адведзена пытанням уда-сканалення правасуддзя. Асноўнае з іх – ахова жыцця простага чалавека. Прынцып «кроў за кроў» павінен быць аднолькавым для ўсіх злачынцаў незалежна ад іх сацыяльнага становішча. Таму Міхалон Літвін лічыў неабходным вызваліць працоўнае насельніцтва з-пад юрысдыкцыі феадалаў, а права на вынясенне смяротнай кары дазволіць толькі вышэйшым судам. Ён прапаноўваў увесці агульнасаслоўныя суды. У чацвёртым раздзеле трактата Міхалон Літвін вылучыў недахопы судовай сістэмы: адсутнасць апеляцыйных судов, галоснасці, норм судовай пісьменнасці, хібы ў паказаннях сведак. Асветнік падкрэсліваў, што непадзельнасць судовай і адміністрацыйнай улады, сумяшчэнне адной асобай некалькіх адміністрацыйных пасадаў вядуць да страты ідэі справядлівасці і незалежнасці суда.

Праблемы, узнятыя Міхалонам Літвінам у трактаце, часткова былі вырашаны падчас правядзення судовай рэформы 1564 г.: удасканалены дзяржаўнае кіраванне, правасуддзе і працэдура судовага разбору, створана апеляцыйная судовая інстанцыя – Трыбунал Вялікага Княства Літоўскага, падрыхтаваны кваліфікаваныя ўраднікі дзяржаўнага кіравання і суда.

У другой чвэрці XVI ст. на беларускіх землях пачынаюць распаўсюджвацца ідэі Рэфармацыі. Рэфармацыйны рух праявіўся ў ВКЛ пераважна ў формах лютэранства, кальвінізму, арыянства. Лютэранскія ідэі, якія прапаведаваў айчынны асветнік А. Кульва (каля 1510 – 1545 гг.), не атрымалі значнага распаўсюджвання на беларускіх землях. Найбольшае пашырэнне сярод прыхільнікаў Рэфармацыі атрымаў кальвінізм з яго рэспубліканскімі і дэмакратычнымі ідэямі. Вядомымі кальвіністамі ў ВКЛ былі М. Радзівіл Чорны (1515–1565), А. Б. Валовіч, А. Волан [3, с. 76–80].

М. Радзівіл Чорны з’явіўся галоўным ініцыятарам папулярызаванай кальвінізму ў ВКЛ. Па яго ініцыятыве будаваліся кальвінісцкія храмы, пры якіх адчыняліся кальвінісцкія школы, а таксама ствараліся кальвінісцкія абшчыны, засноўваліся друкарні. Першая друкарня на тэрыторыі сучаснай Беларусі была адкрыта ў Брэсце ў 1553 г. Да кальвінісцкіх ідэй далучыліся сваякі і аднадумцы М. Радзівіла Чорнага (Вішнявецкія, Сапегі, Валовічы), якія будавалі ў сваіх уладаннях кальвінісцкія храмы. Каля 1560 г. кальвінісцкі рух на тэрыторыі Беларусі аформіўся ў стройную арганізацыю, заснаваную на дэмакратычных прынцыпах.

Асветнік разглядаў кальвінізм як тэарэтычную аснову рэфармавання дзяржаўнага ладу ВКЛ. Ён выступаў супраць канцэнтрацыі абсалютнай свецкай улады ў руках манарха, быў прыхільнікам перанясення рэспубліканскіх і дэмакратычных прынцыпаў кальвінісцкіх абшчын на дзяржаву. Крыніцай рэлігійнай ісціны ён лічыў Свяшчэннае Пісанне.

Акрамя таго, М. Радзівіл Чорны быў прыхільнікам незалежнасці ВКЛ. Ён разглядаў кальвінізм як

сродак, які дазволіць аслабіць польскі ўплыў на беларускія землі.

Вялікую ролю ў распаўсюджванні кальвінізму ў ВКЛ адыграў А. Б. Валовіч. Пры яго падтрымцы будаваліся кальвінісцкія храмы, запрашаліся прапаведнікі, засноўваліся друкарні, выдавалася кальвінісцкая літаратура.

Палітычны дзеяч, філосаф і правазнаўца А. Волан у працах «Пра палітычную або грамадзянскую свабоду», «Прамовы да сената...», «Пра шчаслівае жыццё, або Найвышэйшае чалавечае дабро», «Пра гасудара і ўласцівыя яму дабрачыннасці» выступаў за рэформы ў сацыяльных і палітычных адносінах, праве і дзяржаўным кіраванні, распрацоўваў канцэпцыю свабоды чалавека, разглядаў дабрачыннасці, якімі павінен валодаць сапраўдны кіраўнік дзяржавы. Ён прытрымліваўся тэорыі натуральнага права і выкарыстоўваў для яе характарыстыкі наступны першахрысціянскі маральны прынцып: «І гэтак ва ўсім, як хочаце, каб з вамі абыходзіліся людзі, так і вы абыходзьцеся з імі» (цыт. па [6, с. 34–38]).

У сярэдзіне 1560-х гг., каля 1563–1565 гг., у кальвінісцкім руху адбыўся раскол [5, с. 182]. З шэрагаў кальвіністаў вылучыўся больш радыкальны напрамак пратэстантызму, прыхільнікі якога атрымалі адразу некалькі назваў: арыяне, антытрынітарыі, сацыніяне, унітарыі (унітарыяне). Арыяне актыўна абмяркоўвалі дзве групы грамадска-палітычных праблем.

Першая група праблем была звязана з адносінамі да ўласнасці. Арыяне шырока абмяркоўвалі пытанні аб тым, ці можа арыянская шляхта валодаць маёнткамі (вялікай маёмасцю наогул), мець прыгонных сялян, карыстацца вынікамі іх працы, устанаўліваць для сваіх прыгонных паншчыну і г. д. Другая група праблем датычылася адносін да дзяржавы. Прыхільнікі арыянства абмяркоўвалі пытанні характару дзяржаўных інстытутаў, стаўлення веруючых да іх, асабістых праў і грамадзянскіх абавязкаў, а таксама аддзялення свецкай улады ад царкоўнай і інш.

У залежнасці ад адказаў на гэтыя пытанні ў арыянстве вылучыліся два напрамкі. Першы, памяркоўны (або правы), напрамак адлюстроўваў погляды сярэдняй шляхты і заможных гараджан. Яго ідэолагамі былі Я. С. Кішка (каля 1540 – 1592 гг.), С. Будны, В. М. Цяпінскі (1530-я гг. – 1599 або 1600 г.) і інш. Яны лічылі, што арыянская шляхта можа валодаць маёнткамі, мець прыгонных сялян, карыстацца вынікамі іх працы, толькі адносіны паміж імі не павінны выходзіць за рамкі хрысціянскай маралі. Сапраўднаму арыянину трэба плаціць падаткі, займаць дзяржаўныя пасады, выконваць воінскі абавязак і нават прымаць удзел у вайне, калі яна носіць справядлівы (абарончы) характар.

Найбольш вядомым тэарэтыкам гэтай плыні арыянства з’яўляўся С. Будны. Спачатку ён прытрымліваўся кальвінісцкіх поглядаў. У 1562 г. у Нясвіжскай

друкарні выйшла ў свет выданне «Катэхізіс», перакладзенае С. Будным на беларускую мову. Да яго асветнік напісаў прадмову, у якой асуджаў амаралізм і невуцтва каталіцкіх святароў, а таксама распрацаваў вучэнне аб войнах. Справядлівымі С. Будны прызнаваў войны, якія вядуцца дзеля абароны Айчыны. Сапраўдны арыяннін павінен прымаць удзел у такой вайне. Несправядлівыя войны С. Будны называў разбоем і лічыў, што не ўдзельнічаць у іх – абавязак кожнага сумленнага чалавека.

У сярэдзіне 1560-х гг. С. Будны перайшоў на пазіцыі правай плыні арыянства, дзе хутка вылучыўся як яе лідар [6, с. 99]. Палітычным ідэалам С. Буднага з'яўлялася манархія. Ён разважаў пра асобу ідэальнага манарха – богабаязнага, справядлівага, міласэрнага. Такі чалавек павінен акружыць сябе разумнымі і вучонымі людзьмі, якія добра ведаюць законы, выкарыстоўваюць уладу не ў асабістых мэтах, а на карысць усёй дзяржавы дзеля дасягнення магчыма лепшага жыцця. С. Будны быў прыхільнікам цэнтралізаванай дзяржавы, якая выступае гарантам абароны праў асобы.

У 1583 г. была выдадзена галоўная праца жыцця С. Буднага «Пра свецкую ўладу». У ёй асветнік выказаў адносіны да сучасных яму дзяржавы і дзяржаўных інстытутаў, воінскага абавязку шляхты, прыватнай уласнасці, права ўладання прыгоннымі сялянамі. Ён не быў праціўнікам прыватнай уласнасці і лічыў, што арыянская шляхта можа валодаць маёмасцю, мець прыгонных сялян, таму што гэта не супярэчыць хрысціянскаму веравучэнню. С. Будны асуджаў толькі крайнасці феадальнага ладу, найбольш жорсткія правы прыгонніцтва. У залежнасці ад валодання маёмасцю ён прызнаваў саслоўнае дзяленне сучаснага яму грамадства. Асветнік выказваўся за суіснаванне і супрацоўніцтва розных сацыяльных саслоўяў, роўнасць саслоўяў перад законам.

На думку С. Буднага, дзяржаўная ўлада мае Божае паходжанне і ёй неабходна падпарадкоўвацца. Сілай дамагацца ўлады нельга. Таму сапраўдны арыяннін можа займаць любыя дзяржаўныя пасады, звяртацца ў суд, весці судовыя працэсы і нават выконваць абавязкі суддзі, які павінен быць справядлівым, чэсным, праўдзівым і веруючым, не перакручваць законы, не браць хабараў.

Такія ж погляды на дзяржаву і ўласнасць былі ў В. М. Цяпінскага. У 1580 г. ён выдаў Евангелле на беларускай мове. У прадмове да яго асветнік падвергнуў крытыцы духавенства, якое не клапацілася аб адкрыцці беларускамоўных школ для простых людзей. Акрамя таго, В. М. Цяпінскі развіў сфармуляваную Ф. Скарынам і С. Будным ідэю адзінства і дружбы славянскіх народаў.

Прадстаўнікі другога напрамку арыянства, радыкальнага (або левага), адлюстроўвалі погляды

гарадской і вясковай беднаты. Яго ідэолагамі былі Пётр з Ганёндза (паміж 1525–1530 гг. – 1573 г.), Марцін Чаховіц (1532–1613), Лаўрэнцій Крышкоўскі, Якуб з Калінаўкі (?–1583), Павел з Візны.

Пётр з Ганёндза ў працах «Супраць боскасці Ісуса Хрыста» (1557) і «Аб першахрысціянскай царкве» (1564) выступіў супраць прыватнай уласнасці, сацыяльнай няроўнасці, прыгоннага права, свецкай улады сучаснай яму дзяржавы, а таксама супраць войнаў, смяротнага пакарання. Ён адмаўляў дзяржаўную ўладу і дзяржаўныя пасады.

М. Чаховіц крытыкаваў каталіцкае веравучэнне і каталіцкую царкву, адмаўляў феадальную ўласнасць і дзяржаву з усімі яе атрыбутамі, прыгонніцтва, войны, прапанаваў ураўняльныя прынцыпы жыцця першых хрысціянскіх абшчын, патрабаваў рэлігійнай верацярпімасці.

Л. Крышкоўскі быў супраць прыватнай уласнасці, якую лічыў прычынай усіх сацыяльных бед, а таксама супраць сучаснай яму дзяржавы як апарату прымуса. У рэзкай форме ён асуджаў прыгонніцтва, паразітызм каталіцкага духавенства і выступаў супраць войнаў.

Такім чынам, Рэфармацыя на беларускіх землях у цэлым была прагрэсіўнай з'явай. Яна паслабіла палітычныя і эканамічныя пазіцыі каталіцкай царквы ў грамадстве, садзейнічала перадавому развіццю палітычных, прававых і заканадаўчых ідэй, беларускай мовы, зразумелай простама насельніцтву, нацыянальнай культуры, абуджэнню нацыянальнай самасвядомасці народа, яго самавызначэнню.

Вялікую ролю ў станаўленні і развіцці беларускай дзяржаўнасці адыгралі ідэі знакамітага беларускага дзяржаўнага дзеяча, мысліцеля, заканатворцы, суддзі Л. І. Сапегі. У прадмовах да Статута Вялікага Княства Літоўскага 1588 г., а менавіта ў прысвячэнні вялікаму князю ВКЛ і каралю польскаму Жыгімонту III Вазе і ў звароце да ўсіх саслоўяў (грамадзян), асветнік выклаў канцэпцыю прававой дзяржавы⁹. Ён меркаваў, што дзяржава ўзнікла натуральным шляхам і была прызначана для дасягнення магчыма лепшага жыцця. Яна засноўваецца на прынцыпах унутранага адзінства, цэнтралізму, правапарадку і законнасці. Галоўнай катэгорыяй філасофіі права Л. І. Сапега лічыў катэгорыю свабоды. Зварот да ўсіх саслоўяў ВКЛ Л. І. Сапега пачаў наступнымі словамі: «Мудрацы ўсіх вякоў лічылі, што ў кожнай дзяржаве прыстойнаму чалавеку нічога не можа быць даражэй за свабоду»¹⁰. Сутнасць свабоды, на думку асветніка, складаюць неадчужальныя правы чалавека – права на ўласнасць і права на асабістую недатыкальнасць. Для абароны грамадзянскіх свабод існуе права, якое Л. І. Сапега разглядаў як сапраўднае праяўленне розуму чалавека. Права павінна забяспечыць унутраны

⁹Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. : тэксты, давед., камент. / пад рэд. І. П. Шамякіна. Мінск : Беларус. сав. энцыкл. 1989. 573 с.

¹⁰Там жа. С. 47.

парадак, стабільнае і ўстойлівае развіццё дзяржавы, сацыяльны мір. Жыццё ў адпаведнасці з законамі – абавязковая ўмова функцыянавання дзяржавы. Толькі павага да права дае магчымасць быць сапраўды свабоднымі. Кожны чалавек павінен ведаць межы сваёй свабоды, а для гэтага неабходна вывучаць законы. Закон павінен быць аднолькавым і абавязковым для ўсіх саслоўяў. Неабходна, каб ён быў накіраваны супраць асобных правапарушальнікаў. Калі ў грамадстве адсутнічае павага да права і пануе беззаконнасць, яно не можа лічыцца чалавечым і справядлівым, а з’яўляецца воўчай зграяй. Права не дапускае выкарыстання дзяржаўнай улады ў карысных мэтах правіцеля. Усё гэта дае падставу разглядаць Л. І. Сапегу як прыхільніка ідэі прававой дзяржавы.

Ідэі Л. І. Сапегі замацаваны ў вядомым зводзе законаў дзяржавы – Статуце Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. Гэта новыя, характэрныя для буржуазных адносін прававыя прынцыпы: падзел улады, адзінства права для ўсёй дзяржавы і кожнага паўнапраўнага грамадзяніна, прыярытэт пісанага права. Закон рэгламентаваў дзяржаўны лад, пытанні судовай улады, правы розных катэгорый насельніцтва і інш. Ён утрымліваў нормы, якія адносіліся да ўсіх галін права, важнейшыя прававыя прынцыпы, у тым ліку прынцып суверэнітэту дзяржавы, замацоўваў і рэгламентаваў структуру і кампетэнцыі вышэйшых органаў дзяржаўнай улады ВКЛ, прычым як бы не заўважаў утварэння Рэчы Паспалітай. Як правільна адзначыла прафесар Т. І. Доўнар, Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. з’явіўся законам, арыентаваным на будучае, у пэўнай ступені – праграмай наступнага ўдасканалення дзяржаўнасці, што прадвызначыла яго выключную даўгавечнасць [1].

У канцы XVI ст. на змену Рэфармацыі прыйшла Контррэфармацыя – рэлігійна-палітычны рух, накіраваны супраць ідэі і вынікаў Рэфармацыі. Пачалося контрнаступленне каталіцызму супраць пратэстантызму.

Для прапаганды ідэі Контррэфармацыі актыўна выкарыстоўваліся царкоўныя суды, манастырскія каталіцкія ордэны, вярхоўная, дзяржаўная ўлада каталіцкіх краін (Іспанія, Рэчы Паспалітай), рэакцыйныя рэлігійна-палітычныя групы феадалаў і шляхты. У ходзе Контррэфармацыі былі ўнесены значныя ўдакладненні ў кананічнае права, занова адрэдагаваны шэраг багаслоўскіх кніг, уведзена строгая царкоўная цэнзура, зацверджаны афіцыйны паказальнік кніг «Індэкс забароненых кніг» (спіс кніг, якія забаранялася чытаць веруючым пад пагрозай адлучэння ад царквы) [7, с. 349–355].

Асаблівае дзейнасці езуітаў заключалася ў тым, што яны не адасабляліся ад свецкага жыцця, а наадварот, прымалі актыўны ўдзел у ім (у сферах адукацыі, культуры і інш.) і такім чынам актыўна ўплывалі на свядомасць людзей у патрэбным кірунку.

Менавіта ў гэты час на беларускіх землях у 1579 г. была адкрыта вышэйшая навучальная ўстанова –

Віленская езуіцкая акадэмія (на базе езуіцкага калегіума, створанага ў 1570 г.). Гэта акадэмія ва ўсіх правах ураўноўвалася з Кракаўскім універсітэтам. Яна стала ідэйным цэнтрам Контррэфармацыі на беларускіх землях. У складзе акадэміі былі два факультэты – філасофскі і тэалагічны. На філасофскім факультэце выкладаліся ўсе гуманітарныя і прыродазнаўчыя навукі таго часу, старажытныя (грэчаская, лацінская, яўрэйская) і новыя (нямецкая, французская) мовы, а на тэалагічным факультэце – Свяшчэннае Пісанне, тэалогія, кананічнае права, казуістыка. Студэнты абодвух факультэтаў вывучалі беларускую мову.

У гэты перыяд практычна ва ўсіх гарадах Беларусі былі пабудаваны першыя езуіцкія сярэднія вучэбныя ўстановы – калегіумы. Езуіты адказаліся ад цялесных пакаранняў і суровай дысцыпліны, якія існавалі ў сярэдніх і вышэйшай школах перыяду Сярэднявечча. Яны распрацавалі шырокую сістэму пакаранняў, якія ўздзейнічалі на самалюбства вучняў (каўпак з аслымі вушамі, ганебная лава і інш.). Існавала сістэма ўзнагарод (адзнакі, пачэснае месца ў класе і інш.). Выхаванне было падпарадкавана таму, каб паставіць здольнасць вучняў на службу каталіцкай царкве.

У 1596 г. была заключана Брэсцкая унія (акт, які замацоўваў аб’яднанне каталіцкай і праваслаўнай царквы на тэрыторыі Рэчы Паспалітай). Гэты саюз быў праведзены на аснове ўзаемных уступак: усталёўвалася вяршэнства папы рымскага, прызнаўся каталіцкі догмат (сыходжанне Святога Духа не толькі ад Бога-Айца, але і ад Бога-Сына) і ў той жа час захоўваліся ўсе праваслаўныя абрады, богаслужэнне і казанні праводзіліся на царкоўнаславянскай (потым на беларускай) мове.

Вакол ідэі Брэсцкай уніі разгарнулася вострая палеміка: з аднаго боку выступілі абаронцы і прыхільнікі ўніі (Пётр Скарга (1536–1612), Іпацій Пацей (1541–1613) і інш.), з другога – яе праціўнікі (Хрыстафор Філалет (? – каля 1624 г.), Мялецый Смятрыцкі (1577–1633), Афанасій Філіповіч (каля 1595–1648 гг.) і інш.).

Рэлігійны і палітычны дзеяч, ініцыятар і прапагандыст ідэі Брэсцкай уніі П. Скарга па сваіх палітычных поглядах быў прыхільнікам неабмежаванай манархіі. Ён абвінавачваў шляхту ў распаўсюджванні ідэі Рэфармацыі, крытыкаваў яе за злоўжыванне саслоўнымі прывілеямі і лічыў прадстаўнікоў гэтага сацыяльнага класа ніжэйшым саслоўем, здольным толькі на ваеннае рамяство. На яго думку, свецкая ўлада павінна падпарадкоўвацца царкоўнай, а кароль – папе рымскаму. Асветнік аб’ектыўна паказаў сацыяльную няроўнасць, якая існавала ў дзяржаве, і адным з першых прадказаў заняпад Рэчы Паспалітай.

У творы «Пра еднасць Божай царквы» П. Скарга налічыў 19 памылак праваслаўнай царквы, якія вялі да скажэння сапраўднага хрысціянскага веравызнання. Ён заклікаў князя К. В. Астрожскага, а разам

з ім і ўсе ўсходнеславянскія народы да заключэння царкоўнай уніі з Рымам. Асветнік прапанаваў шляхі пераадолення рэлігійнай варожасці, якая перашкаджала аб'яднанню цэркваў, паказаў тых выгоды, што атрымаюць праваслаўныя хрысціяне ад гэтага духоўнага саюзу з каталікамі. Ён імкнуўся даказаць, што сапраўднае хрысціянскае веравызнанне ідзе ад рымска-каталіцкай царквы, якая мае законнае права быць галоўнай сярод усіх хрысціянскіх веравызнанняў. На думку П. Скаргі, з прыняццем рэлігійнага саюзу будуць створаны ўмовы для развіцця і росквіту сапраўднай навукі і належнай асветы для народа. Гэта прывядзе да знікнення адасобленасці і варожасці паміж праваслаўнымі і каталікамі. Праваслаўная шляхта заслужыць большы давер і атрымае магчымасць займаць значныя дзяржаўныя пасады. Дзяржава, дзякуючы царкоўнай уніі, набудзе палітычную магутнасць.

Дзяржаўны, палітычны і царкоўны дзеяч ВКЛ, арганізатар і ідэйны натхняльнік Брэсцкай уніі Іпацый Пацей у кнізе «Унія...» імкнуўся даказаць, што паміж каталіцкім і праваслаўным веравызнаннямі існуе толькі ўяўная розніца, якая склалася ў выніку прапаведніцкай дзейнасці невукаў, не дасведчаных у справах царквы і гісторыі яе развіцця. Разам з тым ён аб'ектыўна паказаў цяжкае становішча праваслаўнай царквы, неадпаведнасць яе духавенства свайму прызначэнню. Твор «Унія...» з'явіўся пасля таго, як Іпацый Пацей разам са сваім аднадумцам Кірылам Цярлецкім па дамоўленасці з каралём Рэчы Паспалітай Жыгімонтам III Вазай адносна ўмоў царкоўнай уніі накіраваўся ў Рым, дзе тайна прысягнуў папе Кліменцію VIII на вечны саюз з каталіцкай царквой. Змова стала вядомай і выклікала абурэнне праваслаўных хрысціян. Каб апраўдаць свой пераход на бок уніі, Іпацый Пацей выступіў у друку з кнігай «Унія...».

У 1597 г. Хрыстафор Філалет у адказ на кнігі Пятра Скаргі і Іпація Пацея выдаў твор «Апакрысіс», накіраваны супраць Брэсцкай уніі. Асветнік даказаў, што саюз уніяцкіх епіскапаў з рымска-каталіцкай царквой быў абумоўлены жаданнем дамагацца матэрыяльных выгод, высокіх дзяржаўных пасадаў, рэлігійных прывілей і палітычных праў. Ён лічыў, што ў выніку заключэння царкоўнай уніі і абмежавання праў праваслаўнага беларускага насельніцтва можа адбыцца сялянская вайна, і падкрэсліваў, што знявага інтарэсаў праваслаўнай апазіцыі непазбежна прывядзе да класавага антаганізму, у выніку якога рэлігійная барацьба перарасце ў сацыяльнае процідзеянне народных мас супраць феодалаў незалежна ад іх веравызнання. Каб прадухіліць уплыў працы «Апакрысіс» на народ і выратаваць царкоўную ўнію ад распаду, яе ідэолагі скуплівалі гэту кнігу і знішчалі.

Выратаванне свайго народа А. Філіповіч бачыў у адраджэнні і ўмацаванні праваслаўнай царквы. На яго думку, менавіта з-за царкоўнай уніі ў краіне беспакarana парушаюцца агульнапрынятыя законы і правы як у свецкім, так і ў духоўным жыцці грамадства. Асветнік лічыў, што польскія феодалы і прадстаўнікі каталіцкай царквы імкнуліся да ўніфікацыі праваслаўнага і каталіцкага веравызнанняў не з рэлігійных, а з палітычных меркаванняў. У палемічным зборніку «Дыярыуш» А. Філіповіч паказаў гераічную барацьбу беларускага народа за свае нацыянальныя і рэлігійныя правы, культуру, звычаі і традыцыі.

У гэты перыяд беларуская моладзь упершыню пачала атрымліваць вышэйшую юрыдычную адукацыю на Радзіме. У 1641 г. у складзе Віленскай езуіцкай акадэміі быў створаны юрыдычны факультэт, які пачаў дзейнічаць у 1644 г. Яго заснаваў сын Л. І. Сапегі К. Л. Сапега (1609–1659), падканцлер ВКЛ. Ён ахвяраваў на ўтрыманне прафесараў юрыдычнага факультэта 12,5 тыс. польскіх злотых, перадаў акадэміі бібліятэку свайго бацькі, што налічвала каля 3 тыс. каштоўных кніг, і запрасіў для выкладання на юрыдычным факультэце чатырох прафесараў-правазнаўцаў: двух немцаў (прафесара цывільнага права С. Дзільгера, прафесара кананічнага права І. Шаўэра), аднаго іспанца (прафесара цывільнага права Б. Соксо) і аднаго беларуса (урадженца Віцебшчыны, прафесара кананічнага права А. Алізароўскага (1618–1659)) [8]. Першым дэканам юрыдычнага факультэта стаў прафесар С. Дзільгер.

А. Алізароўскі ў працы «Аб палітычнай супольнасці людзей» прапанаваў наступную класіфікацыю права: Божае права, натуральнае права і права народаў. Пры гэтым, на думку асветніка, Божае права і натуральнае права знаходзяцца не ў падпарадкаванні другога першаму, а выступаюць як самастойныя віды і дапаўняюць адно аднаго. А. Алізароўскі пазбягаў спецыяльнага аналізу ролі і прызначэння Богага права, а калі вымушаны быў да яго звяртацца, то даваў нетрадыцыйнае тлумачэнне: «Боскае права забараняе несправядлівасць, прыгнечанне бедных і ўсялякія крыўды»¹¹. Пераважна ён даследаваў натуральнае права, якое прырода закладвае ў чалавеку як сацыяльнай і біялагічнай істоце. У сацыяльным аспекце прынцыпы натуральнага права выяўляюцца праз развіццё і ўдасканаленне сацыяльнай арганізацыі жыцця людзей (сям'я, фальварак, паселішча, грамадства, дзяржава). З біялагічнага пункту гледжання правы чалавека вызначаюцца яго агульнасцю з жывёльным светам і ўвасабляюцца ў праве на самаабарону, праве на распараджэнне сабой, імкненні да супрацоўніцтва (зносін) з сабе падобнымі і інш.

Побач з прыродай у сваім вучэнні А. Алізароўскі адводзіў значнае месца розуму і рацыянальным якасцям чалавека. Прырода і розум выступаюць як

¹¹ Алізароўскі Аарон // Асветнікі зямлі Беларускай, Х – пачатак XX ст. : энцыкл. давед. / пад рэд. Г. П. Пашкова. Мінск : Беларус. энцыкл., 2001. С. 7–10.

зыходныя ўзаемадапаўняльныя перадумовы права. Абгрунтаванне натуральна-прававых ідэй дазваляла асветніку развіваць новае разуменне свабоды і роўнасці. На думку А. Алізароўскага, існуюць тры віды свабоды, а менавіта прававая, філасофская і палітычная. Прававая свабода – гэта здольнасць людзей у адпаведнасці з прыроднай і агульнай годнасцю распараджацца сваім жыццём паводле ўласнага разумення і патрабаванняў закону. Філасофская свабода – гэта ўлада розуму над эмоцыямі і імкненнямі. Палітычная свабода – гэта панаванне ў грамадстве права і закону, а не самавольства манарха.

Асветнік распрацаваў канцэпцыю грамадскага дагавору, згодна з якой прызначэнне і мэты дзяржавы судносяцца з агульнаграмадзянскай карысцю і ўзаемазацікаўленасцю людзей у фарміраванні палітычных саюзаў – супольнасцей. Дзяржава, на думку А. Алізароўскага, з’яўляецца створаным з мноства паселішчаў аб’яднаннем людзей, звязаных правам, што ўвайшлі ў гэту згоду ў імя добрага і шчаслівага жыцця. Праблемы дзяржавы ён спалучаў з пытаннямі грамадства. Паводле тагачаснай палітычнай ідэалогіі сапраўднымі грамадзянамі былі толькі прадстаўнікі шляхты. А. Алізароўскі прытрымліваўся думкі, у адпаведнасці з якой дасканаласць дзяржавы залежыць ад найбольш рацыянальнай выбранай формы кіравання, і быў прыхільнікам спадчыннай манархіі і праціўнікам тыраніі. Асветнік лічыў, што грамадзянамі дзяржавы з’яўляюцца ўсе яе жыхары, акрамя рабоў і іншаземцаў. На яго думку, ёсць вышэйшыя і ніжэйшыя саслоўі, але для кожнага чалавека павінна існаваць магчымасць свабоднага пераходу з аднаго сацыяльнага класа ў другі і ўсе людзі роўныя перад законам. Ігнараванне прынцыпаў грамадскага дагавору вядзе да гібелі дзяржавы. Разбуральнымі фактарамі выступаюць дзеянні людзей, якія парушаюць чалавечыя сувязі, а таксама дрэннае кіраванне, адсутнасць законнасці і справядлівасці, няроўнасць, эгаізм пануючых саслоўяў, а таксама несправядлівае выкарыстанне права, асабліва ў судах.

Вялікі князь ВКЛ і кароль польскі Уладзіслаў IV Ваза (1565–1648) у сваім прывілеі пацвердзіў усе правы, дадзеныя раней акадэміі, і пажадаў, каб у ёй публічна выкладаліся курсы кананічнага і цывільнага права, а студэнтам, якія праявілі сябе ў гэтых навук, прысуджаліся тыя ж навуковыя ступені, што і ў другіх акадэміях і ўніверсітэтах. Такім чынам, адкрыццё і дзейнасць юрыдычнага факультэта садзейнічалі эфектыўнаму прававому рэгуляванню грамадскіх адносін у ВКЛ, развіццю палітычнай і прававой думкі Беларусі ў гэты час.

З сярэдзіны XVIII ст. у развіцці беларускай дзяржавы пачаўся новы этап, які характарызаваўся распаўсюджваннем на беларускіх землях асветніцкай ідэалогіі. Пад яе ўплывам у ВКЛ сталі пашырацца антыпрыгонніцкія ідэі, вырасла колькасць прыхільнікаў рэфармавання грамадства на новых буржуазна-дэмакратычных асновах. Носьбітамі пра-

грэсіўных ідэй з’яўляліся прадстаўнікі перадавой часткі шляхты, а таксама буржуазіі, якая толькі фарміравалася. Грамадства імкнулася да адраджэння і аднаўлення эканамічнага, палітычнага і духоўнага жыцця. Абмежавалася ўжыванне прынцыпу *liberum veto*, спрасцілася працэдура правядзення соймаў, была рэфармавана сістэма мытных пошлін. Меркавалася павелічэнне рэгулярнай арміі, упарадкаванне фінансаў і судаводства.

Я. С. Ябланоўскі (1669–1731), асветнік гэтага перыяду, крытыкаваў дзяржаўны лад Рэчы Паспалітай, слабасць каралеўскай улады, адсутнасць належнага правасуддзя, бязладдзе ў правядзенні соймаў. Аднак ён не прапаноўваў змяніць існуючы грамадскі і дзяржаўны лад, адмяніць дзеянне прынцыпу *liberum veto*.

С. Ляшчынскі (1677–1766) у працы «Вольны голас у абарону свабоды» (1733) выступіў супраць прыгоннага права. Ён патрабаваў асабістай свабоды для сялян з наданнем ім права займацца іншымі заняткамі і права складаць на памешчыкаў скаргі ў дзяржаўныя суды. На думку асветніка, рэформы павінны закрануць не толькі сацыяльную, але і палітычную сферу. Аднак С. Ляшчынскі прапанаваў толькі абмежаваць прынцып *liberum veto*.

У дзейнасці вядомага асветніка XVIII ст. С. Канарскага (1700–1763) навукоўцы вылучаюць тры асноўныя напрамкі: рэфармаванне існуючай сістэмы адукацыі, выдавецкую дзейнасць і напісанне зладзённых палітычных твораў [3, с. 151–153]. Так, ён прапанаваў праект стварэння новай сістэмы навучання, у якой замест лацінскай мовы вялікая ўвага надавалася сучасным мовам, прыродазнаўчым і дакладным навукам, значнае месца адводзілася патрыятычнаму выхаванню. У 1740 г. была адкрыта першая школа, заснаваная па прынцыпах С. Канарскага, а ў 1754 г. была праведзена рэформа школ згодна з дадзенымі прынцыпамі. У сувязі з гэтым манаполія езуітаў у галіне адукацыі была аслаблена.

Асветнік распачаў выданне крыніц права – збор законаў «Валюміна легум». Першы том гэтай працы (С. Канарскі выступіў рэдактарам і аўтарам прадмовы) быў апублікаваны ў 1732 г. У 1732–1739 гг. выйшлі ў свет шэсць тамоў, у 1764–1780 гг. – сёмы і восьмы тамы. Яны былі перавыдадзены І. Агрызкай у Пецярбургу. У 1889 г. быў надрукаваны дзявяты том, у 1952 г. – дзясяты том.

Акрамя таго, С. Канарскі напісаў трактат «Аб эфектыўным правядзенні нарадаў», у якім выступіў супраць бессэнсоўных соймавых спрэчак. Ён прапанаваў адмяніць прынцып *liberum veto*, аднак сучаснікі не адразу прыслухаліся да яго, і гэты прынцып быў адменены толькі Канстытуцыяй Рэчы Паспалітай ад 3 мая 1791 г.

У 1780 г. беларускі асветнік М. Пачобут-Адлянціцкі (1728–1810) рэарганізаваў Віленскую езуіцкую акадэмію ў Галоўную школу ВКЛ і стаў яе рэктарам. Ён прымаў удзел у дзейнасці Камісіі народнай адукацыі

(Адукацыйнай камісіі – першага міністэрства на-роднай адукацыі), арганізаваў ва ўніверсітэце два аддзяленні – фізічнае (факультэт логікі) і маральнае (факультэт права), адкрыў чатырохгадовую школу падрыхтоўкі настаўнікаў. У 1773 г. М. Пачобут-Адлянцікі распрацаваў праект заснавання спецыяльнага таварыства (Акадэміі навук).

Прафесар Галоўнай школы ВКЛ, член Адукацыйнай камісіі Ю. К. Багуслоўскі (1754–1819) абгрунтаваў неабходнасць канстытуцыйнай формы кіравання, крытыкаваў самадзяржаўе. У працы «Пра дасканалае заканадаўства» (1786) побач з натуральным правам як асновай справядлівага заканадаўства ён разглядаў чалавека як адзінства двух субстанцый – матэрыяльнай і духоўнай. Асветнік меркаваў, што чым больш адукаваным будзе народ, тым дасканалей будуць яго законы.

У апошняй трэці XVIII ст. сярод асветнікаў Беларусі асаблівай папулярнасцю карыстаўся фізіякратызм. Фізіякраты сапраўднай крыніцай багацця лічылі зямлю, а сапраўднай прадукцыйнай працай – земляробства. Таму яны крытыкавалі прыгоннае права, якое стрымлівала прагрэс сельскай гаспадаркі, распрацоўвалі праекты адмены прыгонніцтва, даказвалі неабходнасць фермерскага спосабу выдзення гаспадаркі. Фізіякраты прытрымліваліся тэорыі натуральнага права і дагаворнага паходжання дзяржавы.

І. Страйноўскі (1754–1815), прадстаўнік фізіякратызму, уваходзіў у склад камісіі па падрыхтоўцы праектаў грамадзянскага і крымінальнага кодэксаў. У 1799–1806 гг. ён быў рэктарам Галоўнай школы ВКЛ. Асноўнай працай асветніка лічыцца польскамоўны твор «Навука права натуральнага, палітычнага, палітычнай эканоміі і права народаў»¹². І. Страйноўскі лічыў Бога творцам і першапрычынай прыроды. На яго думку, назіранні за нябеснымі целамі, даследаванні рознага роду стварэнняў і развагі пра будову чалавека вымушаюць прызнаваць існаванне вышэйшай сілы і мудрасці.

Асновай светапогляду І. Страйноўскага, як і ідэалогіі ўсіх тагачасных фізіякратаў, было вучэнне пра натуральны парадак рэчаў і натуральнае права як яго вынік. Натуральны парадак рэчаў – гэта адзінства фізічнага і маральнага парадку, сукупнасць законаў прыроды і грамадства. Людзі, як меркаваў асветнік, могуць быць шчаслівымі толькі праз глыбокае пазнанне і поўнае захаванне гэтага натуральнага права. Адыход чалавека або грамадства ад дакладных і разумных законаў прыроды выклікае пакаранне – няшчасці, бедствы, беспарадкі і г. д. Натуральныя ж законы выяўляюць толькі натуральныя правы і абавязкі чалавека, да якіх належыць яго імкненне да самазахавання, задавальнення сваіх патрэб у ежы, адзенні, жыллі і прыладах працы. З натуральных

праў і абавязкаў асобнага індывіда І. Страйноўскі выдзяляў сацыяльныя правы і абавязкі (вечныя і нязменныя правы на асабістую свабоду, узаемную дапамогу, прыватную ўласнасць). Ён лічыў, што здабытая сумленнай працай прыватная ўласнасць – краевугольны камень грамадства, а яе недатыкальнасць з’яўляецца найпершым натуральным правам чалавека.

Паводле І. Страйноўскага, ніхто не мае права пазбавіць чалавека яго натуральнай свабоды. Ён павінен абараняць ад гвалту сваю ўласнасць і свабоду і, адпаведна, не рабіць замаху на чужую прыватную ўласнасць, не ўжываць сілы ў адносінах да іншых людзей, за выключэннем выпадкаў самаабароны. Прынцыпы натуральнага права асветнік разглядаў у якасці крытэрыяў сапраўднасці або няправільнасці таго ці іншага сацыяльна-палітычнага ладу.

І. Страйноўскі паслядоўна абгрунтаваў залежнасць шчасця народа і разумнае сацыяльнае ўпарадкаванне ад узроўню пашырэння ведаў аб прыродзе і грамадстве. На яго думку, для ажыццяўлення плана асветы насельніцтва неабходна стварыць правільную сістэму навучання юнацтва, садзейнічаць развіццю навукі, выдаваць кнігі і падручнікі.

І. І. Ю. Храптовіч (1729–1812), грамадскі, палітычны і дзяржаўны дзеяч ВКЛ, прыхільнік фізіякратызму, з’яўляўся адным са стваральнікаў Адукацыйнай камісіі і больш за 20 гадоў быў яе членам. Найбольш поўнае ўяўленне пра светапогляд асветніка даюць яго творы «Аб штогадовым нацыянальным узнаўленні» і «Аб натуральным праве» [9]. І. І. Ю. Храптовіч звярнуў увагу на наяўнасць у грамадстве натуральнага парадку, які ўстанаўлівае правы і абавязкі ўсіх людзей. Для падтрымкі такога парадку ў супольным жыцці заключаюцца дагаворы. Чым бліжэй закон да натуральнага права, тым больш ён справядлівы. У цэнтры знаходзіцца чалавек з яго патрэбамі, інтарэсамі, правамі і абавязкамі. Паколькі задавальненне гэтых патрэб магчыма толькі ў грамадстве, то кожнаму чалавеку трэба лічыцца з патрэбамі іншых яго членаў. Але людзі значна адрозніваюцца адзін ад аднаго сваім маёмасным становішчам. Як вынікае з натуральнага парадку рэчаў, усе грамадзяне павінны працаваць на тым месцы, якое ім натуральна наканавана, не імкнучыся пранікнуць у закрытую для іх сферу.

Прагрэсіўным момантам у вучэнні І. І. Ю. Храптовіча з’яўлялася тое, што маральны парадак ён ставіў у залежнасць ад фізічнага парадку прыроды. Маральныя законы, на думку асветніка, цалкам адпавядаюць таму, што карысна і неабходна чалавеку ў яго жыцці. Як і ўсе фізіякраты, ён разглядаў грамадства як натуральны арганізм, што складае частку прыроды, у якую ўваходзяць чалавек і яго маральныя прынцыпы. Калі чалавек не мае свабоды ці бяспекі

¹²Страйноўскі Іеранім // Асветнікі зямлі Беларускай, X – пачатак XX ст. : энцыкл. давед. / пад рэд. Г. П. Пашкова. Мінск : Беларус. энцыкл., 2001. С. 416–418.

або пазбаўлены ўласнасці, ён становіцца ізгоем, бескарысным для сябе і грамадства. І. І. Ю. Храптовіч лічыў чалавека і яго здольнасці (перш за ўсе разумовыя) галоўным элементам вытворчасці. У правядзенні гаспадарчых рэформ і вызваленні сялян ад прыгоннай залежнасці асветнік бачыў шляхі ўзнаўлення грамадства. Ён верыў, што пры належнай арганізацыі грамадскага жыцця ў адпаведнасці з патрабаваннямі натуральнага права ўзнікае магчымасць стварэння пастаянна растучай збяспечанасці і павышэння ўзроўню асветы для ўсіх. Гэта быў асветніцкі гуманізм і адначасова ўтапізм. Гуманізм І. І. Ю. Храптовіча праяўляўся ў павазе да творчасці народа, асобы селяніна, прызнанні яго натуральных праў.

Палітычны і грамадскі дзеяч ВКЛ, беларускі асветнік А. Тызенгауз (1733–1785) быў фізіякратам-практыкам. Ідэі рэфармавання дзяржаўнага ладу, перадавыя, гуманістычныя ідэі грамадства выказвалі таксама К. Нарбут, С. М. Аскерка і інш.

Нельга не сказаць пра ідэі ўтапічнага сацыялізму, якія па свайму зместу ў некаторай ступені былі прагрэсіўнымі. У рукапісным творы І. М. Яленскага (1756–1813) «Благавесць да Ісраіля Расійскага» выкладзена праграма радыкальнай перабудовы грамадства. Яна заключалася ў адмене прыватнай уласнасці, саслоўнага ладу, стварэнні агульнанарод-

най дзяржавы і ўрада, абшчынным вядзенні гаспадаркі, усеагульнай абавязковай працы і адукацыі, справядлівым падзеле матэрыяльных багаццяў. На думку асветніка, органы дзяржаўнага кіравання, суды і раду старэйшын трэба выбіраць агульнанародным галасаваннем. Перавага павінна аддавацца мудрым і дабрадзейным людзям, бедным па свайму матэрыяльнаму становішчу. І. М. Яленскі выступаў за ўвядзенне простых і ясных законаў, адмену смяротнага пакарання і яго замену выгнаннем парусальнікаў законаў з грамадства.

С. Зяновіч у рукапіснай працы «Сапраўднае тлумачэнне праў чалавека» крытыкаваў існуючае несправядлівае грамадства. Асветнік асуджаў сацыяльную няроўнасць, прыгнечанне аднаго чалавека другім, самадзяржаўе як форму дзяржаўнага кіравання. Сучаснаму недасканалому грамадству ён праціпаставіў ідэал свабоднага грамадства, заснаванага на агульнай уласнасці і роўнасці людзей.

П. К. Бжастоўскі (1739–1827) у сваім маёнтку наогул скасаваў прыгоннае права, дараваў сялянам асабістую вольнасць і перадаў усю зямлю сялянскай абшчыне, якая атрымала назву «Паўлаўская рэспубліка». Яна мела ўласныя сцяг, герб, войска, грошы, прэзідэнта. Паўлаўская рэспубліка спыніла сваё існаванне пасля смерці П. К. Бжастоўскага.

Заклучэнне

Палітычныя і прававыя ідэі, якія выказваліся айчыннымі асветнікамі на працягу XII–XVIII стст., адлюстроўвалі інтарэсы розных сацыяльных класаў і груп беларускага насельніцтва. Грамадскае значэнне набывалі тыя ідэі, якія адпавядалі інтарэсам вялікай часткі грамадства, найбольш змястоўна адлюстроўвалі адносіны розных людзей да дзяржавы, права, палітыкі, заканадаўства.

У сваіх працах айчынным асветнікі паказвалі сям'я істотныя сацыяльныя і палітычныя праблемы сучаснага ім грамадства, выступалі за стварэнне са-

мастойнай і незалежнай дзяржавы, уздымалі праблему ўдасканалення дзяржаўных, прававых інстытутаў, а таксама адзначалі неабходнасць захавання і вывучэння гістарычнай спадчыны беларускага народа з мэтай недапушчэння памылак у будучым.

Прагрэсіўныя напрацоўкі, якія былі зроблены айчыннымі асветнікамі з XII па XVIII ст., аказалі значны ўплыў на далейшае станаўленне і эвалюцыю дзяржаўных, прававых інстытутаў Беларусі і былі выкарыстаны на наступных этапах развіцця нацыянальнай дзяржаўнасці.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Доўнар ТІ. *Гісторыя дзяржавы і права Беларусі*. 2-е выданне. Мінск: Адукацыя і выхаванне; 2021. 432 с.
2. Юхо ІА. *Общественно-политический строй и право Белоруссии в XVI веке* [диссертация]. Киев: Киевский университет; 1979. 401 с.
3. Шалькевіч ВФ. *Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі*. Мінск: Маладзёжнае навуковае супольніцтва; 2002. 248 с.
4. Вішнеўская ІВ. *Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі*. Мінск: Тэсей; 2004. 271 с.
5. Голубева ЛЛ. Асноўныя этапы станаўлення і развіцця палітычнай і прававой думкі Беларусі. У: Балашэнка СА, рэдактар. *Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнеўрапейскім цывілізацыйным кантэксте*. Мінск: Бизнесофсет; 2012. с. 179–189.
6. Сокол СФ. *Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI – первой половины XVII в.* Минск: Наука и техника; 1984. 186 с.
7. Гризингер Т. *Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени*. Костелецкая АП, редактор. Минск: МФЦП; 2004. 640 с. (Народы земли).
8. Голубева ЛЛ. Алізароўскі Аарон (Адам, Аляксандр) (1618–1659). *Юстиция Беларусі*. 2003;5:11.
9. Голубева ЛЛ. Іахім Літавор Храптовіч – дзяржаўны, грамадскі дзеяч, фізіякрат, маршалак Галоўнага Суда, міністар замежных спраў, апошні канцлер Вялікага Княства Літоўскага. *Юстиция Беларусі*. 2015;1:77–79.

References

1. Downar TI. *Gistoryja dzjarzhavy i prava Belarusi* [History of the state and law of Belarus]. 2nd edition. Minsk: Adukacyja i vyhavanne; 2021. 432 p. Belarusian.
2. Yuho IA. *Obshhestvenno-politicheskii stroi i pravo Belorussii v XVI veke* [Socio and political system and law of Belarus in the 16th century] [dissertation]. Kyiv: Kievskii universitet; 1979. 401 p. Russian.
3. Shalkevich VF. *Gistoryja palitychnaj i pravavoj dumki Belarusi* [History of political and legal thought of Belarus]. Minsk: Maladzjiozhnae navukovae supol'nictva; 2002. 248 p. Belarusian.
4. Vishnewszkaja IU. *Gistoryja palitychnaj i pravavoj dumki Belarusi* [History of political and legal thought of Belarus]. Minsk: Tjesej; 2004. 271 p. Belarusian.
5. Golubeva LL. Key stages in the development of political and legal thought in Belarus. In: Balashjenka SA, editor. *Gistoryja i suchasnasc': belaruskaja dzjarzhavnasc' va wshodneewrapejskim cyvilizacyjnym kantjeksce* [History and the present: Belarusian statehood in the Eastern European civilisational context]. Minsk: Biznesofset; 2012. p. 179–189. Belarusian.
6. Sokol SF. *Politicheskaya i pravovaya mysl' v Belorussii XVI – pervoi poloviny XVII v.* [Political and legal thought in Belarus of the 16th – first half of the 17th century]. Minsk: Nauka i tehnika; 1984. 186 p. Russian.
7. Griesinger T. *Iezuity. Polnaya istoriya ih yavnyh i tainyh deyanii ot osnovaniya ordena do nastoyashhego vremeni* [The Jesuits. A complete history of their overt and secret deeds from the foundation of the order to the present time]. Kosteletskaya AP, editor. Minsk: MFTsP; 2004. 640 p. (Narody zemli). Russian.
8. Golubeva LL. [Alizarovsky Aharon (Adam, Alexander) (1618–1659)]. *Justice of Belarus*. 2003;5:11. Belarusian.
9. Golubeva LL. [Joachim Litavor Khraptoovich – statesman, public figure, physiocrat, marshal of the Supreme Court, minister of foreign affairs, last chancellor of the Grand Duchy of Lithuania]. *Justice of Belarus*. 2015;1:77–79. Belarusian.

Артыкул наступіў у рэдкалегію 14.11.2023.
Received by editorial board 14.11.2023.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

УДК 342.76

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА КОНСТИТУЦИОННО-СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ

Н. С. МАЛЮТИН^{1), 2)}

¹⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Россия

²⁾Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
ул. Большая Черемушkinsкая, 34, 117218, г. Москва, Россия

Анализируется комплексное изменение законодательства в сфере конституционного контроля, позволяющее вести речь о сформировавшемся ограничительном понимании конституционного права на судебную защиту применительно к его конституционно-процессуальной форме. В частности, исследуется право на доступ к конституционному правосудию в его историческом развитии с момента закрепления в Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. до настоящего времени, а также оценке подвергаются институциональные изменения в системе отечественного конституционного контроля. Отдельное внимание уделяется новеллам Федерального конституционного закона от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”», которые можно рассматривать в качестве инструментов ограничения соответствующего права на конституционно-судебную защиту. Подвергается критической оценке состоявшийся виток судебной реформы в этой части и предлагаются авторские варианты корректировки сложившейся ситуации. Как итог, констатируется сформировавшийся в настоящее время подход к ограничительной интерпретации права на конституционно-судебную защиту, в связи с чем обосновывается вывод о необходимости его системного научного осмысления и последующей корректировки.

Ключевые слова: право на судебную защиту; конституционно-судебная защита; Конституционный Суд Российской Федерации; конституционное правосудие; ограничение права; регулирование права.

Образец цитирования:

Малютин Н.С. Ограничение права на конституционно-судебную защиту в российской практике. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2023;3:22–31. EDN: JMGURW

For citation:

Malyutin NS. Restriction of the right to constitutional and judicial protection in Russian practice. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2023;3:22–31. Russian. EDN: JMGURW

Автор:

Никита Сергеевич Малютин – кандидат юридических наук; доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета¹⁾, ведущий научный сотрудник центра судебного права²⁾.

Author:

Nikita S. Malyutin, PhD (law); associate professor at the department of constitutional and municipal law, faculty of law^a, and leading researcher of the centre for judicial law^b.
n_malyutin@mail.ru

RESTRICTION OF THE RIGHT TO CONSTITUTIONAL AND JUDICIAL PROTECTION IN RUSSIAN PRACTICE

N. S. MALYUTIN^{a, b}

^aLomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

^bInstitute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
34 Bolshaya Cheremushkinskaya Street, Moscow 117218, Russia

The article analyses a complex change in legislation in the field of constitutional control, which allows us to talk about the formed restrictive understanding of the constitutional right to judicial protection in relation to its constitutional procedural form. In particular, the right to access to constitutional justice is studied in its historical development from the moment it was enshrined in the Constitution of the Russian Federation of 12 December 1993 to the present, and the institutional changes that have taken place in the system of domestic constitutional control are also evaluated. Special attention is paid to the novelties of the Federal Constitutional Law of 9 November 2020 No. 5-ФКЗ « On amendments to the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation”», which fixed a number of provisions that can be considered as tools for restricting the relevant right to constitutional and judicial protection. The author critically assesses the judicial reform that has taken place in this part and offers his own options for correcting the current situation. As a result, the author states the current approach to the restrictive interpretation of the right to constitutional and judicial protection, in connection with which he proposes its systematic scientific understanding and the need for adjustment.

Keywords: right to judicial protection; constitutional and judicial protection; the Constitutional Court of the Russian Federation; constitutional justice; restriction of law; regulation of law.

Постановка проблемы

Очередной виток непрекращающейся с принятием Конституции Российской Федерации¹ (далее – Конституция РФ) судебной реформы, нормативно оформившийся в 2020 г., актуализировал вопрос о доступе граждан и их объединений к такому значимому средству обеспечения и защиты своих конституционных прав, как конституционное судопроизводство. Данное обстоятельство обусловлено точечными корректировками конституционного текста, которые предлагают, по сути, обновленную формулировку базовых положений о Конституционном Суде Российской Федерации² (далее – КС РФ), а также последовавшей за ними масштабной реформой профильного закона³. Кроме того, отдельные вопросы в контексте обеспечения надлежащей судебной защиты права возникают в связи

с состоявшимся выходом Российской Федерации из Совета Европы и сопутствующим прекращением статуса Высокой Договаривающейся Стороны Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴ (далее – Европейская конвенция).

Представляется, что любые изменения системы законодательства о судебной власти подобного масштаба требуют одновременной оценки с точки зрения их влияния на качество и эффективность реализуемой судебной власти. Именно при указанных обстоятельствах осуществляемое в государстве правосудие может признаваться таковым на основе фундаментальных конституционных принципов (ст. 1, 2 и 17 Конституции РФ) и положений универсальных международных документов о правах человека⁵.

¹Конституция Российской Федерации : принята 12 дек. 1993 г. с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 20.10.2022).

²Речь идет прежде всего о существенной редакции ст. 125 Конституции РФ, предусматривающей как уточнение отдельных конституционных параметров КС РФ, так и корректировку оснований для реализации последним своих полномочий (см. подробнее: О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон Рос. Федерации о поправке к Конституции Рос. Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416).

³См.: О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» : Федер. конституц. закон от 9 нояб. 2020 г. № 5-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 46. Ст. 7196.

⁴О последствиях прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы в свете ст. 58 Европейской конвенции о правах человека [Электронный ресурс] : Резолюция Европ. суда по правам человека : принята 21 марта 2022 г. – 22 марта 2022 г. // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2020.

⁵По делу о проверке конституционности ст. 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», ООО «Карелия» и ряда граждан : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 11 мая 2005 г. № 5-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 22. Ст. 2194 ; По делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 292 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры «Дом культуры им. Октябрьской революции», ОАО «Центрнефтехимремстрой», гражданина А. А. Лысогора и администрации Тульской области : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 17 нояб. 2005 г. № 11-П // Там же. № 48. Ст. 5123 ; По делу о проверке конституционности ст. 3, 4, п. 1 ч. 1 ст. 134, ст. 220, ч. 1 ст. 259, ч. 2 ст. 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта «з» п. 9 ст. 30, п. 10 ст. 75, п. 2 и 3 ст. 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ч. 4 и 5 ст. 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А. В. Андронova, О. О. Андроновой, О. Б. Белова и других, уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии «Справедливая Россия» в Воронежской области : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 22 апр. 2013 г. № 8-П // Там же. 2013. № 18. Ст. 2292.

Как справедливо отмечается в доктрине, закрепленное в Конституции РФ право на судебную защиту предполагает не только возможность защиты субъективных прав, нарушение которых возникает в некоем материально-правом споре между субъектами правоотношений, но и необходимость эффективного контроля в отношении публичной власти. Указанный контроль, среди прочего, подразумевает возможность оспаривания как деятельности публичной администрации, выражающейся в совершении каких-либо исполнительно-распорядительных действий, так и принятых в результате такой деятельности и в рамках соответствующей компетенции решений, к числу которых можно отнести нормативные акты. Именно на такой подход опирается КС РФ, в решениях которого неоднократно подчеркивалось, что личность в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, способный защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов⁶.

Логичным следствием данных рассуждений является утверждение права на судебную защиту в качестве одной из основополагающих гарантий кон-

ституционного статуса личности в Российской Федерации, что, в свою очередь, предполагает абсолютный характер названного права и невозможность его ограничения. Этот подход в значительной степени отражен в положении ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, а также констатирован КС РФ в ряде решений⁷. В то же время приведенное обстоятельство самым серьезным образом ставит вопрос о корректности заявленной в качестве заглавия названной статьи темы. Важно между тем подчеркнуть, что в доктрине в настоящий момент предлагаются различные подходы к пониманию конституционной категории права на судебную защиту. В частности, отдельные авторы рассматривают указанное право в единстве двух его составляющих – конституционно-гарантирующей и собственно юстициарной [1–3]. Однако следует отметить, что именно по этой причине основное внимание в рамках данной работы уделяется концептуальному размежеванию законодательного регулирования и ограничения прав применительно к праву на судебную защиту, а также анализу категории конституционно-процессуальной формы в структуре права на судебную защиту, позволяющей говорить о специфическом праве на конституционно-судебную защиту.

Общие положения об ограничении конституционных прав

В доктрине до настоящего момента не выработан однозначный подход к размежеванию сходных категорий правового регулирования и ограничения права, поскольку установление пределов права (в частности, права на судебную защиту), т. е. материальных границ его существования, не всегда представляется реализуемым. Кроме того, опираясь на базовые положения доктрины прав человека, можно констатировать, что субъективное право, как некая мера возможного поведения людей в конкретном правопорядке, не может функционировать в отсутствие государства – субъекта, обеспечивающего их эффективную реализацию. При этом, как справедливо отмечается в немецкой правовой доктрине (и в целом поддерживается российской доктриной), функции государства в процессе конституирования субъективных прав должны быть четко разделены между правовым регулированием, направленным на обеспечение существования субъективного права, и ограничением, предполагающим внедрение в содержание уже установленного права в конституционно значимых целях [4, с. 185].

В отношении правового регулирования прав и свобод В. И. Крусс отмечает, что данный процесс не-

обходимо рассматривать в качестве конституционно обусловленной конкретизации (уточнения) абстрактных нормативных категорий, используемых в законодательных актах [5, с. 293]. Под ограничением же права автор понимает невозможность реализации права, связанную с изъятием его отдельной составляющей (субъектной, временной, пространственной) [5, с. 338–339, 345–347]. Таким образом, при осуществлении правового регулирования уполномоченный актор (преимущественно законодатель) определяет внешние границы субъективного права – его пределы, в рамках которых это право может быть конкретизировано, а также ограничено с учетом конституционных параметров.

Применительно к праву на судебную защиту данный подход может быть продемонстрирован одной из базовых позиций КС РФ, в соответствии с которой право на судебную защиту следует рассматривать обеспеченным в ситуации, когда лицу гарантирован доступ к судебной власти, безотносительно к конкретному типу судебной подсистемы. Такой подход, в свою очередь, предполагает обязанность законодателя установить необходимый перечень форм и процедур судебной защиты, базовые параметры их

⁶См., например: По делу о проверке конституционности ст. 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 3 мая 1995 г. № 4-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 19. Ст. 1764.

⁷По делу о проверке конституционности абзаца 2 ч. 7 ст. 19 Закона РСФСР от 18 апреля 1991 года «О милиции» в связи с жалобой гражданина В. М. Минакова : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 6 июня 1995 г. № 7-П // Там же. № 24. Ст. 2342 ; По делу о проверке конституционности ч. 5 ст. 209 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Р. Н. Самигуллиной и А. А. Апанасенко : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 13 нояб. 1995 г. № 13-П // Там же. № 47. Ст. 4551.

разграничения, а также четкие требования, предъявляемые к субъектам их реализации. Кроме того, определение указанных законодателем параметров не может осуществляться произвольно, оно должно отвечать принципиальным конституционным требованиям, устанавливающим перечень основных форм судопроизводства (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ), а также исходить из объективных особенностей материальных правоотношений, формирующих предмет рассмотрения в соответствующей форме судопроизводства⁸.

Помимо этого, в отличие от регулирования субъективного права, которое в конечном счете направлено на обеспечение реальной возможности его реализации всеми управомоченными субъектами, ограничение права предполагает действие государства внутри уже определенных пределов субъективного права. Оно ориентировано на изъятия отдельных правомочий (субъектного, временного или пространственного характера), не затрагивающие существа субъективного права (его ядра), а лишь

создающие отдельные преодолимые препятствия в его реализации [6].

Таким образом, установление законодателем определенных требований к конституционно-процессуальной форме реализации права на судебную защиту следует рассматривать как проявление его регуляторной обязанности, направленной на обеспечение права на судебную защиту. Кроме того, отграничение указанной формы судопроизводства от иных его форм (прежде всего от административного судопроизводства) представляется необходимым для реализации конституционно закрепленного принципа автономии судопроизводственных форм (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ) на основе принципа правовой определенности⁹. Очевидно, что в подобной ситуации граждане и их объединения, сохраняя за собой право доступа к судебной системе защиты, фактически лишаются возможности выбора по своему усмотрению конкретной процедуры ее реализации, что не может рассматриваться в качестве ограничения права¹⁰.

Проблемы правовых изъятий в рамках конституционно-процессуальной формы права на судебную защиту

Формируя базовые нормативные параметры реализации конституционно-процессуальной формы права на судебную защиту (права на конституционно-судебную защиту), законодатель, как уже отмечалось, не обладает полной свободой в выборе средств и форм правовой регламентации указанных отношений. Именно по этой причине предлагаемые законодателем новеллы в сфере материального и процессуального судебного права требуют системной оценки как с точки зрения регулятивного воздействия на соответствующие правоотношения, так и с позиции их соответствия базовым конституционным условиям генеральной ограничительной клаузулы (ч. 3 ст. 55

Конституции РФ). Применительно к праву на конституционно-судебную защиту особое внимание в этом контексте привлекают два наиболее проблемных аспекта, получивших нормативную модификацию в ходе реформы законодательства о КС РФ в 2020 г., а именно проблема годичного срока для обращения в КС РФ с жалобой и требование исчерпания всех внутригосударственных средств судебной защиты для обращения с жалобой.

Проблема годичного срока для обращения в КС РФ с жалобой. Несмотря на то что указанный годичный срок для обращения в КС РФ с жалобой был введен еще в рамках реформы профильного

⁸По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 266 и п. 3 ч. 1 ст. 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан Е. А. Арбузовой, О. Б. Колегова, А. Д. Кутырева, Р. Т. Насибулина и В. И. Ткачука : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 28 мая 1999 г. № 9-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 23. Ст. 2890 ; По делу о проверке конституционности ряда положений ст. 6 и 15 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» в связи с жалобой граждан В. И. Лакеева, В. Г. Соловьева и В. Д. Уласа : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 21 марта 2007 г. № 3-П // Там же. 2007. № 14. Ст. 1741 ; По делу о проверке конституционности положений ст. 9 и 10 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и ст. 181, 188, 195, 273, 290, 293 и 299 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ЗАО «СЕБ Русский лизинг», ООО «Нефтестандарт» и ООО «Научно-производственное предприятие «Нефтестандарт» : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 17 янв. 2008 г. № 1-П // Там же. 2008. № 4. Ст. 300 ; По делу о проверке конституционности положений ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 21 дек. 2011 г. № 30-П // Там же. 2012. № 2. Ст. 398.

⁹См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина О. Г. Панькова на нарушение его конституционных прав ст. 116 ГПК РСФСР [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 14 дек. 1999 г. № 216-О // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2020.

¹⁰См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина О. А. Зубачева на нарушение его конституционных прав положением п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК Российской Федерации и ст. 3 Закона Российской Федерации «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 24 нояб. 2005 г. № 508-О // Там же ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Е. И. Максимова на нарушение ее конституционных прав п. 1 ч. 1 ст. 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 июня 2007 г. № 389-О-О // Там же ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В. Е. Петрова на нарушение его конституционных прав положениями п. 1 ч. 1 ст. 134 и ч. 3 ст. 377 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 15 апр. 2008 г. № 314-О-О // Там же.

законодательства 2014 г.¹¹, данная проблема была актуализирована в 2020 г. в связи с включением в профильное законодательство некоторых дополнительных параметров применения этого срока. Прежде всего установление срока для обращения в КС РФ с жалобой должно быть оценено с точки зрения его влияния на возможности реализации права на судебную защиту, поскольку с момента принятия профильного закона и вступления его в силу и до состоявшейся реформы обращения в КС РФ не ограничивались какими-либо временными параметрами, что по-разному воспринималось в отечественной доктрине [7–10].

Представляется, что установление пресекающего срока для обращения в КС РФ едва ли может рассматриваться в качестве ограничения права на судебную защиту. Данный подход соответствует общему регулированию в процессуальных отраслях, предусматривающему подобные сроки и общий принцип разумности последних при реализации процессуальных правомочий, а также соотносится с практикой ряда зарубежных государств (Андорры, Армении, Венгрии, Германии, Испании, Кореи, Лихтенштейна, Словении, Чехии и др.).

Оценивая названные нормативные положения с позиции законодательного вмешательства в право на судебную защиту, необходимо все же констатировать наличие правового регулирования реализации указанного права в его конституционно-процессуальной форме. В частности, установление срока для обращения в КС РФ позволяет законодателю четко разграничить сферы реализации права на судебную защиту, поскольку в данном случае исключаются перманентные риски пересмотра судебных решений, принятых в рамках иной формы судопроизводства, которые фактически ставят под вопрос действие принципа *res judicata*. Кроме того, в отсутствие законодательно установленного пресекающего срока на обращение в КС РФ нельзя говорить о полноценной реализации принципа правовой определенности, предполагающей наличие стабильных и предсказуемых последствий вынесения ординарных судебных решений для всех участников правоотношений, круг которых может быть достаточно значительным.

Между тем системный анализ названного вида регулирования позволяет сделать вывод о наличии отдельных проблемных элементов в избранной законодателем форме установления пресекающего срока для обращения в КС РФ, которые, однако, не были устранены после проведенной в 2020 г. реформы. В частности, вызывает вопросы распро-

странение указанного ограничения исключительно на обращения в КС РФ с жалобами в порядке конкретного нормоконтроля, что фактически ориентировано только на частных субъектов обращений (граждан, юридических лиц и др.). При реализации иных конституционных полномочий субъекты обращения в КС РФ не связаны какими-либо сроками, и эта ситуация может рассматриваться как изъятия отдельных правомочий по субъектному принципу. Очевидно, что при осуществлении отдельных полномочий КС РФ законодательное установление сроков не предполагается, поскольку период для обращения в КС РФ определяется с учетом специфики правоотношений¹². Однако в других случаях названные ранее аргументы, связанные с обеспечением стабильности и окончательности судебных решений, а также принципа правовой определенности, сохраняют свою актуальность. В частности, подобная ситуация может возникать при разрешении КС РФ споров о компетенции, в том числе сопряженных с принадлежностью полномочия по изданию нормативного правового акта.

Не менее проблемным в этой ситуации представляется полномочие по толкованию Конституции РФ, а также новые полномочия, связанные с оценкой исполнимости решений международных органов и судов. В данном контексте важно и то, что нормоконтрольная процедура, реализуемая ординарными судами в порядке административного судопроизводства, может быть инициирована заявителем в течение всего срока действия оспариваемого нормативного правового акта (ч. 6 ст. 208 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации). Учитывая специфику нормоконтрольного производства и его последствия для правовой системы, можно констатировать отсутствие единого подхода законодателя к регулированию смежных отношений.

Нерешенным вопросом в рамках установленного годового срока является также отсутствие законодательно закрепленной возможности его восстановления и (или) продления в связи с наличием у заявителя уважительных причин. Стоит отметить, что действующее процессуальное законодательство в целом предусматривает восстановление пропущенных процессуальных сроков для обращения за судебной защитой. При этом в отношении системы гражданского процессуального законодательства КС РФ неоднократно отмечал, что возможность восстановления пропущенного процессуального срока при наличии причин его пропуска, признанных су-

¹¹О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федер. конституц. закон от 4 июня 2014 г. № 9-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 23. Ст. 2922.

¹²В данном случае речь идет о конкретном нормоконтроле, инициируемом по запросам судов; проверке конституционности не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации; даче заключений о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации или Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение полномочий, и др.

дом уважительными, является одной из ключевых гарантий прав заинтересованных лиц¹³. Данный подход должен быть применим к ситуации конституционного судопроизводства, поскольку в противном случае заявитель фактически лишался бы (в том числе и не по своей воле) предоставленной законом возможности использовать конституционную форму реализации права на судебную защиту, что в отсутствие адекватной замены в рамках иных видов судопроизводства свидетельствует об умалении права на судебную защиту.

Действующее законодательство о КС РФ не устанавливает какого-либо специального регулирования, исключающего возможность заявителей обращаться с ходатайствами о продлении или восстановлении пропущенного срока для обращения в КС РФ. Представляется, что в подобной ситуации КС РФ вправе действовать по собственному усмотрению, поскольку нормативное регулирование, предписывающее отказывать в удовлетворении подобных ходатайств, в настоящее время также отсутствует. Справедливость подобной мысли отчасти подтверждается самим КС РФ, который с момента введения указанного положения в действие неоднократно отказывал в принятии обращений к рассмотрению на основании пропуска годичного срока. Однако в большинстве определений по подобным вопросам КС РФ также констатировал, что при вынесении последнего судебного решения заявитель не был лишен возможности обратиться в КС РФ с жалобой на нарушение его конституционных прав в установленный законом срок¹⁴.

Приведенная формулировка позволяет сделать вывод о том, что при анализе представленных заявителем документов и материалов не были установлены уважительные причины пропуска срока для обращения в КС РФ, и не исключает возможности иного вывода при наличии соответствующих фактических обстоятельств. Между тем отсутствие

прямого законодательного закрепления института восстановления и (или) продления процессуального срока для обращения в КС РФ с жалобой едва ли способствует обеспечению принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, а при определенной интерпретации может и вовсе привести к существенному ограничению права на судебную защиту.

Требование исчерпания всех внутригосударственных средств судебной защиты для обращения с жалобой. Не менее значимой новеллой законодательства о КС РФ стало установление такого самостоятельного требования к допустимости жалобы в КС РФ, как исчерпание всех внутригосударственных средств судебной защиты права. Важно подчеркнуть, что в отличие от годичного срока, который к моменту конституционной реформы 2020 г. уже активно применялся в практике КС РФ и, как подчеркивалось выше, не вызывал серьезных концептуальных возражений у представителей отечественной правовой науки, институт исчерпаемости был одновременно включен в соответствующие статьи профильного федерального конституционного закона и получил непосредственное закрепление в конституционной норме, что, вероятно, свидетельствует об особой важности данного положения для выявления содержательных пределов права на конституционно-судебную защиту.

Не вдаваясь в подробный анализ указанного условия допустимости (поскольку достаточно обстоятельно его проблемный характер представлен в современных исследованиях [11]), отметим, что с учетом его конституционного закрепления КС РФ в абзаце 2 п. 5.3 заключения от 16 марта 2020 г. № 1-3 особым образом подчеркнул не ограничительную, а регулируемую роль исчерпанности средств судебной защиты¹⁵. Данная позиция КС РФ в полной мере согласуется с высказанными ранее подходами к размежеванию категорий правового регулирования

¹³См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Т. Н. Казьминой на нарушение ее конституционных прав ч. 4 ст. 112 и ч. 2 ст. 376 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 12 июля 2005 г. № 313-О // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2020 ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки М. Н. Девятикиной на нарушение ее конституционных прав нормами Федерального закона «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 18 июля 2006 г. № 308-О // Там же ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А. В. Белоусова на нарушение его конституционных прав ст. 112 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 29 сент. 2022 г. № 2294-О // Там же.

¹⁴См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Л. Н. Брезгиной на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 52 Семейного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 17 июля 2018 г. № 1780-О // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2020 ; Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гражданки Л. Х. Нурмухаметовой о разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 1 октября 2019 года № 2578-О [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 23 апр. 2020 г. № 992-О-Р // Там же ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В. С. Лобойко на нарушение его конституционных прав Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 24 февр. 2022 г. № 455-О // Там же.

¹⁵О соответствии положениям гл. 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации : заключение Конституц. Суда Рос. Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 12. Ст. 1855.

и ограничению субъективных прав, поскольку в указанной ситуации применение нового конституционного условия допустимости фактически не препятствует доступу заявителя к правосудию как таковому, а лишь временно ограничивает возможности использования определенной его формы (конституционно-процессуальной). Вместе с тем в контексте неоднократно выраженной позиции о невозможности самостоятельного выбора конкретной формы судебной защиты и предназначения конституционного судопроизводства как экстраординарной меры судебной защиты¹⁶ подобное нормативное разграничение конституционно-процессуальной формы судебной защиты и иных ее форм направлено на обеспечение принципа правовой определенности в процессе реализации права на судебную защиту, а также единства и целостности судебной системы.

Как и в случае с годичным сроком для обращения в КС РФ, установление исчерпанности средств судебной защиты в качестве нового условия допустимости имеет ряд проблемных аспектов, которые при определенной интерпретации могут содержать весьма серьезный ограничительный потенциал. В частности, применение данного условия предполагается исключительно для оценки допустимости жалобы, в то время как запросы судов, направляемые также в порядке конкретного нормоконтроля, не обусловле-

ны необходимостью соблюдения инстанционного пиетета.

Это различие в рамках реализации судебного полномочия (конкретного нормоконтроля) едва ли может свидетельствовать о необходимости достижения общей цели – обеспечения единства и непротиворечивости судебной практики, правовой определенности и др. Очевидно, что введение подобного условия допустимости исключительно для частных субъектов (что фактически представляет собой изъятие полномочия по субъектному признаку) требует дополнительных аргументов со стороны законодателя, наиболее вероятным из которых выступает системное снижение нагрузки на КС РФ через усиление ординарного судебного фильтра обращений. Между тем данный аргумент сам по себе подтверждает тезис об ограничении права на конституционно-судебную защиту и не может рассматриваться в качестве допустимого, поскольку, как отмечал КС РФ, цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод. В любом случае должны соблюдаться вытекающие из принципов правового государства, равенства и справедливости требования определенности, ясности и недвусмысленности правовой нормы, ее согласованности с системой действующего регулирования¹⁷.

Институциональные вопросы ограничения права на конституционно-судебную защиту

Как отмечалось ранее, право на судебную защиту реализуется через совокупность различных процессуальных средств, обеспечивающих справедливое правосудие и эффективное восстановление нарушенных

прав граждан¹⁸. К числу таких специальных средств можно отнести институт регионального конституционного контроля, который претерпел модификации в результате конституционной реформы 2020 г.

¹⁶См., например: О прекращении производства по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и ст. 6 Устава города Москвы в связи с запросом Правительства Москвы и жалобами граждан В. П. Жарко, А. В. Павленко и В. А. Шмелева [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 10 нояб. 2002 г. № 281-О // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2020 ; О прекращении производства по делу о проверке конституционности положений законов Кабардино-Балкарской Республики «Об административно-территориальном устройстве Кабардино-Балкарской Республики» и «О статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике» в связи с жалобами ряда граждан [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 17 июля 2006 г. № 137-О // Там же ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Н. Н. Вопилова на нарушение его конституционных прав положением ч. 2 ст. 195 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 18 дек. 2008 г. № 1093-О-О // Там же ; По жалобе уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Ю. А. Приведенной положениями ст. 10 Федерального закона «О введении в действие уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 янв. 2010 г. № 119-О-О // Там же.

¹⁷См., например: По делу о проверке конституционности ч. 5 ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 14-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 26. Ст. 3185 ; По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 15.25 и п. 2 ч. 1 ст. 25.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, п. 6 ч. 1 ст. 1, ч. 4 и 5 ст. 12 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле», а также ч. 2 ст. 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О валютном регулировании и валютном контроле”» в связи с жалобой гражданина Н. В. Кузнецова : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 9 июля 2021 г. № 34-П // Там же. 2021. № 29. Ст. 5752 ; По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 13.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки Е. Н. Заболотной : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 9 ноября 2021 г. № 47-П // Там же. № 47. Ст. 7945.

¹⁸По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 335 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М. А. Баронина : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 10 дек. 1998 г. № 27-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 51. Ст. 6341 ; По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 325 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б. Л. Дрибинского и А. А. Майстрова : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 14 апр. 1999 г. № 6-П // Там же. 1999. № 16. Ст. 2080.

Не оценивая подробно причины соответствующего решения законодателя¹⁹, необходимо сказать, что упразднение определенной категории судебных органов, рассматривающих в порядке конституционного судопроизводства дела, которые возникают на уровне субъектов Российской Федерации, могло бы представлять ограничение права на судебную защиту, включающее в себя, помимо прочего, право на доступ к суду. Однако, как справедливо зафиксировано в отечественной доктрине, субъекты Российской Федерации могут в порядке собственного правового регулирования закрепить право граждан обращаться в конституционный (уставной) суд с запросом о проверке нормативных правовых актов, принятых на собственной территории, на предмет их соответствия своей конституции (уставу)²⁰.

Сказанное означает возможность установления субъектами Российской Федерации собственной дополнительной правовой гарантии, отличной от предусмотренного Конституцией РФ права на судебную защиту. Так, ликвидация институционального элемента данной региональной гарантии не может рассматриваться в качестве какого-либо ограничительного вторжения в содержание права на судебную защиту. Кроме того, нормоконтрольные полномочия, обеспечивающие право на судебную защиту и осуществляемые ранее в отдельных регионах Российской Федерации конституционными (уставными) судами, по общему правилу могут реализовываться судами общей и арбитражной юрисдикции, за исключением случаев, когда указанный нормоконтроль

входит в исключительную компетенцию КС РФ²¹. Таким образом, наличие или отсутствие конституционного (уставного) суда в том или ином субъекте Российской Федерации формально не препятствовало реализации гражданами права на судебную защиту, поскольку, исходя из сложившейся практики, существовавшая в отдельных регионах конституционно-процессуальная форма такой защиты изначально рассматривалась как факультативная.

Нельзя не отметить, что даже в отсутствие ограничения права на судебную защиту в ликвидации региональных конституционных судов их указанное факультативное гарантирующее предназначение было сохранено законодателем в обновленной форме. Предложенные регионам к созданию конституционные (уставные) советы при законодательных органах смогут гарантировать реализацию полномочий, которые до настоящего времени не относились к сфере обеспечения права на судебную защиту. В то же время эффективность подобного компенсационного института зависит исключительно от заинтересованности и политической воли конкретного субъекта федерации [13], поскольку несудебная форма деятельности конституционных (уставных) советов позволяет региональному законодателю, который не связан формальными требованиями законодательства в сфере правосудия, максимально гибко подходить как к определению их компетенции, так и к установлению конкретных характеристик итоговых решений, а также правовых последствий за их неисполнение.

Конституционно-судебная защита и наднациональные механизмы

Право на судебную защиту, как ключевая гарантия всей национальной системы прав и свобод человека, признаваемых и обеспечиваемых в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, в значительной степени должно опираться на сложившиеся в настоящее время международные стандарты в сфере правосудия. Безусловно, с учетом высокой степени турбулентности международных отношений и политизированности отдельных принимаемых на международном уровне решений для определения таких стандартов за основу могут быть взяты универсальные международно-правовые документы, эффективность которых подтверждена многолетней практикой применения и которые нашли конкретное нормативное воплощение в национальных правовых порядках.

Между тем обозначенный подход не должен исключать возможности для Российской Федерации

на добровольных началах участвовать в различных межгосударственных интеграционных структурах (как региональных, так и общемировых), вырабатывающих собственные стандарты в сфере правосудия, а также учреждающих специальные органы контроля соблюдения последних. При этом как участие государств в подобного рода объединениях не может презюмировать автоматическое повышение эффективности национальной системы правосудия, а значит, и расширение нормативных пределов права на судебную защиту, так и его выход из каких-либо межгосударственных соглашений не должен приводить к безусловному отказу от применения содержащихся в них правовых стандартов.

С учетом изложенного выход Российской Федерации из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека не следует рассматривать как некое априорное сужение содержательных пределов права на

¹⁹Подробнее о возможных причинах упразднения региональных конституционных (уставных) судов в Российской Федерации см. публикацию [12].

²⁰Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., пересмотр. / под ред. В. Д. Зорькина. М.: Норма, 2011. 1007 с.

²¹О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами: постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 25 дек. 2018 г. № 50 // Российская газета: портал. URL: <https://rg.ru/documents/2019/01/15/postanovlenie-dok.html> (дата обращения: 20.10.2022).

судебную защиту, предусмотренного Конституцией РФ. Прежде всего нельзя отрицать тот вклад, который Европейская конвенция в ее творческой научно-интерпретационной переработке отечественной доктриной, национальной правоприменительной практикой, а также практикой самого ЕСПЧ внесла в развитие национальной правовой системы, в том числе в сфере правосудия. Очевидно, что данные результаты в настоящее время предметно отделены от Европейской конвенции, поэтому они не связываются с ее фактическим статусом в рамках отечественного правопорядка и не утрачивают своего значения. Кроме того, анализ и применение эффективных практик, сформулированных ЕСПЧ и другими региональными акторами подобного рода, не должны исключаться в ситуации отсутствия формального членства в той или иной региональной организации, поскольку вне зависимости от указанных обстоятельств Российская Федерация продолжает считать себя частью мирового сообщества (преамбула Конституции РФ).

Что же касается формальной невозможности в настоящее время обращаться к инструментам ЕСПЧ

для защиты своих прав на территории Российской Федерации, то вести речь о каком-либо вторжении в содержание права на судебную защиту в данной ситуации не приходится по следующим основаниям. Конституцией РФ закреплено право каждого в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ). Однако, как следует из приведенной конституционной формулировки, данная факультативная гарантия прав и свобод человека распространяется не только на судебные, но и на любые международные органы по защите прав человека [14], что фактически исключает судебную природу указанного права. Кроме того, судебная природа органов международного правосудия вызывает ряд вопросов и в настоящее время не находит однозначной поддержки как в национальной правовой доктрине [15, с. 208–209; 16, с. 38–39], так и в международном праве [17].

Заключение

Системный анализ законодательства, регламентирующего конституционно-процессуальную форму судебной защиты, свидетельствует о том, что, несмотря на уровень и масштаб проведенной реформы правового регулирования указанной сферы, ряд вопросов, непосредственно связанных с обеспечением гарантирующего эффекта права на судебную защиту, оказались нерешенными. В то же время произведенные законодателем модификации, а также введенные институты хотя и не могут рассматриваться

в правоограничительном контексте, однако создают весьма серьезные риски для стабильности и предсказуемости права на судебную защиту в целом и качества его реализации и обеспечения в частности. Это может привести к ситуации ограничения права на судебную защиту не только в его конституционно-процессуальной форме, что, в свою очередь ставит, вопрос о реальности и эффективности всей системы прав и свобод личности, гарантируемой правом на судебную защиту.

Библиографические ссылки

1. Бондарь НС, Джагарян АА. *Правосудие: ориентация на Конституцию*. Москва: Норма; 2018. 224 с. Совместно с издательством «Инфра-М».
2. Морщакова ТГ. Конституционные основы организации и реформирования системы квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2015;5:58–72.
3. Соколов ТВ. Концепция юстициарных прав человека и повышение эффективности судебной власти. В: Данилевич АА, редактор. *Уголовная юстиция в свете интеграции правовых систем и интернационализации криминальных угроз*. Минск: Издательский центр БГУ; 2017. с. 173–177.
4. Шгерн К. Защита основных прав и их ограничения. В: Топорнин БН, редактор. *Государственное право Германии*. Том 2. Москва: Издательство Института государства и права РАН; 1994. с. 185–187.
5. Крусс ВИ. *Теория конституционного правоупотребления*. Москва: Норма; 2007. 752 с.
6. Малютин НС. Роль судебного толкования в разграничении теоретико-правовых конструкций правового регулирования, ограничения и умаления прав и свобод человека и гражданина. *Конституционное и муниципальное право*. 2014;3:20–27.
7. Должиков АВ. Стакан наполовину полон или пуст? Вмешательство как форма ограничения конституционных прав. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2018;1:80–112. DOI: 10.21128/1812-7126-2018-1-80-112.
8. Князев СД. Конституционная жалоба в Российской Федерации: законодательная модель и судебная интерпретация. *Журнал конституционного правосудия*. 2011;1:25–33.
9. Кряжкова ОН. Перемены в российском конституционном правосудии: ожидавшиеся, ожидаемые, неожиданные. *Конституционное и муниципальное право*. 2014;10:41–51.
10. Тарабан НА. Становление феномена «конституционная кассация» в отечественном конституционном судебном процессе. *Российский судья*. 2020;10:51–55. DOI: 10.18572/1812-3791-2020-10-51-55.
11. Игумнов НА. Исчерпание внутригосударственных средств судебной защиты как новое условие допустимости конституционной жалобы. *Конституционное и муниципальное право*. 2021;3:69–76. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-3-69-76.

12. Малютин НС. Региональная конституционная юстиция в Российской Федерации: нужен ли этот институт? *Конституционное и муниципальное право*. 2019;4:62–69.
13. Малютин НС, Сергеев СЛ. Институт региональной конституционной (уставной) юстиции в России: завершение истории? *Вестник Московского университета. Серия 11, Право*. 2022;4:26–38.
14. Азаров А, Ройтер В, Хюфнер К. *Защита прав человека. Международные и российские механизмы*. Синельников Р, Шевнина Л, переводчики. Москва: Московская школа прав человека; 2000. 560 с.
15. Дюги Л. *Конституционное право. Общая теория государства*. Барков АН, составитель. Москва: Инфра-М; 2013. 427 с.
16. Матьё Б. Миссия суда в современном конституционно-правовом пространстве. В: Головки ЛВ, Матьё Б, редакторы. *Суд и государство*. Москва: Статут; 2018. с. 34–49.
17. Толстых ВЛ, редактор. *Институты международного правосудия*. Москва: Международные отношения; 2014. 504 с.

References

1. Bondar' NS, Dzhagaryan AA. *Pravosudie: orientatsiya na Konstitutsiyu* [Justice: orientation to the Constitution]. Moscow: Norma; 2018. 224 p. Co-published by the «Infra-M». Russian.
2. Morshhakova TG. Constitutional foundations of the qualified legal assistance system's organization and reformation in the Russian Federation. *Comparative Constitutional Review*. 2015;5:58–72. Russian.
3. Sokolov TV. [The concept of judicial human rights and increasing the effectiveness of the judiciary]. In: Danilevich AA, editor. *Ugolovnaya yustitsiya v svete integratsii pravovykh sistem i internatsionalizatsii kriminal'nykh ugroz* [Criminal justice in the light of the integration of legal systems and the internationalisation of criminal threats]. Minsk: Izdatel'skii tsentr BGU; 2017. p. 173–177. Russian.
4. Shtern K. [Protection of fundamental rights and their limitations]. In: Topornin BN, editor. *Gosudarstvennoye pravo Germanii. Tom 2* [State law of Germany. Volume 2]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta gosudarstva i prava RAN; 1994. p. 185–187. Russian.
5. Kruss VI. *Teoriya konstitutsionnogo pravopol'zovaniya* [Theory of constitutional law]. Moscow: Norma; 2007. 752 p. Russian.
6. Malyutin NS. Role of judicial interpretation in delimitation of theoretical-law constructions of legal regulation, limitations and denial of rights and freedoms of man and citizen. *Constitutional and Municipal Law*. 2014;3:20–27. Russian.
7. Dolzhikov AV. Is the glass half-empty or half-full? Interference as a form of constitutional rights' limitation. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*. 2018;1:80–112. Russian. DOI: 10.21128/1812-7126-2018-1-80-112.
8. Knyazev SD. [Constitutional complaint in the Russian Federation: legislative model and judicial interpretation]. *Journal of Constitutional Justice*. 2011;1:25–33. Russian.
9. Kryazhkova ON. Changes in the Russian Constitutional Justice that were expected, are expected, unexpected. *Constitutional and Municipal Law*. 2014;10:41–51. Russian.
10. Taraban NA. The establishment of the phenomenon of constitutional cassation in the national constitutional judicial procedure. *Rossiiskii sud'ya*. 2020;10:51–55. Russian. DOI: 10.18572/1812-3791-2020-10-51-55.
11. Igumnov NA. Exhaustion of domestic remedies as a new condition for the admissibility of a constitutional complaint. *Constitutional and Municipal Law*. 2021;3:69–76. Russian. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-3-69-76.
12. Malyutin NS. Regional constitutional justice in the Russian Federation: is such institution necessary? *Constitutional and Municipal Law*. 2019;4:62–69. Russian.
13. Malyutin NS, Sergevnnin SL. Institute of regional constitutional (statutory) justice in Russia: end of story? *Moscow University Bulletin. Series 11, Law*. 2022;4:26–38. Russian.
14. Azarov A, Reuter V, Huefner K. *Zashchita prav cheloveka. Mezhdunarodnye i rossiiskie mekhanizmy* [Protection of human rights. International and Russian mechanisms]. Sinel'nikov R, Shevnina L, translators. Moscow: Moskovskaya shkola prav cheloveka; 2000. 560 p. Russian.
15. Duguit L. *Konstitutsionnoe pravo. Obshchaya teoriya gosudarstva* [Constitutional law. General theory of the state]. Barkov AN, compiler. Moscow: Infra-M; 2018. 427 p. Russian.
16. Mathieu B. [Mission of the court in the modern constitutional and legal space]. In: Golovko LV, Mathieu B, editors. *Sud i gosudarstvo* [Court and state]. Moscow: Statut; 2018. p. 34–49. Russian.
17. Tolstykh VL, editor. *Instituty mezhdunarodnogo pravosudiya* [Institutions of international justice]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 2014. 504 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 19.10.2023.
Received by editorial board 19.10.2023.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

УДК 347.63

АСПРЭЧВАННЕ БАЦЬКОЎСТВА БІЯЛАГІЧНЫМ БАЦЬКАМ У ПРАВЕ ГЕРМАНІІ І БЕЛАРУСІ: РОЗНЫЯ РАШЭННІ АДНАГО ПЫТАННЯ

А. ВУДАРСКІ^{1*},^{2*}, Л. В. ЦАРОВА^{3*}

^{1*} *Еўрапейскі ўніверсітэт Відрына, вул. Гросэ-Шарнштрасэ, 59, 15230, г. Франкфурт-на-Одэры, Германія*

^{2*} *Шчэцінскі ўніверсітэт, ал. Папы Яна Павла II, 22, корп. А, 70453, г. Шчэцін, Польшча*

^{3*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Разглядаецца праблематыка, звязаная з правам біялагічнага бацькі, які не з'яўляецца юрыдычным бацькам, аспрэчваць юрыдычнае бацькоўства. Даследаванне выконваецца на падставе вывучэння нямецкага заканадаўства і ўключае параўнанне розных форм бацькоўства і вызначэнне ролі кожнай з іх для дзяцей і іншых членаў сям'і. Увага надаецца адрозненням у патрабаваннях, якія павінны быць выкананы пры аспрэчванні бацькоўства біялагічным і юрыдычным бацькамі, парадку вылічэння тэрмінаў аспрэчвання і яго прававых наступствах. Высвятляюцца змест паняцця «сацыяльна-сямейныя адносіны» і роля сацыяльнага бацькоўства, ацэньваюцца канстытуцыйнасць нямецкіх правіл і іх адпаведнасць Еўрапейскай канвенцыі аб ахове праў чалавека і асноўных свабод. Параўнальны аналіз сямейнага права Германіі і Беларусі дэманструе значныя адрозненні ў рэгуляванні працэдуры аспрэчвання запісу аб бацькоўстве

Образец цитирования:

Вударски А, Царова ЛВ. Аспрэчванне бацькоўства біялагічным бацькам у праве Германіі і Беларусі: розныя рашэнні аднаго пытання. *Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Права.* 2023;3:32–42.
EDN: JPJGVB

For citation:

Wudarski A, Tsarova LV. Contesting paternity by the biological father in German and Belarusian law: different solutions for the same issue. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2023;3:32–42. Belarusian.
EDN: JPJGVB

Авторы:

Аркадзюш Вударскі – доктар юрыдычных наук, прафесар; заведуючы кафедры польскага і еўрапейскага частнага права і сярнавальнага права юрыдычнага факультэта¹⁾, прафесар Інстытута прававых іследаваній²⁾.

Людміла Васільевна Царёва – кандыдат юрыдычных наук, доцент; доцент кафедры гражданскага права юрыдычнага факультэта.

Authors:

Arkadiusz Wudarski, doctor of science (law), full professor; head of the department of Polish and European private law and comparative law, faculty of law^a, and professor of the Institute of legal studies^b.

wudarski@europa-uni.de

<https://orcid.org/0000-0001-5227-2671>

Liudmila V. Tsarova, PhD (law), docent; associate professor at the department of civil law, faculty of law.
tsareva@bsu.by

біялагічным бацькам. Пры гэтым для заканадаўства абедзвюх краін актуальным застаецца пытанне аб пошуку балансу паміж рознымі інтарэсамі, якія абараняюцца законам, у тым ліку правам на ахову сям'і, правам на бацькоўства, правам на дабрабыт дзіцяці і яго правам на ідэнтыфікацыю.

Ключавыя словы: аспрэчванне бацькоўства; біялагічны бацька; сацыяльныя і сямейныя адносіны; сацыяльнае бацькоўства; сямейнае права Германіі.

ОСПАРИВАНИЕ ОТЦОВСТВА БИОЛОГИЧЕСКИМ ОТЦОМ В ПРАВЕ ГЕРМАНИИ И БЕЛАРУСИ: РАЗНЫЕ РЕШЕНИЯ ОДНОГО ВОПРОСА

А. ВУДАРСКИ^{1), 2)}, Л. В. ЦАРЁВА³⁾

¹⁾Европейский университет Виадрина, ул. Гросе-Шарниттрассе, 59, 15230, г. Франкфурт-на-Одере, Германия

²⁾Щецинский университет, ал. Папы Яна Павла II, 22, корп. А, 70453, г. Щецин, Польша

³⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается проблематика, связанная с правом биологического отца, который не является юридическим отцом, оспаривать юридическое отцовство. Исследование выполняется на основе изучения немецкого законодательства и включает сравнение разных форм отцовства и определение роли каждой из них для детей и других членов семьи. Внимание уделяется различиям в требованиях, которые должны быть выполнены для оспаривания отцовства биологическим и юридическим отцами, порядке исчисления сроков оспаривания и его правовых последствиях. Выясняются содержание термина «социально-семейные отношения» и роль социального отцовства, оцениваются конституционность немецких норм и их соответствие Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Сравнительный анализ семейного права Германии и Беларуси демонстрирует существенные отличия в регулировании процедуры оспаривания записи об отцовстве биологическим отцом. При этом для законодательства обеих стран остается актуальным вопрос о поиске баланса между различными охраняемыми законом интересами, в том числе правом на защиту семьи, правом на отцовство, правом на благополучие ребенка и его правом на идентификацию.

Ключевые слова: оспаривание отцовства; биологический отец; социальные и семейные отношения; социальное отцовство; семейное право Германии.

CONTESTING PATERNITY BY THE BIOLOGICAL FATHER IN GERMAN AND BELARUSIAN LAW: DIFFERENT SOLUTIONS FOR THE SAME ISSUE

A. WUDARSKI^{a, b}, L. V. TSAROVA^c

^aEuropean University Viadrina, 59 Große Scharnnstraße, Frankfurt (Oder) 15230, Germany

^bUniversity of Szczecin, 22 aleja Papieża Jana Pawła II, budynek A, Szczecin 70453, Poland

^cBelarusian State University, 4 Niezależnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: L. V. Tsarova (tsareva@bsu.by)

The paper examines issues related to the right of a biological but non-legal father to contest legal fatherhood. The analysis is based on German law and involves considerations regarding the mutual relations among various forms of fatherhood and the relation of each to children and other family members. Attention is paid to differences in requirements that have to be met in order to contest fatherhood between biological and legal fathers, in time limits for contestation and in the legal consequences of contestation. The meaning of the term «social and family relationship», the role of social fatherhood, the constitutionality of the German regulations and their conformity with the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms are also discussed. The comparative analysis with Belarusian family law demonstrates substantial differences in the regulation of contesting fatherhood by biological father from the German approach. At the same time, the issue of finding a balance between conflicting legally protected interests, in particular the right to family protection, fathers' rights, the best interest of the child and the right to know one's own identity remains relevant for the legislation of both countries.

Keywords: contesting paternity; biological father; social and family relationship; social fatherhood; German family law.

Уводзіны

Сямейнае права традыцыйна рэагуе на трансфармацыі ў грамадстве больш павольна, чым іншыя галіны прыватнага права. Тым не менш на працягу свайго існавання Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб шлюбе і сям’і (далей – КаШС) змяняўся 24 разы. Найбольш істотныя змены гл. 8 КаШС, прысвечанай рэгуляванню працэдуры ўстанаўлення паходжання дзяцей, адбыліся ў 2012 г.

Вызначэнне асноўных кірункаў развіцця сямейнага права і выпрацоўка дэталёвых рашэнняў адбываюцца ў першую чаргу з улікам нацыянальных гістарычных, сацыяльных і культурных асаблівасцей краіны. У судах Рэспублікі Беларусь сярод спраў аб аспрэчванні бацькоўства ў колькасным выражэнні заўсёды дамінавалі спрэчкі, у якіх мужчыны даказваюць, што не яны з’яўляюцца бацькамі дзяцей, якія імі выхоўваюцца¹. З ходам часу часцей сталі сустракацца справы аб аспрэчванні запісу аб бацькоўстве, у якіх мужчына – біялагічны бацька патрабуе прызнання яго юрыдычным бацькам дзіцяці ў выпадку, калі ў запісе акта аб нараджэнні ў гэтай якасці ўказана іншая асоба². Заканадаўчае рэгуляванне такіх адносін у беларускім сямейным праве нельга ахарактарызаваць як глыбока распрацаванае.

Права біялагічнага бацькі аспрэчыць у судовым парадку запіс аб бацькоўстве рэгулюецца арт. 58 КаШС, і яно замацавана як права «асобы, якая патрабуе прызнання яе бацькам дзіцяці ў выпадку, калі ў запісе акта аб нараджэнні ў гэтай якасці ўказана іншая асоба» (абзац 2 ч. 1)³. Нарматыўным абмежаваннем для біялагічнага бацькі выступае даволі кароткі тэрмін для звароту па судовую абарону. Па агульным правіле аспрэчыць зроблены запіс аб бацькоўстве можна на працягу аднаго года з таго часу, калі асобе стала вядома або павінна было стаць вядома пра

зроблены запіс ці пра акалічнасці, што выключаюць факт бацькоўства.

КаШС не замацоўвае ўмовы задавальнення іску аб аспрэчванні запісу аб бацькоўстве. Як адзначае Судовая калегія па грамадзянскіх справах Вярхоўнага Суда Рэспублікі Беларусь, «патрабаванне аб аспрэчванні бацькоўства, заяўленае біялагічным бацькам, можа быць вырашана станоўча, калі на падставе прадстаўленых доказаў судом будзе дакладна ўстаноўлена адсутнасць біялагічнай (кроўнароднаснай) сувязі паміж дзіцём і асобай, запісанай яго бацькам»⁴. На практыцы суды прытрымліваюцца гэтага меркавання і задавальняюць патрабаванні біялагічнага бацькі аб аспрэчванні запісу аб бацькоўстве на падставе таго, што «ў актах аб нараджэнні дзяцей значыцца не іх біялагічны бацька»⁵. У выпадках, калі шлюб юрыдычных бацькоў распаўся ці незалежна ад гэтага юрыдычны бацька не прымае ўдзел у выхаванні дзіцяці, гэта мае выключна пазітыўныя вынікі, таму што аб’ядноўваюцца дзве формы бацькоўства. Біялагічны бацька становіцца адначасова юрыдычным бацькам, які выконвае бацькоўскія абавязкі, а дзіця дакладна ведае сваё паходжанне і мае сацыяльныя сувязі з родным бацькам. Не такімі адназначнымі выглядаюць справы, калі юрыдычны бацька мае добрыя сацыяльна-сямейныя адносіны з дзіцём і выхоўвае яго як свайго. У такім выпадку ўзнікае сутыкненне процілеглых інтарэсаў, якія ахоўваюцца законам, у прыватнасці права на абарону сям’і, права на бацькоўства (сацыяльнае і біялагічнае), права на дабрабыт дзіцяці і права на яго ідэнтыфікацыю.

Цікавымі і карыснымі ў сувязі з гэтым падаюцца зварот да параўнальна-прававога аналізу і азнаямленне з падыходам нямецкага сямейнага права да рэгулявання аналагічных праваадносін⁶, які амаль не адлюстраваны ў навуковай літаратуры Беларусі.

Крыніцы права

Нормы сямейнага заканадаўства Германіі з’яўляюцца інтэгральнай часткай Германскага грамадзянскага ўлажэння ад 18 жніўня 1896 г.⁷ (далей – ГГУ), якая складаецца з больш чым 600 параграфуў (парагра-

фы 1297–1888), размешчаных у кн. 4. Гэтыя характарыстыкі ўказваюць на сур’ёзныя адрозненні сістэмы рэгулявання сямейных праваадносін у Германіі ад сістэмы іх рэгулявання ў Беларусі, а таксама ступені дэталізацыі

¹Практика рассмотрения судами дел об установлении отцовства (материнства), об оспаривании записи о родителях (по материалам обзора) // Суд. весн. 2016. № 3. С. 54.

²Гл., напрыклад: Об оспаривании записи об отцовстве, установлении отцовства [Электронный ресурс] : решение суда Бобруйс. р-на и г. Бобруйска от 6 июня 2022 г. № 128ГИП22843 // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

³Выключэннем выступае прававое становішча донараў палавых клетак, што выкарыстоўваліся пры прымяненні дапаможных рэпрадуктыўных тэхналогій. Донар хоць і з’яўляецца біялагічным бацькам дзіцяці, якое нарадзілася ў выніку прымянення дапаможных рэпрадуктыўных тэхналогій, але не мае права аспрэчваць бацькоўства (ч. 2 арт. 52 КаШС).

⁴Практика рассмотрения судами дел об установлении отцовства (материнства) ... С. 61. Тут і далей пераклад наш. – А. В., Л. Ц.

⁵Об оспаривании записи об отцовстве [Электронный ресурс] : решение суда Свислоч. р-на от 10 мая 2023 г. // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

⁶Аналіз нямецкага падыходу структурна грунтуецца на наступным артыкуле: Włodarski A. Zaskarżenie ojcostwa przez ojca biologicznego w prawie niemieckim // Transformacje prawa prywat. 2019. № 4. S. 139–156.

⁷Германскае грамадзянскае ўлажэнне : закон ад 18 жн. 1896 г. // Федэр. м-ва юстыцыі : сайт. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата звароту: 10.09.2023) (на ням.).

норм сямейнага права ў ГГУ і КашС. У Германіі права на аспрэчванне бацькоўства біялагічным бацькам⁸ замацоўваецца п. 2 параграфа 1600(1) ГГУ і рэгулюецца ч. 2 і 3 названага параграфа⁹. Працэсуальныя пытанні, звязаныя з сямейнымі справамі, рэгулююцца Законам аб судаводстве па сямейных справах і справах добраахвотнай юрысдыкцыі ад 17 снежня 2008 г.¹⁰ (далей – Закон аб судаводстве па сямейных справах). Непасрэдна сямейнага права датычыцца і арт. 6 Асноўнага закона Федэратыўнай Рэспублікі Германія¹¹ (далей – Канстытуцыя Германіі), які замацоўвае, што шлюб і сям’я знаходзяцца пад асаблівай аховай дзяржаўна-

га ладу, а таксама што догляд і выхаванне дзяцей выступаюць натуральнымі правамі бацькоў і іх галоўнымі абавязкамі. Праблематыка даследавання адлюстравана ў нацыянальнай судовай практыцы, перш за ўсё ў рашэннях Федэральнага вярхоўнага суда Германіі (*Bundesgerichtshof*) і Федэральнага канстытуцыйнага суда Германіі (*Bundesverfassungsgericht*). Імпульсы для змен, якія адбываюцца ў нямецкім сямейным праве, даюць таксама меркаванні Еўрапейскага суда па правах чалавека. У артыкуле наўмысна захоўваюцца адрозненні ў тэрміналогіі, абумоўленыя асаблівасцямі нямецкага права.

Дапушчальнасць аспрэчвання юрыдычнага бацькоўства біялагічным бацькам

Да адносна нядаўняга часу (2004) па свядомым рашэнні заканадаўцы¹² нямецкае права не дала магчымасці біялагічнаму бацьку аспрэчыць юрыдычнае бацькоўства. Разам з тым поўнае выключэнне біялагічнага бацькі з групы асоб, якія мелі права аспрэчваць бацькоўства, было пастаўлена пад сумненне, і Федэральны канстытуцыйны суд Германіі пастанавіў¹³, што гэта не адпавядае арт. 6(2) Канстытуцыі Германіі. Такая пазіцыя грунтувалася, акрамя іншага, на перакананні ў тым, што жаданне біялагічнага бацькі ўзяць на сябе юрыдычную адказнасць за дзіця падлягае канстытуцыйнай абароне. Пастанова Федэральнага канстытуцыйнага суда Германіі прымусіла ўнесці змены ў заканадаўства, у выніку якіх з мая 2004 г. меркаваны біялагічны бацька атрымаў права аспрэчваць юрыдычнае бацькоўства¹⁴. У параграфу 1600(1) ГГУ адзначана, што права на аспрэчванне бацькоўства мае ў тым ліку «мужчына, які пад прысягай пацвярджае, што ён знаходзіўся з маці дзіцяці падчас зачацця». Згодна з параграфам 1600(2) для такога аспрэчвання неаб-

ходна, каб «паміж дзіцём і яго юрыдычным бацькам не існавала сацыяльна-сямейных адносін або яны не існавалі на момант смерці юрыдычнага бацькі і каб асоба, якая аспрэчвае юрыдычнае бацькоўства, з’яўлялася біялагічным бацькам дзіцяці».

Біялагічны бацька мае права аспрэчваць юрыдычнае бацькоўства. У заканадаўцы не было мэты ўводзіць такі абавязак. Гэта таксама вынікае з прэцэдэнтнага права Федэральнага канстытуцыйнага суда Германіі. Такім чынам, біялагічнага бацьку нельга прымусіць да аспрэчвання юрыдычнага бацькоўства, нават калі яго біялагічная сувязь з дзіцём бяспрэчная. Бяздзейнасць не разглядаецца ў судовай практыцы як паводзіны, якія супярэчаць добрым звычаям. У такой сітуацыі за небіялагічным юрыдычным бацькам не прызнаецца права патрабаваць кампенсацыі шкоды¹⁵.

У дачыненні да канкрэтных выпадкаў гэта змена дыскусавалася на працягу доўгага часу ў літаратуры [2, S. 625], у тым ліку з пункту гледжання ўраўнавання прававога становішча біялагічнага і юрыдычнага бацькаў.

Адрозненні ў аспрэчванні бацькоўства біялагічным і юрыдычным бацькамі

Трэба адзначыць, што аспрэчванне бацькоўства біялагічным бацькам шмат у чым адрозніваецца ад аспрэчвання бацькоўства юрыдычным бацькам.

Гэтыя адрозненні праяўляюцца як у матэрыяльна-прававых умовах, так і ў ходзе судаводства і прававых наступствах.

⁸ Аб тэрміналагічным размежаванні паняццяў «юрыдычнае бацькоўства» і «біялагічнае бацькоўства», а таксама «генетычнае бацькоўства» і «сацыяльнае бацькоўства» ў нямецкім праве гл.: [1, S. 43].

⁹ Як і ў КашС, у ГГУ пытанні аб устанаўленні бацькоўства пры выкарыстанні дапаможных рэпрадуктыўных тэхналогій падлягаюць спецыяльнаму рэгуляванню (гл. параграф 1600d(4)).

¹⁰ Аб судаводстве па сямейных справах і справах добраахвотнай юрысдыкцыі : закон ад 17 снеж. 2008 г. // Федэр. м-ва юстыцыі : сайт. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/famfg/> (дата звароту: 10.09.2023) (на ням.).

¹¹ Асноўны закон Федэратыўнай Рэспублікі Германія ад 23 мая 1949 г. // Там жа. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/> (дата звароту: 10.09.2023) (на ням.).

¹² Праект закона аб рэформе заканадаўства аб дзецях // Друк. выд. Бундэстага [BT-Drucksache]. 1996. № 13/4899. С. 57–58 (на ням.).

¹³ Пастанова першай палаты Федэральнага канстытуцыйнага суда Германіі ад 9 красавіка 2003 г. № 1 BvR 1493/931, BvR 1724/01 // Федэр. канстытуц. суд : сайт. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2003/04/rs20030409_1bvt149396.html (дата звароту: 10.09.2023) (на ням.).

¹⁴ Змены ў параграфу 1600 ГГУ былі ўнесены наступным дакументам: Аб унясенні змяненняў у палажэнні аб аспрэчванні бацькоўства і правах доступу асоб, якія ажыццяўляюць догляд за дзіцём, аб рэгістрацыі папярэдніх указанняў і ўвядзенні форм аплаты працы прафесійных выхавальнікаў : закон ад 23 крас. 2004 г. // Бюл. прав. актаў Федэратыўн. Рэсп. Германія. 2004. № 1. С. 598 (на ням.).

¹⁵ Рашэнне Зямельнага суда Саарбрюкена ад 15 красавіка 2008 г. № О 320/07 // Часоп. сямейн. права [FamRZ]. 2009. № 2. С. 124–126 (на ням.).

Перш за ўсё, біялагічны бацька мае істотна абмежаваны магчымасці аспрэчвання бацькоўства. У адрозненне ад аспрэчвання бацькоўства юрыдычным бацькам аспрэчванне бацькоўства біялагічным бацькам залежыць не толькі ад яго меркавання, але і ад выканання дадатковых умоў. Паспяховае аспрэчванне бацькоўства заўсёды абумоўлена тым, што заяўнік сапраўды з'яўляецца біялагічным бацькам (параграф 1600(2) ГГУ). Аднак генетычнай роднасці паміж біялагічным бацькам і дзіцём недастаткова. Права біялагічнага бацькі на аспрэчван-

не бацькоўства абумоўлена адсутнасцю сацыяльна-сямейных адносін паміж дзіцём і юрыдычным бацькам, а калі юрыдычны бацька памёр, то вышэйшае значэнне мае сувязь, якая існавала на момант яго смерці (параграф 1600(2) ГГУ). Акрамя таго, біялагічны бацька павінен заявіць пад прысягай, што ён меў сувязь з маці дзіцяці ў перыяд зачачы (п. 2 параграфа 1600(1) ГГУ). Нарэшце, тэрміны аспрэчвання бацькоўства, якія дзейнічаюць для біялагічнага бацькі, толькі знешне супадаюць з адпаведнымі тэрмінамі для юрыдычнага бацькі.

Паслядоўнасць доказаў

Згаданыя ўмовы, неабходныя для аспрэчвання бацькоўства, з'яўляюцца сукупнымі [3, абзац 40 параграфа 1600]. Калі хаця б адна з іх не выконваецца, заява¹⁶ біялагічнага бацькі аб аспрэчванні юрыдычнага бацькоўства адхіляецца. Дадзеная сітуацыя можа прывесці да непажаданых прававых наступстваў. У такім выпадку аб'ём і парадак збору доказаў маюць ключавое значэнне для абароны сям'і і дабрабыту дзіцяці [2, S. 626]. Турбулентнасці варта чакаць, у прыватнасці, калі біялагічнае бацькоўства заяўніка не пацвярджаецца і адначасова высвятляецца, што дзіця не мае біялагічнай сувязі з юрыдычным бацькам. Гэта, як правіла, не застаецца без наступстваў для сямейных адносін і нярэдка прыводзіць да распаду шлюбу. Юрыдычны бацька таксама можа дамагацца адмовы ад бацькоўства ў рамках асобнага судаводства. Разрыў прававых сувязей з дзіцём без забеспячэння яго новай бацькоўскай падтрымкай – сітуацыя, якой заканадаўца, відавочна, хоча пазбегнуць. Таму ў першую чаргу павінна правярацца не біялагічнае сваяцтва юрыдычнага бацькі, а бацькоўства заяўніка.

Больш за тое, усталяванне сямейнай сувязі паміж юрыдычным бацькам і дзіцём здаецца менш інва-

зійным заняткам. Пры ўзнікненні сумненняў у гэтым пытанні суд павінен праводзіць доказныя дзеянні *ex officio*. Аднак указваць на такія сумненні – абавязак біялагічнага бацькі. Нягледзячы на тое што біялагічны бацька не павінен прадстаўляць доказы, якія абвяргаюць прававую прэзумпцыю бацькоўства, ён не можа абмежавацца толькі канстатацыяй адсутнасці сваяцкіх сувязей. Біялагічны бацька абавязаны хаця б *prima facie* абгрунтаваць сваю пазіцыю¹⁷. Калі ён не зробіць гэта, суд павінен устрымацца ад прызначэння экспертызы для праверкі біялагічных сувязей з юрыдычным бацькам [2, S. 626]. Пры ўстанаўленні парадку доказаў заўсёды трэба кіравацца прынцыпам суразмернасці і не дапускаць залішняга абмежавання канстытуцыйнага прынцыпу абароны сямейнага жыцця, гарантаванага арт. 6(2) Канстытуцыі Германіі. Такім чынам, суд валодае абмежаванай свабодай меркавання пры вызначэнні парадку праверкі ўстаноўленых законам умоў¹⁸.

Дзеючае становішча не робіць адрозненняў паміж абаронай непаўналетніх і паўналетніх дзяцей [4, S. 774], між тым магчымасць аспрэчвання бацькоўства ў рамках гэтай працэдуры павінна быць абмежавана ўзростам дзіцяці і суднесена з ім¹⁹.

Сацыяльна-сямейныя адносіны

Паняцце «сацыяльна-сямейныя адносіны» мае прынцыповае значэнне для магчымасці аспрэчвання бацькоўства біялагічным бацькам па нямецкім заканадаўстве. У параграфу 1600(3) ГГУ яно вызначана толькі ў агульным выглядзе: сацыяльна-сямейныя адносіны прызнаюцца існуючымі, калі юрыдычны бацька нясе або нёс фактычную адказнасць за дзіця

ў адпаведны час. Як правіла, такая адказнасць мяркуецца наяўнай, калі бацька знаходзіцца ў шлюбе з маці дзіцяці або пражывае разам з дзіцём у сям'і працяглы час.

Норма дэманструе, што балансаванне супярэчлівых інтарэсаў адбываецца найперш на карысць юрыдычнага бацькі. Калі паміж ім і дзіцём існуюць

¹⁶Працэс устанаўлення паходжання ўзбуджаецца на падставе заявы (параграф 171(1) Закона аб судаводстве па сямейных справах); гэта адносіцца і да іншых працэсаў па сямейных справах з моманту ўступлення ў сілу Закона аб судаводстве па сямейных справах (параграф 113).

¹⁷Рашэнне Федэральнага вярхоўнага суда Германіі ад 6 снежня 2006 г. № 12 ZR 164/04 // Часоп. сямейн. права [FamRZ]. 2007. № 7. С. 541 (на ням.).

¹⁸Рашэнне Федэральнага канстытуцыйнага суда Германіі ад 19 лістапада 2014 г. № 1 BvR 2843/14 // Там жа. 2015. № 2. С. 119–121 (на ням.).

¹⁹Аспрэчванне бацькоўства біялагічным бацькам пасля дасягнення дзіцём паўналецця тэарэтычна магчыма, але гэта не мае вялікага практычнага значэння. Аднак дапушчальнасць такога аспрэчвання праблематычная, бо сямейныя адносіны ў такім выпадку зусім іншыя і размовы аб ажыццяўленні бацькоўскіх праў або дабрабыце дзіцяці не ідзе. Гэта пытанне з'яўляецца больш складаным, чым здаецца на першы погляд, і патрабуе асобнага даследавання.

сацьяльна-сямейныя адносiны, шлях бiялагiчнага бацькi да аспрэчвання бацькоўства зачынены²⁰. Заканадаўца ўраўноўвае наяўнасць такіх адносiн з прыняццем на сябе фактычнай адказнасцi за дзiця. Разам з тым меркаванне аб iснаванні сацьяльна-сямейных адносiн у выпадку знаходжання ў шлюбе альбо жыцця з дзiцём працяглы час у адной сям'і адпавядае жыццёваму досведу, але, відавочна, можа быць абвергнута²¹. Таму наяўнасць шлюбу не з'яўляецца абсалютнай перашкодай, якая выключае магчымасць аспрэчвання бацькоўства. Суд iндывiдуальна падыходзiць да сiтуацыi з улікам усiх фактычных абставiн, якія могуць мець значэнне (у прыватнасцi, у выпадку так званага фiктыўнага шлюбу або раздзельнага пражывання (сепарацыi) мужа і жонкi)²². Тым не менш юрыдычны бацька не павiнен баяцца страты свайго статусу, калi ён фактычна ажыццяўляе свае бацькоўскія паўнамоцтвы (або ажыццяўляў iх на момант смерцi).

Змест паняцця «сацьяльна-сямейныя адносiны» тлумачыцца судовай практыкай. Фактычнае прыняцце адказнасцi за дзiця можа мець месца і ў тым выпадку, калi юрыдычны бацька не быў у шлюбе з мацi і нiколі не пражываў разам з дзiцём²³. Гэтай сiтуацыi не перашкаджае, у прыватнасцi, тое, што юрыдычны бацька знаходзiўся ў шлюбе з iншай жанчынай і вёў сумесную гаспадарку з ёй і агульнымi дзецьмi²⁴. Адносiны юрыдычнага бацькi з мацi дзiцяцi ў дадзеным выпадку не маюць значэння. Важна, аднак, належнае выкананне абавязкаў у дачыненнi да дзiцяцi (напрыклад, пастаянны кантакт з iм, клопат пра яго развiццё і выхаванне)²⁵. На карысць наяўнасцi сацьяльна-сямейных адносiн могуць сведчыць і дадатковыя меркаванні, такія як прызнанне бацькоўства, прысваенне дзiцяцi ўласнага прозвiшча, ажыццяўленне бацькоўскiх праў сумесна з мацi або

рэгулярная выплата алiментаў²⁶. Разам з тым фiнансавыя і фармальныя аспекты не з'яўляюцца вызначальнымi. Мэтай нарматыўнага рэгулявання не выступае абарона фактычных сямейных адносiн, якія iснуюць толькi на паперы. Сацьяльна-сямейныя адносiны павiнны быць сапраўднымi²⁷. Каб iх вызначыць, трэба скарыстацца дапамогай Упраўлення па справах моладзi (*Jugendamt*)²⁸ [5, S. 241]. У прыватнасцi, наяўнасць характэрных для сваякоўцi сямейных адносiн, якія звычайна таксама звязваюць дзiця з апекуном, не лiчыцца дастатковай. Важным з'яўляецца ажыццяўленне тыповых бацькоўскiх праў і абавязкаў²⁹. Таму бягучыя і рэальныя адносiны, у тым лiку канкрэтныя дзеяннi па дагляду, маюць вырашальнае значэнне.

Мiнiмальны тэрмін, неабходны для ўстанаўлення сацьяльна-сямейных адносiн, нарматыўна не вызначаны. Гэта свядомае рашэнне заканадаўцы, які ўстрымаўся ад канкрэтызацыi перыяду пражывання з дзiцём у адной сям'і, пазначыўшы яго словамі «працяглы час»³⁰. Тлумачэнне названага паняцця заканадаўца пакiнуў практыцы³¹. Дактрына разглядае перыяд ад шасцi месяцаў да двух гадоў [5, S. 240]. Аднак, калi прыняць пад увагу розную iнтэнсiўнасць узаемасувязей, вызначэнне аднаго тэрмiну непажадана і немагчыма [6, S. 926]. Таму ацэнка сацьяльна-сямейных адносiн застаецца ў кампетэнцыi суда. Вырашальнай у гэтым кантэксце лiчыцца дата апошняга вуснага слухання³². Такiм чынам, блiзкiх адносiн, якія звязвалi юрыдычнага бацьку з дзiцём у мiнулым, недастаткова, калi яны не адпавядаюць бягучым сямейным адносiнам³³. Суд таксама не абавязаны разглядаць прагноз сацьяльна-сямейных адносiн³⁴. У выключных выпадках судовая практыка лiчыць вызначальнай дату пачатку судовага разбору (напрыклад, калi юрыдычны бацька і мацi наўмысна

²⁰Рашэнне Федэральнага вярхоўнага суда Германii ад 15 лiстапада 2017 г. № 12 ZB 389/16 // Часоп. сямейн. права [FamRZ]. 2018. № 4. С. 275–278 (на ням.); Рашэнне Федэральнага вярхоўнага суда Германii ад 6 снежня 2006 г. ... С. 540 (на ням.).

²¹Рашэнне Федэральнага вярхоўнага суда Германii ад 6 снежня 2006 г. ... С. 541 (на ням.).

²²Праект аб унясеннi змяненняў і дапаўненняў у заканадаўства аб аспрэчванні бацькоўства і правах выхавальнікаў дзiцяцi // Друк. выд. Бундэстага [BT-Drucksache]. 2003. № 15/2253. С. 11 (на ням.).

²³Рашэнне Вышэйшага зямельнага суда Хама ад 11 лютага 2016 г. № 2 12 UF 244/14 // Часоп. сямейн. права [FamRZ]. 2016. № 14. С. 1187–1188 (на ням.).

²⁴Рашэнне Вышэйшага зямельнага суда Хама ад 4 студзеня 2016 г. № 2 12 UF 145/15 // Там жа. С. 1185–1187 (на ням.).

²⁵Рашэнне Федэральнага вярхоўнага суда Германii ад 15 лiстапада 2017 г. ... С. 277 (на ням.).

²⁶Рашэнне Вышэйшага зямельнага суда Хама ад 4 студзеня 2016 г. ... Гл.: [3, абзац 42.1 параграфу 1600].

²⁷Рашэнне Вышэйшага зямельнага суда Хама ад 11 лютага 2016 г. ...

²⁸Рашэнне Федэральнага вярхоўнага суда Германii ад 6 снежня 2006 г. ... С. 541 (на ням.).

²⁹Рашэнне Вышэйшага зямельнага суда Хама ад 11 лютага 2016 г. ... Для параўнання гл.: Рашэнне Вышэйшага зямельнага суда Штутгарта ад 23 верасня 2010 г. № 16 UF 107/10 // Часоп. сямейн. права [FamRZ]. 2011. № 1. С. 68 (на ням.).

³⁰Паняцце «працяглы час» (*längere Zeit*) выкарыстоўваецца нямецкiм заканадаўцам і ў iншых палажэннях ГГУ, напрыклад у параграфу 1630(3), 1632(4), 1682 і 1685(2).

³¹Праект аб унясеннi змяненняў і дапаўненняў у заканадаўства аб аспрэчванні бацькоўства ...

³²Рашэнне Вышэйшага зямельнага суда Хама ад 20 лiпеня 2016 г. № 12 UF 51/16 // Часоп. сямейн. права [FamRZ]. 2016. № 24. С. 2135–2137 (на ням.); Рашэнне Федэральнага канстытуцыйнага суда Германii ад 24 лютага 2015 г. № 1 BvR 562/13 // Там жа. 2015. № 10. С. 818 (на ням.); Рашэнне Федэральнага канстытуцыйнага суда Германii ад 18 кастрычніка 2017 г. № 12 ZB 525/16 // Там жа. 2018. № 1. С. 41 (на ням.). У той жа час ЕСПЧ палiчыў, што пры змене сямейных сувязей можа быць разумным правярць, якія сацьяльныя сувязi (цяперашнiя ці папярэднiя) лепш адпавядаюць iнтарэсам дзiцяцi. (Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 10 сакавіка 2015 г. N 42719/14 // Там жа. 2016. № 6. С. 437–438 (на ням.).)

³³Рашэнне Федэральнага вярхоўнага суда Германii ад 15 лiстапада 2017 г. ... С. 277 (на ням.); Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 10 сакавіка 2015 г. ...

³⁴Рашэнне Федэральнага канстытуцыйнага суда Германii ад 24 лютага 2015 г. ...

падаўжаюць разгляд справы (больш чым на год), каб за гэты час усталяваць з дзіцём сацыяльна-сямейныя адносіны, у той час як раней такая сувязь існавала паміж дзіцём і яго біялагічным бацькам³⁵).

Застаецца адкрытым пытанне аб тым, ці могуць сацыяльна-сямейныя адносіны ўсталявацца ў да-родавы перыяд (да нараджэння дзіцяці). Адмоўны адказ на гэта пытанне выклікае праблему дапушчальнасці аспрэчвання (прэзумпцыі) бацькоўства біялагічным бацькам непасрэдна пасля родаў. Такое рашэнне было б складана прыняць згодна з дзеючымі правіламі, таму што гэта не адпавядае іншым

нормам і супярэчыць тэлеалагічнаму тлумачэнню нормы. Варта памятаць, што аспрэчванне юрыдычнага бацькоўства біялагічным бацькам з'яўляецца выключным (яго мэтай, безумоўна, не выступае дэстабілізацыя сямейнага жыцця) і ў такой асаблівай сітуацыі, калі сямейныя сувязі (па аб'ектыўных прычынах і незалежна ад волі юрыдычных бацькоў) не існуюць. Больш за тое, гэта рашэнне супярэчыць абмежаванням па тэрміну, у тым ліку вызначанаму законам тэрміну для аспрэчвання бацькоўства, які не можа пачынацца да нараджэння дзіцяці (параграф 1600b(2) ГГУ).

Разрыў сацыяльна-сямейных адносін і абмежаванні тэрміну для аспрэчвання бацькоўства

Не ўсе сацыяльна-сямейныя адносіны з'яўляюцца пастаяннымі, з часам яны могуць змяняцца. У сувязі з гэтым узнікае пытанне аб тым, ці адкрывае такі разрыў новую магчымасць аспрэчвання бацькоўства. Калі суд адхіляе заяву біялагічнага бацькі, яе паўторная падача недапушчальная, бо гэта парушае правілы прававой бяспекі³⁶. Такім чынам, неэфектыўнае (заўчаснае) абскарджанне незваротна вядзе да страты права. Паколькі ў біялагічнага бацькі ёсць толькі адзін шанец, яму трэба старанна абдумаць, калі яго варта выкарыстоўваць. Пазнейшы разрыў сямейных сувязей не змяняе яго прававога становішча, калі гэтае пытанне ўжо вырашана судом. Таму аспрэчванню бацькоўства павінен папярэднічаць пільны аналіз сямейных сувязей паміж юрыдычным бацькам і дзіцём. Аднак на практыцы гэта можа апынуцца надзвычай складанай задачай для біялагічнага бацькі.

Цячэнне часу не ідзе на карысць біялагічнаму бацьку, паколькі аспрэчванне бацькоўства абмежавана пэўным тэрмінам [7, S. 303]. Ён складае два гады і адлічваецца з моманту, калі правамоцная асоба даведлася пра абставіны, якія сведчаць аб памылковай прыналежнасці дзіцяці (параграф 1600b(1) ГГУ)³⁷. Такім чынам, тэрміны для аспрэчвання бацькоўства біялагічным і юрыдычным бацькамі адзіныя. Аднак гэта толькі знешняе падабенства. Ключавым тут з'яўляецца тое, што дзеянне тэрміна не прыпыняецца на перыяд бацькоўскай сувязі паміж юрыдычным бацькам і дзіцём. На працягу гэтага часу біялагічны бацька юрыдычна асуджаны на бяздзейнасць. Яму застаецца толькі чакаць і спадзявацца на спыненне сацыяльна-сямейных сувязей да заканчэння

тэрміну падачы заявы [8, S. 777]. Такое свядомае рашэнне заканадаўцы вынікае непасрэдна са зместу закона. Аднак варта прызнаць, што гэта не ідэальны варыянт па некалькіх прычынах.

Можа апынуцца так, што ў дзень, калі юрыдычны бацька разарваў сямейную сувязь, тэрмін для аспрэчвання бацькоўства ўжо мінуў. У такой сітуацыі запіс аб бацькоўстве не можа быць выпраўлены па ініцыятыве біялагічнага бацькі. Калі ён даведаўся пра сваё бацькоўства ў дзень нараджэння дзіцяці, то ён страчвае сваё права на яго ўжо праз два гады пасля гэтай даты. Такім чынам, права на аспрэчванне бацькоўства аказваецца толькі ўяўным. Яго выкарыстанне не залежыць ад волі правамоцнай асобы, а абумоўліваецца абставінамі, на якія яна не мае ўплыву. Гэта дзіўнае рашэнне не прадугледжвае ахоўнай агаворкі³⁸, не ўлічвае дабрабыт дзіцяці і цалкам ігнаруе інтарэсы біялагічнага бацькі. Абмежаванне тэрміну абгрунтоўваецца неабходнасцю захавання стабільных сямейных адносін. Аднак ёсць сумненні ў правільнасці балансавання супярэчлівых інтарэсаў. Выклікае здзіўленне і тое, што тэрмін для аспрэчвання бацькоўства вылічваецца незалежна ад таго, ці ведаў біялагічны бацька аб наяўнасці сямейных адносін паміж юрыдычным бацькам і дзіцём або ўсведамляў іх адсутнасць. Памылковая ацэнка аб'ектыўных абставін, у прыватнасці няправільнае меркаванне аб юрыдычным бацькоўстве, таксама не мае значэння для дзеяння тэрміну. Пры гэтым існуючыя сувязі біялагічнага бацькі з дзіцём не іграюць ніякай ролі.

Няма перашкод для больш гнуткага рэгулявання працэдур аспрэчвання бацькоўства біялагічным

³⁵Рашэнне Вышэйшага зямельнага суда Карлсруэ ад 21 студзеня 2010 г. № 2 UF 69/08 // Часоп. сямейн. права [FamRZ]. 2010. № 14. С. 1175–1176 (на ням.).

³⁶Праект аб унясенні змяненняў і дапаўненняў у заканадаўства аб аспрэчванні бацькоўства... Гл.: [3, абзац 46 параграфа 1600]; крытыку да гэтага падыходу гл.: [5, абзац 26 параграфа 1600].

³⁷Гэта акалічнасці аб'ектыўнага характару, якія даюць падставы меркаваць, што дзіця не паходзіць ад законнага бацькі. Суб'ектыўныя сумненні адносна бацькоўства дзіцяці актуальныя толькі ў тым выпадку, калі з пункту гледжання разумнага назіральніка яны апраўданыя [3, абзацы 18 і 19 параграфа 1600b]. Прыклады абставін, якія могуць выклікаць абгрунтаваныя сумневы адносна належнага вызначэння бацькоўства, разам з судовай практыкай гл.: [3, абзац 20 параграфа 1600b].

³⁸Між тым нельга выключыць сітуацыі, у якіх такая норма была бы вельмі неабходна (напрыклад, у выпадку знаходжання маленькага дзіцяці, пакінутага юрыдычным бацькам адразу пасля заканчэння тэрміну для аспрэчвання бацькоўства).

бацькам і пры пэўных умовах для яго аспрэчвання пасля заканчэння звычайнага тэрміну. Такім чынам, у выпадку разрыву сацыяльна-сямейных адносін паміж дзіцём і законным бацькам біялагічны бацька павінен мець рэальную магчымасць прыняць на сябе юрыдычную адказнасць за дзіця. Шукаючы аптымальнае рашэнне гэтай праблемы, варта падумаць перш за ўсё пра прыпыненне тэрміну для аспрэчвання бацькоўства на час існавання сямейнай сувязі паміж дзіцём і законным бацькам. Кампраміс, які, відавочна, патрабуе глыбокага разважання, мог бы заключацца ў абмежаванні часу прыпынення тэрміну толькі да дасягнення дзіцём пэўнага ўзросту. У такім выпадку ўказанню адпаведнага ўзроставага цэнзу павінна папярэднічаць дбайнае міждысцыплінарнае даследаванне. Акрамя таго, магчымасць аспрэчвання бацькоўства можа быць пастаўлена ў залежнасць ад дэманстрацыі існавання першаснай і сур'ёзнай

зацікаўленасці ў дзіцяці. Такая зацікаўленасць можа выяўляцца ў тым ліку ў рэгулярных кантактах з дзіцём або ў рэалізацыі права на атрыманне інфармацыі аб яго развіцці. Аднак здзяйсненне гэтых праў (параграф 1686а ГГУ) можа апынуцца праблематычным. Практыка паказвае, што маці часам робяць усё магчымае, каб родны бацька быў на адлегласці ад дзіцяці. Таму пры вынясенні рашэння павінны ўлічвацца ўсе абставіны дадзенай справы.

Такім чынам, абмежаванне тэрміну для аспрэчвання бацькоўства біялагічным бацькам можа прывесці да аксіялагічных дылем і сацыяльна складаных рашэнняў. Верагодна, нямецкі заканадаўца мог бы забяспечыць лепшую абарону інтарэсаў біялагічнага бацькі і даць яму магчымасць змяніць прыналежнасць дзіцяці, калі гэта не парушае яго дабрабыт і не супярэчыць прынцыпам сацыяльнага суіснавання.

Роля сацыяльнага бацькоўства

У гэтым кантэксце варта разгледзець пытанне аб тым, ці заўсёды сацыяльна-сямейныя адносіны паміж дзіцём і юрыдычным бацькам павінны блакіраваць магчымасць аспрэчвання бацькоўства³⁹. Урэшце біялагічны бацька таксама можа мець цесную эмацыянальную сувязь з дзіцём. Нямецкі заканадаўца не прадугледжвае падвойнага сацыяльнага бацькоўства, пакідаючы неўрэгуляванай сітуацыю, калі абодва бацькі (юрыдычны і біялагічны) маюць сацыяльна-сямейныя адносіны з дзіцём.

Названая праблема з'явілася ў судовай практыцы. Вышэйшы зямельны суд Хама прыйшоў да высновы аб тым, што існаванне сацыяльна-сямейных адносін паміж дзіцём і юрыдычным бацькам не перашкаджае магчымасці аспрэчвання бацькоўства, калі біялагічны бацька падтрымлівае з дзіцём сацыяльна-сямейныя адносіны і стварае сям'ю разам з ім і яго маці (вядзе агульную гаспадарку)⁴⁰. Таму суд паспрабаваў вырашыць справу праз вузкае вытлумачэнне зместу заканадаўчай нормы параграфу 1600(2) ГГУ. Аднак гэта не падтрымаў Федэральны вярхоўны суд Германіі, які палічыў фармулёўку прававой нормы адназначнай і выключыў магчымасць уліку сацыяльна-сямейных адносін паміж дзіцём і біялагічным бацькам⁴¹. Суд падкрэсліў, што закон патрабуе, каб пад увагу прымалася толькі існаванне сувязі паміж дзіцём і юрыдычным бацькам. Сацыяльна-сямейныя адносіны як паміж юрыдычнымі бацькамі дзіцяці, так і паміж дзіцём і яго маці значэння не маюць⁴². Такім чынам, адносіны паміж

маці дзіцяці і яго біялагічным бацькам таксама не ўлічваюцца. Насуперак меркаванню Вышэйшага зямельнага суда Хама гістарычная і тэлеалагічная інтэрпрэтацыі нормы параграфу 1600(3) ГГУ павінны прывесці да такой жа высновы. Трэба падкрэсліць, што Федэральны вярхоўны суд Германіі пакінуў адкрытым пытанне аб мэтазгоднасці існуючага заканадаўчага рашэння і неабходнасці яго змянення, а таксама не адзначыў, ці варта ўзмацніць пазіцыю біялагічнага бацькі і лепш абараніць яго інтарэсы. Але ён непасрэдна заявіў, што вырашэнне гэтага пытання – выключная кампетэнцыя заканадаўцы⁴³.

Здаецца, нямецкі заканадаўца мог бы лепш выкарыстаць прадстаўленую яму свабоду дзеянняў у гэтым пытанні⁴⁴. У выпадку падвойнага сацыяльнага бацькоўства няма пераканаўчых аргументаў, якія б абгрунтавалі прывілеяванае становішча юрыдычнага бацькі⁴⁵. Такое адрозненне паміж дзвюма формамі бацькоўства не вынікае з Канстытуцыі Германіі, што не прадвызначае і не навязвае ніякіх іерархічных адносін (першыństwo той ці іншай формы бацькоўства ці падпарадкаванне ёй). Магчыма, асноўнай павінна быць не форма бацькоўства, а якасць сацыяльна-сямейных адносін з дзіцём. Перш за ўсё варта ўлічваць іх інтэнсіўнасць, аб'ём і працягласць. Таму лагічна параўноўваць і ацэньваць сацыяльныя сувязі дзіцяці з юрыдычным і біялагічным бацькамі. Мэта заканадаўцы забяспечыць абарону існуючай сацыяльнай сям'і і захаваць стабільнасць сямейных адносін у некаторых выпадках можа быць

³⁹Рашэнне Вышэйшага зямельнага суда Хама ад 20 ліпеня 2016 г. ...

⁴⁰Там жа.

⁴¹Рашэнне Федэральнага вярхоўнага суда Германіі ад 15 лістапада 2017 г. ... С. 275–278 (на ням.).

⁴²Там жа.

⁴³Там жа.

⁴⁴Параўн.: Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 10 сакавіка 2015 г. ...

⁴⁵Справаздача па пытаннях устанаўлення паходжання дзіцяці : рэк. па рэформе заканадаўства аб устанаўленні паходжання дзіцяці ад 4 ліп. 2017 г. // Федэр. м-ва юстыцыі : сайт. URL: https://www.bmj.de/SharedDocs/Downloads/DE/Fachpublikationen/07042017_AK_Abstimmung_Abschlussbericht.pdf?__blob=publicationFile&v=4 (дата звароту: 10.09.2023) (на ням.).

дасягнута толькі шляхам змены бацькоўства. Калі біялагічны бацька пражывае з дзіцём і маці, такая сям'я таксама падлягае канстытуцыйнай абароне на падставе арт. 6(1) Канстытуцыі Германіі. Рашэнне, арыентаванае выключна на абарону адносін толькі адной формы бацькоўства, незалежна ад таго, якім (біялагічным або юрыдычным) сувязям яно спрыяе,

не з'яўляецца ідэальным. Ураўнаважваючы супярэчлівыя інтарэсы і шукаючы правільны шлях, трэба, вядома, у першую чаргу ўлічваць дабрабыт дзіцяці, які не заўсёды прымаецца пад увагу ў дзеючым падыходзе нямецкага заканадаўства [5, S. 237]. Пры гэтым, аднак, нельга ігнараваць неабходнасць абароны інтарэсаў біялагічнага бацькі.

Прававыя наступствы

Прававыя наступствы аспрэчвання бацькоўства залежаць ад таго, хто выступіў заяўнікам. Калі гэта асоба з'яўляецца біялагічным бацькам, то дзіцяці не пагражае страта бацькі⁴⁶, больш за тое, адбываецца жадаанае аб'яднанне дзвюх форм бацькоўства: біялагічны бацька становіцца адначасова юрыдычным бацькам⁴⁷. Дзіця не губляе існуючых сацыяльных сувязей (сацыяльнае бацькоўства)⁴⁸. Пры змяненні бацькоўства юрыдычны бацька павінен мець права на захаванне сацыяльных сувязей з дзіцём. Кантакт з дзіцём можа быць узгоднены з бацькамі або забяспечаны судом (параграф 1685(2) ГГУ)⁴⁹. Прыняцце такога рашэння

не парушае дабрабыту дзіцяці і дазваляе ў поўнай меры рэалізаваць сацыяльна пажаданую мадэль сям'і.

Між тым паспяховае аспрэчванне бацькоўства юрыдычным бацькам вызваляе яго ад бацькоўскіх абавязкаў, што для дзіцяці азначае страту бацькі. Сапраўды, гэты судовы разбор не звязваецца з устанавленнем новага бацькоўства і не залежыць ад яго. Добрабыт дзіцяці поўнасьцю ігнаруецца, таму што такое рашэнне прыводзіць да юрыдычнага паўсіроцтва і дадатковай, часта празмернай нагрузкі на маці, якая вымушана спраўляцца з бацькоўскімі абавязкамі адна.

Адпаведнасць норм аб аспрэчванні бацькоўства Канстытуцыі Германіі і Еўрапейскай канвенцыі аб абароне праў чалавека і асноўных свабод

Прадстаўленыя пытанні (у прыватнасці, адносна адрозненняў паміж палажэннем юрыдычнага і біялагічнага бацькаў) па-ранейшаму выклікаюць дыскусію, хоць некаторыя з іх ужо былі прадметам ацэнкі судовых рашэнняў як на нацыянальным, так і на еўрапейскім узроўні. Нямецкі падыход да рэгулявання ўмоў аспрэчвання бацькоўства прызнаны прымальным у межах, устаноўленых і Канстытуцыяй Германіі, і Еўрапейскай канвенцыяй аб ахове праў чалавека і асноўных свабод (далей – ЕКПЧ). Федэральны канстытуцыйны суд Германіі заявіў, што арт. 6 Канстытуцыі Германіі сапраўды абараняе інтарэсы біялагічнага бацькі ў атрыманні ім юрыдычнага статусу, але гэта абарона не з'яўляецца абсалютнай. Яна абмежавана неабходнасцю аховы сямейных адносін паміж дзіцём і яго юрыдычнымі бацькамі⁵⁰. Такім чынам, Федэральны канстытуцыйны суд Германіі прызнаў

перавагу юрыдычных сувязей перад біялагічнымі. Апісаны падыход быў успрыняты як кампраміс паміж абсалютнай абаронай юрыдычных сямейных адносін і поўным пазбаўленнем біялагічнага бацькі магчымасці аспрэчваць бацькоўства.

Такая пазіцыя пацвярджаецца практыкай ЕСПЧ. З аднаго боку, ён прызнае поўнае пазбаўленне магчымасці біялагічнага бацькі ўсталяваць бацькоўства парушэннем яго права на павагу прыватнага жыцця (арт. 8(1) ЕКПЧ)⁵¹. З другога боку, ЕСПЧ сцвярджае, што ў пэўных сітуацыях умяшанне дзяржаўных органаў у ажыццяўленне гэтага права можа быць апраўданым у дэмакратычным грамадстве (арт. 8(2) ЕКПЧ)⁵². ЕСПЧ выказаў такое меркаванне некалькі разоў⁵³, звярнуўшы ўвагу на тое, што нарматыўнае рэгуляванне працэдуры аспрэчвання бацькоўства біялагічным бацькам, прынятае

⁴⁶Праект аб унясенні змяненняў і дапаўненняў у заканадаўства аб аспрэчванні бацькоўства ...

⁴⁷Адбываецца змена статусу, якая азначае, што функцыі цяперашняга законнага бацькі бярэ на сябе біялагічны бацька (параграф 182 Закона аб судаходстве па сямейных справах).

⁴⁸Рашэнне Вышэйшага зямельнага суда Хама ад 20 ліпеня 2016 г. ...

⁴⁹Там жа.

⁵⁰Рашэнне Федэральнага канстытуцыйнага суда Германіі ад 9 красавіка 2003 г. № 1 BvR 1493/93, 1 BvR 1724/01 16 // Федэр. канстытуц. суд : сайт. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2003/04/rs20030409_1b-vr149396.html (дата звароту: 10.09.2023) (на ням.).

⁵¹Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 10 сакавіка 2015 г. ... ; Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 5 лістапада 2013 г. № 26610/09 // Часоп. сямейн. права [FamRZ]. 2014. № 15. С. 1257–1259 (на ням.) ; Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 22 сакавіка 2012 г. № 23338/09 // Там жа. 2012. № 8. 691–692 (на ням.).

⁵²Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 22 сакавіка 2012 г. ... ; Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 10 мая 2001 г. № 28945/95 // Агляд суд. прысудаў і рашэнняў [Reports of Judgments and Decisions]. 2001. № 5. С. 119–152 (на ням.) ; Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 8 ліпеня 2003 г. № 31871/96 // Міждысцыплінар. спец. час. для юрыд. практыкі: сям'я, партнёрства, права. 2004. № 4. С. 344–350 (на ням.) ; Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 10 сакавіка 2015 г. ...

⁵³Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 10 сакавіка 2015 г. ... ; Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 2 снежня 2014 г. № 546/10 // Еўрап. час. па правах чалавека [EuGRZ]. 2015. № 4. С. 644 (на ням.) ; Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 5 лістапада 2013 г. ... ; Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 22 сакавіка 2012 г. ... ; Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 11 снежня 2012 г. № 11858/10 // Суд. практыка Beck [BeckRS]. 2014. № 8168.

ў Германіі, знаходзіцца ў рамках дыскрэцыйных паўнамоцтваў, дазволенах ЕКПЧ і пакінутых на меркаванне нацыянальных заканадаўчых органаў. На думку ЕСПЧ, ЕКПЧ не накладвае юрыдычнага абавязку забяспечваць меркаванага біялагічнага бацьку магчымасцю паставіць пад сумненне пазіцыю юрыдычнага бацькі або распачаць асобную справу для ўстанаўлення біялагічнага бацькоўства⁵⁴. Такім чынам, магчымасць аспрэчвання бацькоўства меркаваным біялагічным бацькам застаецца

ў дыскрэцыі дзяржавы⁵⁵. ЕСПЧ таксама палічыў, што нормы ГГУ не парушаюць забарону на дыскрымінацыю (арт. 8 і 14 ЕКПЧ). Гэта не той выпадак, калі, у прыватнасці, нормы аддаюць прыярытэт сямейным сувязям, якія звязваюць дзіця з яго юрыдычным бацькам, і, каб абараніць іх, не дазваляюць біялагічнаму бацьку аспрэчваць бацькоўства⁵⁶. Гэта таксама можа адносіцца да сітуацый, калі паміж біялагічным бацькам і дзіцём існуюць або існавалі параўнальна моцныя сацыяльна-сямейныя адносіны⁵⁷.

Выводы

У сямейным праве Германіі, як і ў сямейным праве Беларусі, праблема аспрэчвання бацькоўства біялагічным бацькам мае шэраг дыскусійных пытанняў. Здаецца, у абедзвюх краінах варта надаць увагу дыскусіі аб больш гнуткім рэгуляванні тэрмінаў для аспрэчвання бацькоўства і вылучэнні яго асаблівасцей у залежнасці ад дасягнення дзіцём пэўнага ўзросту. Пры гэтым вызначэнне адпаведнага ўзроставага цэнзу дзіцяці павінна базіравацца на дбайным міждысцыплінарным даследаванні.

Праведзены аналіз дэманструе, як нямецкае заканадаўства шукае спосаб прымірыць супрацьлеглыя інтарэсы (права ведаць сваю асобу, права на ахову сям'і, права на бацькоўства і права на дабрабыт дзіцяці) [5, S. 237]. У адрозненне ад беларускага падыходу да рэгулявання ўмоў аспрэчвання бацькоўства біялагічным бацькам, у якім поспех справы залежыць толькі ад доказу існавання генетычнай сувязі паміж біялагічным бацькам і дзіцём і трымання тэрміну для аспрэчвання бацькоўства, германскі падыход да гэтых пытанняў надае большую ўвагу абароне інтарэсаў юрыдычнага бацькі. Нават калі існуючая ў Германіі мадэль прызнана сумяшчальнай з Канстытуцыяй Германіі і ЕКПЧ, яна крытычна ацэньваецца экспертамі, бо ставіць юрыдычнага бацьку ў прывілеяваную пазіцыю ў параўнанні з біялагічным бацькам [9, S. 170].

Нельга не пагадзіцца з тым, што ў аснове канцэпцыі, прынятай нямецкім заканадаўцам, ляжыць правільны крытэрыў – рацыянальнасць. Дабрабыт дзіцяці шмат у чым залежыць ад якасці і стабільнасці сямейных адносін, а значыць, і ад адносін паміж маці і юрыдычным бацькам [5, S. 237]. Але паходжанне дзіцяці ад іншага мужчыны нельга ігнараваць доўга. У выпадку разрыву адносін паміж юрыдыч-

нымі бацькамі гатоўнасць юрыдычнага бацькі ісці на ахвяры дзеля дзіцяці, які не з'яўляецца яго біялагічным нашчадкам, як правіла, абмежавана. Таму ў германскім сямейным праве ўздываецца пытанне аб тым, наколькі адэкватным крытэрыем для ацэнкі дапушчальнасці аспрэчвання бацькоўства біялагічным бацькам з'яўляецца наяўнасць у пэўны момант сацыяльна-сямейных адносін паміж юрыдычным бацькам і дзіцём. У прыватнасці, выклікае сумненне тое, што абсалютны прыярытэт гэтай сувязі, незалежна ад яе якасці над нават патэнцыяльнай сувяззю з біялагічным бацькам, заўсёды будзе служыць на карысць дзіцяці [9, S. 6; 10, S. 118; 11, S. 205].

Безумоўна, усе варыянты прававога рэгулявання пытанняў аб бацькоўстве ў любым выпадку павінны ставіць на першае месца дабрабыт непаўналетняга дзіцяці. Пры гэтым варта справядліва ўлічваць і іншыя інтарэсы. Здаецца, галоўную ролю павінна іграць не форма бацькоўства, а якасць сацыяльна-сямейных адносін, у тым ліку адносін дзіцяці як з юрыдычным, так і з біялагічным бацькам.

Беларускі заканадаўца, які нарматыўна не абумоўлівае магчымасць аспрэчвання запісу аб бацькоўстве адсутнасцю сацыяльна-сямейных адносін паміж юрыдычным бацькам і дзіцём, перакладае асноўную нагрузку пры разглядзе справы на суд. Гэта, з аднаго боку, патэнцыяльна ўскладняе працэдуру разбору, а з другога боку, дазваляе ўлічыць індывідуальныя асаблівасці канкрэтнай сітуацыі.

Хутчэй за ўсё, абодвум заканадаўцам спатрэбіцца вырашыць яшчэ нямала дyleм на шляху пошуку балансу паміж законнымі інтарэсамі, якія могуць сутыкацца ў выпадку аспрэчвання бацькоўства біялагічным бацькам.

Бібліяграфічныя спасылкі / References

1. Schwab D. Die Begriffe der genetischen, biologischen, rechtlichen und sozialen Elternschaft (Kindschaft) im Spiegel der rechtlichen Terminologie. *Zeitschrift für Familienforschung*. 2011;1:41–56.
2. Coester-Waltjen D. *Familienrecht*. 6. Auflage. München: C. H. Beck; 2009. 1059 S.

⁵⁴Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 10 сакавіка 2015 г. ... ; Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 5 лістапада 2013 г. ... ; Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 22 сакавіка 2012 г. ...

⁵⁵Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 10 сакавіка 2015 г. ... ; Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 22 сакавіка 2012 г. ...

⁵⁶Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 10 сакавіка 2015 г. ... ; Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 5 лістапада 2013 г. ...

⁵⁷Рашэнне Еўрапейскага суда па правах чалавека ад 10 сакавіка 2015 г. ...

3. Herberger M, Martinek M, Rüßmann H, Weth S, Würdinger M, Herausgeber. *Juris Praxiskommentar BGB. Band 4, Familienrecht*. 8. Auflage. Saarbrücken: Juris; 2017. 3935 S.
4. Schwab D. Zwischen Kenntnis der Abstammung und abstammungsgemäßer Zuordnung – Eine Wanderung auf den Pfaden des Bundesverfassungsgerichts. V: Manssen G, Jachmann M, Gröpl Ch, Herausgeber. *Nach geltendem Verfassungsrecht: Festschrift für Udo Steiner zum 70. Geburtstag*. 1. Auflage. Tübingen: Richard Boorberg Verlag; 2009. S. 375–387.
5. Säcker FJ, Rixecker R, Oetker H, Limperg B. Hrsg. Schwab D. *Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. Band 9, Familienrecht 2*. 7. Auflage. München: Beck-online; 2017. 2515 S.
6. Sanders A. Was ist eine Familie? Der EGMR und die Mehrelternschaft. *Neue Juristische Wochenschrift*. 2017;70(13):925–927.
7. Wudarski A. Ustalenie i weryfikacja pochodzenia a poczucie jakości życia. Zagadnienia wybrane w ujęciu prawno-porównawczym. *Kwartalnik Prawa Prywatnego*. 2014;23(2):285–322.
8. Hager J. Der rechtliche und der leibliche Vater. V: Hofer S, Klippel D, Walter U, Herausgeber. *Perspektiven des Familienrechts: Festschrift für Dieter Schwab zum 70. Geburtstag*. Bielefeld: Giseking Verlag; 2005. S. 773–781.
9. Helms T. Die Stellung des potenziellen biologischen Vaters im Abstammungsrecht. *Zeitschrift für das gesamte Familienrecht*. 2010;1(4):1–8.
10. Helms T. Das Nebeneinander von rechtlicher Vaterschaft und anderweitiger leiblicher Vaterschaft aus rechtlicher und rechtspolitischer Perspektive. *Zeitschrift für Familienforschung*. 2011;1:105–120.
11. Lauterbach W. Bedeutung der Abstammung für die Familien- und Verwandtschaftszugehörigkeit. *Zeitschrift für Familienforschung*. 2011;1:191–210.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 12.10.2023.
Received by editorial board 12.10.2023.

ПРАКТИКА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ АВТОРСКОГО ПРАВА И СМЕЖНЫХ ПРАВ

Д. А. ЛЕПЁШИН¹⁾, П. И. ПЕТКИЛЁВ¹⁾

¹⁾Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, г. Москва, Россия

Право интеллектуальной собственности продолжает свое стремительное развитие. Законодательное регулирование права интеллектуальной собственности поддерживает соблюдение заложенного в Конституции Российской Федерации права каждого лица на свободу художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Конституционный Суд Российской Федерации, являясь высшим судебным органом конституционного контроля, разрешает дела о соответствии конституции отдельных форм права. Позиции, изложенные в принимаемых по результатам этой деятельности судебных актах, имеют большое значение как для законодательной, так и для правоприменительной практики. Настоящее исследование направлено на анализ и обобщение судебных актов, принятых Конституционным Судом Российской Федерации по отдельным вопросам, связанным с авторским правом и смежными правами.

Ключевые слова: авторское право; смежные права; Конституционный Суд Российской Федерации; интеллектуальное право.

THE PRACTICE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SPHERE OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS

D. A. LEPESHIN^a, P. I. PETKILEV^a

^aPeople's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow 117198, Russia

Corresponding author: P. I. Petkilev (petrpokilev@yandex.ru)

Intellectual property right continues its rapid development. Legislative regulation of intellectual property rights continues, laid down in the Constitution of the Russian Federation right of every person to freedom of artistic, scientific, technical and other types of creativity, teaching. The Constitutional Court of the Russian Federation, being the highest judicial body of constitutional control, resolves cases on the compliance of certain forms of law with the Constitution of the Russian Federation.

Образец цитирования:

Лепёшин ДА, Петкилёв ПИ. Практика Конституционного Суда Российской Федерации в сфере авторского права и смежных прав. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2023;3:43–48.
EDN: HGLLOG

For citation:

Lepeshin DA, Petkilev PI. The practice of the Constitutional Court of the Russian Federation in the sphere of copyright and related rights. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2023;3:43–48. Russian.
EDN: HGLLOG

Авторы:

Дмитрий Александрович Лепёшин – кандидат юридических наук; доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института.

Петр Игоревич Петкилёв – аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института. Научный руководитель – Д. А. Лепёшин.

Authors:

Dmitry A. Lepeshin, PhD (law); associate professor at the department of civil law and procedure and international private law, Law Institute.

<https://orcid.org/0000-0001-5198-0860>
lepeshine@mail.ru

Petr I. Petkilev, postgraduate student at the department of civil law and procedure and international private law, Law Institute.

<https://orcid.org/0000-0001-9569-6706>
petrpokilev@yandex.ru

The positions of the judicial acts adopted as a result of this activity are of great importance for judicial activity and for law enforcement practice. This study is aimed at analysing and summarising of judicial acts adopted by the Constitutional Court of the Russian Federation on issues about copyright and related rights.

Keywords: copyright; related rights; Constitutional Court of the Russian Federation; intellectual property.

Введение

Статья 44 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) гарантирует каждому лицу свободу художественного, научного, технического и других видов творчества и преподавания, а также закрепляет правило о том, что интеллектуальная собственность охраняется законом.

Высшим судебным органом конституционного контроля является Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ), который, в силу ст. 125 Конституции РФ, среди прочего разрешает дела о соответствии Основному Закону отдельных форм права.

Значительное количество норм российского права интеллектуальной собственности сосредоточено в ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Авторское право традиционно было основой развития права интеллектуальной собственности. Позже возникли права, смежные с авторским правом (смеж-

ные права) [1]. Оба этих института настолько связаны, что в науке до сих пор не выработаны исчерпывающие критерии для их разграничения [2].

Настоящее исследование направлено на анализ практики КС РФ по отдельным вопросам, связанным с авторским правом и смежными правами, в хронологическом порядке с 2000 по 2023 г.

Целью исследования является выделение наиболее значимых судебных актов КС РФ по вопросам авторского права и смежных прав.

Для достижения цели исследования решаются следующие задачи: проведение анализа правоприменительной практики КС РФ по вопросам авторского права и смежных прав, выявление последствий принятия отдельных судебных актов КС РФ по вопросам авторского права и смежных прав, определение направления развития законодательной деятельности по вопросам авторского права и смежных прав.

Материалы и методы исследования

Методологической основой исследования выступили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, исторический метод) и специальный юридический метод – формально-юридический.

Несмотря на то что настоящее исследование представляет собой обзор судебной практики, ав-

торы обращались и к российской доктрине по рассматриваемой тематике.

В частности, теоретическую основу работы составили труды российских правоведов Н. В. Бузовой, А. С. Васильева, В. В. Ершова, А. Е. Кирпичева, Д. А. Мальбина, П. И. Петкилёва. Материалы и методы детерминированы темой исследования.

Результаты и их обсуждение

Для удобства изложения и восприятия позиции КС РФ разделены на две группы: авторское право и смежные права в судебной практике КС РФ, а также вопросы ответственности за нарушение авторского права и смежных прав в практике КС РФ.

Авторское право и смежные права в судебной практике КС РФ. Отдельные судебные акты КС РФ были приняты до вступления в силу ч. 4 ГК РФ (до 2008 г.) и опирались на нормы Закона Российской Федерации от 9 июля 1993 г. п. 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах».

В частности, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2000 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности подпункта “а” пункта 1 статьи 5 Закона Российской Федерации “О налоге на добавленную стоимость” в связи с жалобой закрытого акционерного общества “Конфетти” и гражданки И. В. Савченко» был сформулирован тезис о том, что имущественное авторское право на использование произведения может

принадлежать не только непосредственно самому автору, но и другим лицам, в том числе юридическим. Оно также может передаваться по авторскому договору, предусматривающему способы использования произведения (конкретные права, передаваемые по данному договору), срок и территорию, на которые передается право, размер вознаграждения и (или) порядок его определения, порядок и сроки выплаты вознаграждения и другие условия.

Дополнительно в п. 4 рассматриваемого судебного акта обращалось внимание на то, что «договорные отношения сторон по передаче и получению имущественных авторских прав на использование произведения представляют собой единый правовой процесс по реализации данного авторского права как имущественной ценности».

Ценность этого постановления для интеллектуального права Российской Федерации, которое в начале XXI в. встало на путь своего стремительного развития, весьма высока.

КС РФ выразил однозначную позицию о том, что имущественное авторское право (исключительное право в актуальной формулировке) является оборотоспособным, имеет имущественную ценность, а единый процесс передачи такого права опосредуется договором. Представляется, что такая логика была учтена и законодателем в дальнейшем правотворчестве, и правоприменителями.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2001 г. № 287-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бекижевой Ольги Николаевны и Федорюка Сергея Юрьевича на нарушение их конституционных прав статьями 2, 4, 6 и 7 Закона Российской Федерации “О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров”» выявлена особенность объектов авторского права, которая выражена в следующем.

Сравнивая объекты авторского права и средства индивидуализации (в частности, товарный знак), КС РФ обратил внимание на то, что рыночная стоимость объектов авторского права определяется их самостоятельной ценностью, тогда как рыночная стоимость средства индивидуализации зависит от признания продукции потребителем. В год вступления КС РФ, в силу ч. 4 ГК РФ, сослался на данный вывод в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 1 апреля 2008 г. № 450-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества “Московский завод плавленых сыров “Карат” на нарушение конституционных прав и свобод положениями статьи 4 и пункта 2 статьи 10 Закона РСФСР “О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках”, статьи 4 и части 2 статьи 14 Федерального закона “О защите конкуренции”, пункта 1 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации», т. е. закрепил этот тезис в еще одном судебном акте.

Соответствующий вывод видится интересным. Представляется, что рыночная стоимость средства индивидуализации действительно во многом зависит от оценки продукции потребителем, тогда как произведение может не получить широкого признания, а выявить его реальную стоимость можно только обратившись к лицу, которое имеет специальные знания.

Вместе с тем сказанное не исключает необходимости оценки объекта авторского права каким-либо третьим лицом (лицами) для определения рыночной стоимости этого объекта.

Более того, история знает примеры, когда рыночная стоимость произведения возростала по причине повышенного внимания к нему со стороны широкого круга лиц. В частности, музыкальное произведение М. Шуфутинского «Третье сентября» приобрело значительную популярность с развитием социальных сетей, при этом, по мнению отдельных музыкальных критиков, «...в преддверии знаменательной даты ценник на выступление артиста взлетает в несколько раз»¹.

Весьма часто рыночная стоимость произведения возрастает также после кончины автора или исполнителя. Согласно информации² делового издания «РБК» в течение недели после смерти М. Джексона «продажи» его музыкальных произведений выросли на 5210 %, а после смерти солиста группы «Линкин парк» «продажи» музыкальных произведений коллектива выросли на 5332 %.

Из сказанного следует, что при некоторых обстоятельствах рыночная стоимость произведения может изменяться в зависимости от популярности у потребителей. Однако, как справедливо замечает КС РФ, ценность произведения может определяться не только названным обстоятельством, тогда как рыночная стоимость средства индивидуализации полностью зависит от признания продукции потребителем.

Вышеизложенные данные не исключают того, что сама по себе квалификация объекта гражданских прав по общему правилу является объективным суждением [3, с. 10].

Большое значение для права интеллектуальной собственности имеет постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2016 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1575 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» (далее – постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 28-П)

КС РФ на примере Правил продажи отдельных видов товаров³ исследовал повышенный стандарт поведения лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере интеллектуальных прав.

Упомянутые правила обязывают продавца предоставить покупателю экземпляры аудиовизуальных произведений или фонограмм сведения об обладателе авторского права и (или) смежных прав на аудиовизуальное произведение или фонограмму.

¹Музыкальный критик объяснил популярность песни Шуфутинского «Третье сентября» // Лента.ру : сайт. URL: <https://lenta.ru/news/2021/09/03/trsentyabria/> (дата обращения: 13.08.2023).

²Смертельная выгода: как растут «продажи» исполнителей после их кончины // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/16/01/2018/5a5de2319a7947f827f2e7ca> (дата обращения: 13.08.2023).

³Постановление Правительства Российской Федерации от 19 января 1998 г. № 55 «Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габаритов, фасона, расцветки или комплектации».

Соответствующий пример иллюстрирует тезис КС РФ о том, что для удостоверения в отсутствии нарушения прав третьих лиц на объекты интеллектуальной собственности лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность по продаже товаров, в которых содержатся эти объекты, должно получить необходимую информацию от своих контрагентов.

Представляется, что данное требование основывается на специфике предпринимательской деятельности и том факте, является ли предприниматель сильной стороной правоотношения. Этот вывод базируется на особенностях правового регулирования.

На примере ГК РФ можно увидеть, что в отношении предпринимателей устанавливается более строгое регулирование, в частности использование правил об уменьшении неустойки лишь в исключительных случаях (п. 2 ст. 333 ГК РФ), отсутствие возможности отказаться от исполнения обязательства в отношении слабой стороны (абзац 2 п. 2 ст. 310 ГК РФ), применение принципа безвиновной ответственности за нарушение обязательств (п. 3 ст. 401 ГК РФ) и принципа безвиновной ответственности за нарушение интеллектуальных прав (абзац 3 п. 3 ст. 1250 ГК РФ) и т. д. Более того, А. Е. Кирпичев справедливо замечает, что существует целый ряд составов административных правонарушений, связанных в том числе с нарушением гражданско-правового договора, субъектом которых является предприниматель [4, с. 234].

Следовательно, вывод о том, что предприниматель должен получить необходимую информацию от своих контрагентов, чтобы удостовериться в отсутствии нарушения прав третьих лиц на объекты интеллектуальной собственности, основан на единой логике правового регулирования деятельности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Интерес для права интеллектуальной собственности также представляет постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2022 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Е. Мамичева», в котором особое внимание уделяется вопросу защиты прав создателя составного произведения на примере программы для ЭВМ.

В судебном акте КС РФ отметил, что отказ суда в защите авторского права автора программы для ЭВМ как составного произведения по иску к лицу, использующему эту программу в отсутствие его согласия, только на том основании, что сам истец не вправе ее использовать, поскольку им не выполнено условие о соблюдении прав авторов (правообладателей) использованных при создании программы произведений, притом что последние не обращались за защитой своих прав в установленном законом порядке и не являлись вовлеченными в конкретное судебное разбирательство в ином качестве, означает применение судом мер, связанных с пресечением

нарушений в сфере интеллектуальной собственности в связи с нарушением прав авторов (правообладателей) использованных в публичных целях произведений. Однако авторы (правообладатели) использованных произведений, согласно присущему гражданскому праву, а также гражданскому и арбитражному процессу принципу диспозитивности, могут сами определять, защищать ли им нарушенное право.

Иными словами, КС РФ был сформулирован вывод о том, что защита авторского права только при условии получения согласия авторов (правообладателей) объектов на использование их в составном произведении ставит (в отсутствие конституционно оправданной цели) реализацию закрепленных Конституцией РФ гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав и свобод автора программы для ЭВМ, являющейся составным произведением, в зависимость от волеизъявления третьих лиц.

Обращает на себя внимание вопрос, который был рассмотрен в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2023 г. № 1031-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституциональности пункта 3 статьи 1263 Гражданского кодекса Российской Федерации».

Заявитель среди прочего указал на то, что лица, осуществляющие публичное исполнение аудиовизуальных произведений в кинотеатрах, несут чрезмерное имущественное бремя. По его мнению, п. 3 ст. 1263 ГК РФ не обеспечивает правовой определенности и юридического равенства участников оборота интеллектуальных прав, а также баланса их прав и обязанностей, необоснованно ставит в привилегированное положение одну категорию таких участников и налагает чрезмерное имущественное бремя на другую, чем ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод.

КС РФ пришел к выводу о том, что рассматриваемый законодательный подход согласуется с пониманием предпринимательской деятельности как самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке, в том числе деятельности, связанной с использованием результатов интеллектуальной деятельности.

Вопросы ответственности за нарушение авторского права и смежных прав в практике КС РФ. В части вопросов ответственности за нарушение авторского права и смежных прав обращает на себя внимание уже упомянутое постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 28-П.

В данном судебном акте КС РФ пришел к выводу о том, что правообладатель ограничен в возможности установить точную или приблизительную стоимость убытков, в том числе упущенной выгоды, по

причине специфики объектов интеллектуальной собственности, которые имеют нематериальную природу.

Следовательно, взыскиваемая в пользу правообладателя компенсация может превышать размер фактически причиненных убытков. Эта ситуация, по мнению КС РФ, не входит в конфликт с основными началами гражданского законодательства.

Более того, КС РФ объяснил штрафную по своей природе ответственность за нарушение прав на результаты интеллектуальной деятельности в том числе правовой политикой государства по охране интеллектуальной собственности – общей превенцией правонарушений в области интеллектуальной собственности. КС РФ придерживается позиции, что возможность правообладателя требовать с правонарушителя компенсацию имеет целью реализацию предписаний ст. 44 Конституции РФ и является мерой наряду с публично-правовой ответственностью, которая предусмотрена нормами уголовного и административного права.

Особого внимания заслуживает вывод КС РФ о том, что размер компенсации за неправомерное использование результатов интеллектуальной деятельности может быть ниже установленных законом пределов. Такое заключение основано во многом на том, что со стороны истца по соответствующей категории дел может выступать более сильная экономическая сторона, в связи с чем возникает риск явной несоразмерности налагаемой санкции ущербу, причиненному правообладателю.

КС РФ признал подпункт 1 ст. 1301, подпункт 1 ст. 1311 и подпункт 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ не соответствующими Конституции РФ. Данный вывод сделан в связи с тем, что за нарушение индивидуальным предпринимателем одним действием права на несколько объектов интеллектуальной собственности суд не может определить размер компенсации ниже минимального предела. Такая ситуация имеет место, если размер подлежащей выплате компенсации с учетом возможности ее снижения многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков (при этом что эти убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности, а их превышение должно быть доказано ответчиком) и если при этом обстоятельства конкретного дела

свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые, использование объектов интеллектуальной собственности не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубый характер.

Изложенная позиция КС РФ подтверждена и в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2022 г. № 3155-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Ирис” на нарушение его конституционных прав подпункта 1 пункта 3 статьи 378.2 Налогового кодекса Российской Федерации».

Обращает на себя внимание мнение Д. А. Мальбина, согласно которому необходимость принятия вышеназванного судебного акта КС РФ по данному вопросу (в том числе о размере компенсации ниже низшего предела) в некоторой степени зависела от выводов, изложенных в нескольких судебных актах Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации⁴, в которых указано на невозможность применения к отношениям в сфере интеллектуальной собственности правил ст. 333 ГК РФ об уменьшении неустойки даже в порядке аналогии закона [5]. По мнению правоведа, при ином подходе правоприменителя судебная практика могла развиваться иначе.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июня 2020 г. № 1345-О «По запросу Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда о проверке конституционности пунктов 1 и 7 статьи 1259 и статьи 1263 Гражданского кодекса Российской Федерации» был рассмотрен вопрос о том, нарушает ли чьи-либо конституционные права одновременное признание объектами интеллектуальных прав аудиовизуального произведения (его части) и вошедшего в него произведения изобразительного искусства.

КС РФ пришел к выводу о том, что при предъявлении требования о взыскании компенсации за нарушение исключительного права именно истцу необходимо указать, право на какой объект интеллектуальной собственности он считает нарушенным. К компетенции же суда, рассматривающего дело, относится определение принадлежности этого права истцу и нарушения его ответчиком.

Заключение

Несмотря на то что КС РФ является судебным органом и «по своей природе не обладает правотворческими функциями» [6, с. 373], его позиция важна для всей правоприменительной практики и законодательной деятельности. Особое значение практика КС РФ имеет для права интеллектуальной собствен-

ности, которое продолжает свое активное формирование и стремительное развитие.

КС РФ рассмотрел широкий перечень вопросов об авторском праве и смежных правах, среди которых оборотоспособность интеллектуальных прав, природа объектов авторского права (в том числе

⁴Упразднен в 2014 г. на основании Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации».

составных произведений), повышенный стандарт поведения для предпринимателя в сфере интеллектуальных прав (в том числе особое регулирование деятельности предпринимателя в сфере интеллектуальных прав) и т. д.

Следует также заметить своевременность принятия КС РФ актов по актуальным вопросам права интеллектуальной собственности. В ответ на практику высшего судебного органа конституционного контроля меняется законодательство в сфере интеллектуальной собственности.

Ярким примером этого процесса является законопроект № 348960-8, направленный на реализацию положений сразу двух судебных актов КС РФ⁵ – постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 28-П и постановления Конституцион-

ного Суда Российской Федерации от 24 июля 2020 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда». В этих актах федеральному законодателю было предписано внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из судебных актов.

Представляется, что практика КС РФ по вопросам авторского права и смежных прав продолжит формироваться и окажет положительное влияние на законодательную деятельность и правоприменительную практику арбитражных судов и судов общей юрисдикции, что в совокупности повлечет за собой развитие права интеллектуальной собственности в частности и гражданского права Российской Федерации в целом.

Библиографические ссылки

1. Бузова НВ. Смежные права: концептуальные подходы, определение и основные характеристики. *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2021;25(2):541–561. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-541-561.
2. Петкилёв ПИ. История и определение понятия смежных прав. *Труды по интеллектуальной собственности*. 2022;43(4):71–81. DOI: 10.17323/tis.2022.16354.
3. Васильев АС. Привилегии правообладателей объектов интеллектуальных прав. *Herald of the Euro-Asian Law Congress*. 2020;1:6–18. DOI: 10.34076/2619-0672-2020-4-1-6-18.
4. Кирпичев АЕ. *Предпринимательские обязательства в публичном секторе экономики*. Москва: РГУП; 2017. 276 с.
5. Мальбин ДА. Уменьшение размера имущественной ответственности: постановка проблемы. *Гражданское право*. 2021;1:18–21. DOI: 10.18572/2070-2140-2021-1-18-21.
6. Ершов ВВ. *Регулирование правоотношений*. Москва: РГУП; 2020. 564 с.

References

1. Buzova NV. Related rights: conceptual approaches, definition and key features. *RUDN Journal of Law*. 2021;25(2):541–561. Russian. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-541-561.
2. Petkilev PI. History and definition of the concept of related (neighbouring) rights. *Works on Intellectual Property*. 2022; 43(4):71–81. Russian. DOI: 10.17323/tis.2022.16354.
3. Vasil'ev AS. Intellectual property rights owners privileges. *Herald of the Euro-Asian Law Congress*. 2020;1:6–18. Russian. DOI: 10.34076/2619-0672-2020-4-1-6-18.
4. Kirpichev AE. *Predprinimatel'skie obyazatel'stva v publichnom sektore ekonomiki* [Entrepreneurial obligations in the public sector of the economy]. Moscow: Russian State University of Justice; 2017. 276 p. Russian.
5. Malbin DA. Reduction of property liability: problem setting. *Grazhdanskoe pravo*. 2021;1:18–21. Russian. DOI: 10.18572/2070-2140-2021-1-18-21.
6. Ershov VV. *Regulirovanie pravootnoshenii* [Regulation of legal relations]. Moscow: Russian State University of Justice; 2020. 564 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.09.2023.
Received by editorial board 08.09.2023.

⁵Законопроект № 348960-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Гос. Дума : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/348960-8> (дата обращения: 20.08.2023).

Ф И Н А Н С О В О Е П Р А В О И Н А Л О Г О В О Е П Р А В О

FINANCE LAW AND TAX LAW

УДК 346/347

ФИСКАЛИСТИКА КАК НАУКА О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ КАЗНЫ И УПРАВЛЕНИИ ОБЪЕКТАМИ, СОСТАВЛЯЮЩИМИ КАЗНУ

Н. Л. БОНДАРЕНКО¹⁾, Ю. Г. КОНАНЕВИЧ¹⁾, Д. С. КРИШТАЛЬ¹⁾, М. С. БОНДАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В системе общественных отношений, урегулированных правом, обнаруживается специфическая группа отношений, которые складываются в области функционирования казны и управления объектами, составляющими казну. Представителями научной школы хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета заложены доктринальные основы фискалистики. В статье развивается данная проблематика: вырабатывается понятие «фискалистика», раскрывается природа фискалистики, анализируется ее содержание и формируется система фиска-

Образец цитирования:

Бондаренко НЛ, Конаневич ЮГ, Кришталь ДС, Бондаренко МС. Фискалистика как наука о функционировании казны и управлении объектами, составляющими казну. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2023;3:49–56.
EDN: GNRNOL

For citation:

Bondarenko NL, Konanevich YuG, Krishtal DS, Bondarenko MS. Fiscalistic as the science of the functioning of the treasury and the management of the objects which consist the treasury. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2023;3:49–56. Russian.
EDN: GNRNOL

Авторы:

Наталья Леонидовна Бондаренко – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой хозяйственного права юридического факультета.

Юрий Григорьевич Конаневич – старший преподаватель кафедры хозяйственного права юридического факультета.

Дмитрий Сергеевич Кришталь – аспирант кафедры хозяйственного права юридического факультета. Научный руководитель – Н. Л. Бондаренко.

Мирослав Святославович Бондаренко – аспирант кафедры хозяйственного права юридического факультета. Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент О. М. Куницкая.

Authors:

Natalia L. Bondarenko, doctor of science (law), full professor; head of the department of economic law, faculty of law. bondarenkonl@yahoo.com

<http://orcid.org/0000-0003-3947-728X>

Yuri G. Konanevich, senior lecturer at the department of economic law, faculty of law.

konanewitsch@yahoo.com

<http://orcid.org/0000-0002-4456-602>

Dmitry S. Krishtal, postgraduate student at the department of economic law, faculty of law.

bnhdmity@gmail.com

<http://orcid.org/0009-0000-7467-0216>

Miroslav S. Bondarenko, postgraduate student at the department of economic law, faculty of law.

miroslav090998@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-5427-2947>

листики как специальной науки междисциплинарного характера. Аргументируется, что институционализация фискалистики создает предпосылки для становления ряда самостоятельных направлений научного знания, которые в перспективе могут послужить основой для решения практических задач, стоящих перед правовой наукой.

Ключевые слова: фискалистика; казна; фискальное регулирование; фискальное право; фискальные правоотношения; инвестиции в человеческий капитал; топливно-энергетический комплекс.

Благодарность. Статья выполнена представителями научной школы хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета в рамках научного проекта «Трансформация организационно-правового механизма управления государственной собственностью в Республике Беларусь» Государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг. (№ гос. регистрации 20212053) под руководством Н. Л. Бондаренко.

FISCALISTIC AS THE SCIENCE OF THE FUNCTIONING OF THE TREASURY AND THE MANAGEMENT OF THE OBJECTS WHICH CONSIST THE TREASURY

N. L. BONDARENKO^a, Yu. G. KONANEVICH^a, D. S. KRISHTAL^a, M. S. BONDARENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: N. L. Bondarenko (bondarenkonl@yahoo.com)

In the system of public relations regulated by law, there is a specific group of public relations formed in connection with the functioning of the treasury and management of the objects constituting the treasury. Representatives of the scientific school of economic law of the faculty of law of the Belarusian State University founded the doctrinal foundations of fiscalistic. The present article develops this problematic, being devoted to the elaboration of the concept, disclosure of the nature, analysis of the content and formation of the system of fiscalistic as a special science of interdisciplinary nature. The authors of the article additionally argue that the institutionalisation of fiscalistic creates prerequisites for the formation of a number of independent areas of scientific knowledge, which in the future can serve as a basis for solving a number of practical problems in legal science.

Keywords: fiscalistic; treasury; fiscal regulation; fiscal law; fiscal legal relations; investment in human capital; fuel and energy complex.

Acknowledgements. The article was carried out by representatives of the scientific school of economic law of the law faculty of the Belarusian State University within the framework of the scientific project «Transformation of the organisational and legal mechanism of state property management in the Republic of Belarus» of the state scientific programme of scientific research «Society and human security of the Belarusian state» for 2021–2025 (state registration No. 20212053) under the leadership of N. L. Bondarenko.

Введение

Представление о природе, устройстве, содержании и состоянии окружающей действительности формирует наука, причем не в узком (как определенная совокупность знаний, воплощенная в признанную некой общностью людей отрасль), а в широком смысле. В издании С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «Толковый словарь русского языка» приводятся две дефиниции слова «наука»: «1. Система знаний о закономерностях природы, общества и мышления, а также отдельная отрасль таких знаний. 2. То, что поучает, дает опыт, урок»¹. Иными словами, наука – это обобщенный опыт, присущий человечеству в том или ином сегменте общественных отношений.

Науку как обобщенный опыт формируют самые разнообразные участники процесса становления

и развития знания: признанные теоретики, специалисты-практики, учащиеся и даже обыватели, на основе фактического результата действий (и сопровождающих их событий) которых профессионалы обретают новые сведения. Можно констатировать, что наука – это перманентное состояние человека как разумного социального существа и непрерывный процесс, сопровождающий его жизнедеятельность. В ходе этого процесса обретается бесценный социальный опыт, а некое количество людей, обладающих способностью к формализации, обобщают его и создают систематизированную целостную совокупность знаний различного рода.

Процесс создания знания и его воплощения в ту или иную форму является объективным, непрерывным

¹Наука // Толковый слов. рус. яз. : 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд, доп. М. : Азбуковник, 1999. С. 397.

и фундаментальным. Это означает, что в некоторый момент времени при стечении обстоятельств и накоплении определенной массы знаний обязательно возникнет новая отрасль научного знания, которая займет место в уже существующей системе. Далее речь пойдет о научном знании, касающемся функционирования государства и осуществляемого им государственного управления, как элементе публичного управления. Выделены четыре сегмента этого знания:

1) совокупность знаний, воплощенных в политологической науке и формирующих представление о политической составляющей системы государственного управления и методологии принятия управленческих решений политического характера [1];

2) ряд наук, которые изучают систему государственного управления и методологию принятия публичных управленческих решений неполитического характера;

3) отрасли научного знания, сконцентрированные преимущественно в сфере экономической науки и представляющие собой информацию о функционировании экономической системы государства и методологии принятия управленческих решений макроэкономического характера [2], причем большая часть этих сведений сосредоточена в пределах категорий «государственные финансы» и «муниципальные финансы» (термин «муниципальный» является не только приемлемым для характеристики общественных отношений в Республике Беларусь, но и объективно корректным, официально признанным в государстве, что нам удалось научно обосновать в публикации [3]);

4) правовая наука, накопившая значительный объем знаний о государстве и системе государственного управления [4], однако до сих пор не сформировавшая отрасль, предметной основой которой было

бы управление казной и объектами, составляющими казну.

Из-за сложившейся доктринальной традиции, воплощенной в законодательстве, совокупность названных правоотношений чаще всего именуется управлением государственной собственностью. При этом упускается из виду, что в правовой конструкции казны широко представлены объекты владения, не являющиеся вещами. В отношении их государством установлено не вещное право (право собственности), а иные имущественные права [5–7], что вытекает из содержания ст. 7 и 10 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. № 169-З «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства». Общественные отношения, в основе которых находится процесс функционирования казны государства, долгое время оставались малоизученными по причине отсутствия в системе права специализированной отрасли, регулирующей казенные (фискальные) отношения [8–10]. Этот пробел отчасти удалось устранить представителям научной школы хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета, которые заложили доктринальную основу фискалистики и предприняли попытку институционализировать три области правового научного знания, сформированные на базе принципов междисциплинарности, – фискальное право [8–10], юридическую квалиметрию [11–13] и фискалистику [14, с. 358–417; 15]. В рамках настоящей статьи в продолжение начатых исследований выработывается понятие «фискалистика», раскрывается природа фискалистики, анализируется ее содержание и формируется система фискалистики как специальной науки междисциплинарного характера.

Основная часть

В силу сложившейся доктринальной традиции в науке и практике широко распространено заблуждение, согласно которому, помимо социальных и политических процессов, основным объектом государственного управленческого воздействия является государственная собственность. Подобное определение функционала государства в третьем десятилетии XXI в. некорректно, поскольку технологическое развитие и обусловленная им трансформация системы общественных отношений создали условия, при которых государство становится правообладателем совокупности объектов гражданских прав, по природе не представляющих собой вещи, в связи с чем в отношении их государство устанавливает не вещные, а обязательственные или исключительные права. Государство и ранее владело объектами политических прав имущественного характера, составлявших государственную монополию на функции и виды деятельности [16]. В качестве примера можно привести исключительные права на формирование

военной организации государства и управление ей, отдельные элементы которых делегируются частным военным организациям, а также политические права государства на континентальный шельф и исключительную экономическую зону прибрежных территорий и т. д.

Соответственно, если еще недавно институт управления государственной собственностью так или иначе был первичным в системе общественных отношений, то в настоящее время он является лишь частью системы управления государством казной как имущественным комплексом, принадлежащим ему [6; 8]. Именно данное обстоятельство предполагает отказ от идеи собственности-центризма и переход к концепции управления всей совокупностью имущественных прав гражданско-правового и политического характера, принадлежащих государству. Это ставит перед научным сообществом актуальную задачу по трансформации доктрины управления всей свойственной государству совокупностью прав,

а также обусловленных ими объектов гражданских и политических прав.

Представители научной школы хозяйственного права уделяют пристальное внимание такому направлению хозяйственно-правового регулирования, как макроэкономическое право, предметом которого являются функционирование национальной экономики Республики Беларусь и ее интеграция в мировую экономику. В дополнение к этому в рамках реализации научного проекта «Трансформация организационно-правового механизма управления государственной собственностью в Республике Беларусь» Государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг. представителями этой научной школы совместно с учеными Академии управления при Президенте Республики Беларусь был осуществлен комплекс научных разработок в области правового регулирования процесса функционирования казны. Совокупным результатом названных научных разработок стали следующие достижения:

- трансформация доктрины хозяйственного права (что отразилось в содержании паспорта специальности 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право», типовой учебной программы по учебной дисциплине «Хозяйственное право», а также в имплементации учебной дисциплины «Право национальной экономической безопасности» в образовательный процесс юридического факультета БГУ);
- формирование доктринальной основы юридической квалиметрии и институционализация этой отрасли научного знания [11; 15];
- институционализация фискалистики как отрасли правовой науки междисциплинарного характера, предметом исследования которой выступают закономерности и принципы функционирования казны, особенности ее правового регулирования [14, с. 403], и формирование ее доктринальной основы.

В результате получен и теоретический, и практический эффект: в образовательный процесс внедрены учебные дисциплины «Фискалистика» и «Страновой маркетинг». Кроме того, в рамках научных исследований по хозяйственному праву, фискалистике и юридической квалиметрии представители научной школы хозяйственного права не только сформировали доктринальную основу странового маркетинга и странового брендинга (как неотъемлемых элементов процесса функционирования государства и управления его казной) и обосновали правовую природу названных институтов, но и предложили механизм и методологию их институционализации посредством разработки проекта гл. 67¹ Гражданского кодекса Республики Беларусь, позволяющего имплементировать бренд в качестве одного из видов объектов интеллектуальной собственности и механизм управления брендом (в том числе страновым

брендом Республики Беларусь) в гражданское законодательство [7; 17].

Представители научной школы хозяйственного права выработали целостное представление о доктринальной конструкции фискалистики как науки и учебной дисциплины, что было реализовано в учебной программе по дисциплине «Фискалистика», которая преподается на юридическом факультете БГУ (в том числе китайским магистрантам).

По итогам серии проведенных исследований обосновано, что в систему фискалистики как науки и учебной дисциплины входят следующие категории научного и практического знания:

- доктрина публичного и частного интереса;
- знания междисциплинарного характера о фискальной системе государства и его фискальной политике;
- доктрина фискального права как самостоятельной отрасли права и основы фискального цикла отраслей права;
- доктрина фискальных правоотношений;
- правовая природа, правовая и организационная конструкция казны;
- правовая природа, правовая и организационная конструкция имущественного комплекса международной организации;
- правовая доктрина фискальных потоков и фискальных поступлений;
- доктринальная основа пенсионного права;
- правовая доктрина парафискалитетов;
- доктринальная основа, правовая и организационная конструкция процесса управления казной;
- правовая и экономическая доктрина разгосударствления и огосударствления (в том числе определение места приватизации в данной группе общественных отношений) [18];
- доктрина, правовая и организационная конструкция фискальной хозяйственной деятельности (государственного предпринимательства) [19];
- доктринальная основа публичного корпоративного права, предметом регулирования которого является ведомственное управление в государственных органах и иных государственных организациях, наделенных регуляторной функцией, а также участие государства в управлении организациями, акциями и долями в уставных фондах коммерческих организаций;
- правовая доктрина человеческого капитала и инвестиций в человеческий капитал [20];
- правовая доктрина, правовая и организационная конструкция таких институтов, как государственное финансирование и государственные инвестиции;
- доктрина публичной монополии [16];
- доктрина публично-частного партнерства [21];
- доктрина фискального агентирования [21–23];
- доктринальная основа легальной экономической лоббистики и лоббистского права [14, с. 358–417];

- доктринальная основа фискального процесса и фискальной ответственности;
- доктринальная основа пруденциальной фискалистики и доктрина пруденциального права (права национальной экономической безопасности);
- доктринальная основа функционирования топливно-энергетического комплекса (ТЭК) [14, с. 358–417];
- доктринальная основа монетарного права как сферы пруденциальной фискалистики;
- доктринальная основа политической фискалистики;
- доктринальная основа экономической фискалистики;
- доктринальная основа фискальной социологии.

В процессе проведения исследований по фискалистике удалось научно обосновать ее принадлежность к системе правовой науки, а именно к системе хозяйственно-правовой науки, логическим продолжением и содержанием которой является фискальное знание. Данный вывод обусловлен спецификой фискальных правоотношений: они складываются в области функционирования казны и управления ей и отдельными объектами, составляющими казну. При этом в основе названных социально-экономических и политических процессов находится институт публичной хозяйственной деятельности, предполагающий осуществление хозяйствования в рамках управления казной с использованием методологии административно-хозяйственной деятельности и методологии фискальной хозяйственной деятельности (государственного предпринимательства).

Институционализация фискалистики позволила найти ответы на ряд вопросов теоретического и практического характера. В частности, была выдвинута нестандартная для современной теории права и политологии теория происхождения государства – фискальная теория, основанная на гипотезе о том, что фактическая потребность в формировании государства у определенной совокупности людей возникает в момент образования объемного общинного имущественного комплекса, которым становится невозможно управлять для достижения общественного блага без создания специальных институций с публичной функцией.

Наряду с этим удалось также определить природу общественных отношений, складывающихся в области функционирования ТЭК в целом и энергетики в частности [24, с. 641–644]. Безусловным является вывод о том, что они имеют хозяйственно-правовую природу. Однако доктринальная и правовая конструкция этих правоотношений осложнена фискально-правовым и пруденциально-правовым элементами. В качестве фискально-правового элемента выступают одновременно институт скрытой государственной монополии и институт энергетической политики. В отличие от открытой государственной монополии на функции, объекты владения и виды деятельности [16] скрытая государственная моно-

полия не предполагает безусловного установления исключительных прав государства на различные объекты ТЭК. Более того, она имеет концептуально иную природу: суть легальной монополии в данном случае состоит в том, что государство устанавливает собственное исключительное право на непосредственное вмешательство в процессы обеспечения национальной энергетической безопасности и оперативное управление ими. Оно не предусматривает наличия в отношении того или иного объекта прав имущественных прав (вещных, обязательственных или исключительных). Такая ситуация в определенной мере схожа с чрезвычайной монополией, однако последняя устанавливается лишь в случае возникновения действительно чрезвычайных ситуаций. Скрытая монополия в ТЭК не предполагает наличия чрезвычайного элемента, она рассчитана на обеспечение непрерывного системного снабжения государства и общества энергией как основополагающим ресурсом, необходимым для функционирования национальной экономики и социальной сферы. При этом скрытая государственная монополия не подразумевает делегирования исключительных прав государства субъектам частного интереса или прочим (помимо государства) субъектам публичного интереса. Данная особенность, в свою очередь, обуславливает наличие в системе энергетических правоотношений пруденциально-правового элемента – национальной экономической безопасности.

Таким образом, под скрытой государственной монополией следует понимать состояние системы общественных отношений, при котором законодательными актами установлено неделируемое исключительное право государства на вмешательство в процесс осуществления хозяйственной деятельности субъектов такой деятельности для реализации определенного направления государственной внутренней и внешней политики и обеспечения национальной безопасности. В свою очередь, под государственной энергетической политикой подразумевается элемент внутренней и внешней политики государства, основанный на принципах скрытой государственной монополии и способствующий эффективному функционированию ТЭК Республики Беларусь.

Соответственно, в системе фискалистики общественные отношения, складывающиеся в области функционирования ТЭК, нужно рассматривать в контексте двух комплексных институтов – института публичной монополии и института пруденциальной фискалистики. При этом целесообразно выделить подотрасль фискалистики, предметом которой выступает изучение специфики функционирования ТЭК и его государственного регулирования, а также исследование участия государства в управлении ТЭК.

Институционализация фискалистики позволила также решить проблему идентификации природы

человеческого капитала и инвестиций в человеческий капитал. Установлено, что по своей природе названные институты являются фискально-правовыми, поскольку в основе их правовой и организационной конструкции находится институт государственной монополии. При этом в отличие от государственной монополии в ТЭК, имеющей скрытую природу, государственная монополия в сфере человеческого капитала и инвестиции в человеческий капитал составляют открытую государственную монополию, предполагающую делегирование исключительных прав преимущественно с использованием методологии публично-частного партнерства [21]. Однако особенностью человеческого капитала и инвестиций в человеческий капитал в системе фискальных и хозяйственных отношений является свойственный им правовой режим. Он состоит из производства человеческого капитала и осуществления инвестиций в него, которое предполагает совершение субъектами общественных отношений юридически значимых действий, позволяющих не только реализовать свойственные им права и обязанности, но и создать объект, в отношении которого исключительные права имеют три субъекта:

- государство, обладающее монополией на человеческий капитал и процесс его производства;

- гражданское общество, располагающее исключительным правом требовать от государства обеспечивать одновременно процесс создания и использования человеческого капитала;

- физическое лицо, владеющее собственным физическим состоянием и элементом ментального здоровья общества и распоряжающееся данными благами в пределах своей правосубъектности и собственного волеизъявления во благо общества и государства.

При этом именно волеизъявление физического лица на участие в процессе производства человеческого капитала и использования инвестиций в человеческий капитал является главным элементом при формировании правовой конструкции общественных отношений такого рода. Как следствие, в основе осуществления инвестиций в человеческий капитал находится трехсторонняя публично-частная сделка, важным условием для совершения которой выступает согласие физического лица принять и применить такие инвестиции во имя собственного и публичного блага. Как и в случае с функционированием ТЭК, полагаем, что институты человеческого капитала и инвестиций в человеческий капитал следует рассматривать в качестве предметной базы для подотрасли фискалистики.

Заключение

Институционализация фискалистики и формирование ее доктринальной основы свидетельствуют об интенсивном развитии национальной правовой системы и системы права, поскольку возникновение такой области научного знания позволяет не только совершенно иным образом взглянуть на существующую систему общественных отношений, но и разработать принципиально новую методологию и механизм их правового регулирования. При этом последнее будет гораздо более эффективным по причине широкой междисциплинарности фискалистики как науки и учебной дисциплины, которая, помимо прочего, служит базой для институционализации комплекса отраслей права, регулирующих значительную часть общественных отношений, не вписывающихся в пред-

мет и методологию традиционных для белорусской правовой системы отраслей права.

Кроме того, институционализация фискалистики сформировала предпосылки для становления ряда самостоятельных направлений научного знания, которые в перспективе могут выступить основой для решения практических задач, в частности для разработки проектов специальных законов, регулирующих национальную энергетическую политику и обеспечивающих национальную энергетическую безопасность (например, проект Закона Республики Беларусь «О государственной энергетической политике»), а также процесс производства человеческого капитала (например, Национальная доктрина развития человеческого капитала).

Библиографические ссылки

1. Антанович НА, Денисюк НП. *Основы политологии*. Минск: Белорусская энциклопедия; 2009. 276 с.
2. Макконнелл КР, Брю СЛ. *Экономикс: принципы, проблемы и политика*. Москва: Инфра-М; 2003. 983 с.
3. Бондаренко НЛ, Конаневич ЮГ. Трансформация институтов собственности и хозяйственной деятельности в свете конституционных преобразований. В: Василевич ГА, Вишневицкий АФ, Кучинский ВА, Томашевский КЛ, редакторы. *Современные проблемы белорусского законодательства в условиях конституционных преобразований*. Минск: Амалфея; 2022. с. 183–202.
4. Крамник АН, Чуприс ОИ. *Административное право. Часть 1, Управленческое право*. Минск: Издательский центр БГУ; 2013. 566 с.
5. Конаневич ЮГ. Имущественные права и их значение для хозяйственных правоотношений и механизма осуществления хозяйственной деятельности. В: Мартыненко ИЭ, редактор. *Проблемы гражданского права и процесса. Выпуск 6*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2021. с. 79–88.
6. Гладкая ЕН. Основные направления развития вещных правоотношений в контексте внедрения цифровых технологий. *Актуальные проблемы гражданского права*. 2021;2:27–43.

7. Бондаренко НЛ, Конаневич ЮГ. Объекты публичной идентификации как новый тип объектов интеллектуальной собственности. *Интеллектуальная собственность в Беларуси*. 2023;2:6–15.
8. Бондаренко НЛ, Конаневич ЮГ, Гладкая ЕН. Казна как объект государственного управления и комплексный правовой институт. *Проблемы управления*. 2022;1:81–86.
9. Бондаренко НЛ, Конаневич ЮГ, Гладкая ЕН. Фискальное регулирование и фискальное право: проблемы идентификации и институционализации. *Право.бу*. 2022;1:46–51.
10. Конаневич ЮГ. *Фискальное право*. Минск: Ковчег; 2018. 236 с.
11. Бондаренко НЛ, Конаневич ЮГ. Юридическая квалиметрия как новая отрасль правового научного знания. *Право.бу*. 2022;5:117–124.
12. Бондаренко НЛ, Конаневич ЮГ, Хилинская ЮА. Кондиционное право как самостоятельная отрасль права и как элемент механизма пруденциального регулирования. *Российский правовой журнал*. 2021;2:60–77. DOI: 10.54594/26868342_2021_2_60.
13. Конаневич ЮГ, Бондаренко НЛ, Лысаковская ЮО. Квалиметрическое право как подотрасль кондиционного права (на материалах Республики Беларусь). *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2023;2:231–256. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-231-256.
14. Бондаренко НЛ, редактор. *Страновой маркетинг*. Минск: Ковчег; 2022. 652 с.
15. Бондаренко НЛ, Шидловский АВ. Институционализация новых отраслей научного знания в контексте совершенствования юридического образования. *Право.бу*. 2022;5:136–142.
16. Конаневич ЮГ. Публичная хозяйственная деятельность как вид хозяйственной деятельности. *Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні*. 2023;2:73–83.
17. Бондаренко НЛ, Конаневич ЮГ. Управление брендом как правовой институт и методология управления хозяйственной деятельностью. *Интеллектуальная собственность в Беларуси*. 2023;3:6–15.
18. Конаневич ЮГ. Разгосударствление и огосударствление как комплексные институты и их соотношение с институтом приватизации. *Вестник Института предпринимательской деятельности*. 2021;1:69–76.
19. Бондаренко НЛ, Конаневич ЮГ. Государственная корпорация как организационно-правовая форма публично-правового юридического лица. В: Мартыненко ИЭ, редактор. *Проблемы гражданского права и процесса. Выпуск 7*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2022. с. 76–84.
20. Бондаренко МС. Человеческий капитал: понятие, сущность и отграничение от смежных правовых категорий. *Право.бу*. 2022;4:52–59.
21. Бондаренко НЛ, Конаневич ЮГ, Бондаренко МС, Костенко АГ. Публично-частное партнерство как социальный феномен и правовой институт: новый методологический подход к идентификации общественных отношений. *Право.бу*. 2022;6:31–45.
22. Лысаковская ЮО, Конаневич ЮГ. Перспективы институализации агентского договора в праве Республики Беларусь. *Ex jure*. 2022;1:74–85. DOI: 10.17072/2619-0648-2022-1-74-85.
23. Бондаренко НЛ, Конаневич ЮГ, Бондаренко МС. Правовой режим социального предпринимательства. *Юстиция Беларуси*. 2022;8:54–62.

References

1. Antanovich NA, Denisyuk NP. *Osnovy politologii* [Basics of political science]. Minsk: Belorusskaya enciklopediya; 2009. 276 p. Russian.
2. Macconnell CR, Brue SL. *Economics: principles, problems, and policies*. Boston: Irwin/McGraw-Hill; 1999. 849 p. Russian edition: Macconnell CR, Brue SL. *Ekonomiks: printsipy, problemy i politika*. Moscow: Infra-M; 2003. 983 p.
3. Bondarenko NL, Konanevich YuG. [Transformation of institutions of property and economic activity in the light of constitutional reforms]. In: Vasilevich GA, Vishnevskii AF, Kuchinskii VA, Tomashevskii KL, editors. *Sovremennye problemy belorusskogo zakonodatel'stva v usloviyah konstitutsionnykh preobrazovaniy* [Modern problems of Belarusian legislation in the context of constitutional reforms]. Minsk: Amalfeya; 2022. p. 183–202. Russian.
4. Kramnik AN, Chupris OI. *Administrativnoe pravo. Chast' 1, Upravlencheskoe pravo* [Administrative law. Part 1, Management law]. Minsk: Izdatel'skii tsentr BGU; 2013. 566 p. Russian.
5. Konanevich YuG. [Property rights and their significance for economic legal relations and the mechanism for carrying out economic activities]. In: Martynenko IE, editor. *Problemy grazhdanskogo prava i protsesssa. Vypusk 6* [Problems of civil law and process. Issue 6]. Grodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2021. p. 79–88. Russian.
6. Gladkaya EN. Main directions of real legal relations in the context of implementation of digital technologies. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava*. 2021;2:27–43. Russian.
7. Bondarenko NL, Konanevich YuG. [Public identification objects as a new type of intellectual property objects]. *Intellectual Property in Belarus*. 2023;2:6–15. Russian.
8. Bondarenko NL, Konanevich YuG, Gladkaya EN. Treasury as an object of state administration and as a complex legal institution. *Problemy upravleniya*. 2022;1:81–86. Russian.
9. Bondarenko NL, Konanevich YuG, Gladkaya EN. Fiscal regulation and fiscal law: problems of identification and institutionalization. *Pravo.by*. 2022;1:46–51. Russian.
10. Konanevich YuG. *Fiskal'noe pravo* [Fiscal law]. Minsk: Kovcheg; 2018. 236 p. Russian.
11. Bondarenko NL, Konanevich YuG. Legal qualimetry as a new branch of legal scientific knowledge. *Pravo.by*. 2022;5:117–124. Russian.
12. Bondarenko NL, Konanevich YuG, Hilinskaya YA. Conditional law as an independent branch of law and an element of the prudential regulation mechanism. *Russian Legal Journal*. 2021;2:60–77. Russian. DOI: 10.54594/26868342_2021_2_60.
13. Konanevich YuG, Bondarenko NL, Lysakovskaya YuO. Qualimetric law as a sub-branch of conditional law (a case study of the Republic of Belarus). *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2023;2:231–256. Russian. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-231-256.
14. Bondarenko NL, editor. *Stranovoi marketing* [Country marketing]. Minsk: Kovcheg; 2022. 652 p. Russian.
15. Bondarenko NL, Shidlovsky AV. Institutionalization of new branches of scientific knowledge in the context of improvement legal education. *Pravo.by*. 2022;5:136–142. Russian.

16. Konanevich YuG. Public economic activity as a type of economic activity. *Sacyjalna-jekanamichnyja i pravavyja dasledavanni*. 2023;2:73–83. Russian.
17. Bondarenko NL, Konanevich YuG. [Brand management as a legal institution and business management methodology]. *Intellectual Property in Belarus*. 2023;3:6–15. Russian.
18. Konanevich YuG. Denationalization and governmentalization as complex institutions and their relationship with the institution of privatization. *Vesti of Institute of Entrepreneurial Activity*. 2021;1:69–76. Russian.
19. Bondarenko NL, Konanevich YuG. [State corporation as an organisational and legal form of a public legal entity]. In: Martynenko IE, editor. *Problemy grazhdanskogo prava i processa. Vypusk 7* [Problems of civil law and process. Issue 7]. Grodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2022. p. 76–84. Russian.
20. Bondarenko MS. Human capital: concept, essence and distinction from related legal categories. *Pravo.by*. 2022;4:52–59. Russian.
21. Bondarenko NL, Konanevich YuG, Bondarenko MS, Kostenko AG. Public-private partnership as a social phenomenon and a legal institution: a new methodological approach to the identification of public relations. *Pravo.by*. 2022;6:31–45. Russian.
22. Lysakovskaya YuO, Konanevich YuG. Prospects for institutionalizing an agency agreement in the law of the Republic of Belarus. *Ex jure*. 2022;1:74–85. Russian. DOI: 10.17072/2619-0648-2022-1-74-85.
23. Bondarenko NL, Konanevich YuG, Bondarenko MS. [Legal regime of social entrepreneurship]. *Justice of Belarus*. 2022;8:54–62. Russian.

Статья поступила в редколлегию 11.10.2023.
Received by editorial board 11.10.2023.

К ВОПРОСУ О РАЗУМНОСТИ В НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

А. А. ПИЛИПЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются аспекты применения категории «разумность» в налоговых отношениях. На основе проведенного анализа делается вывод о необходимости разумной сдержанности в деятельности должностных лиц контролирующих органов, особенно в вопросах, связанных с усмотрением при принятии соответствующих решений. Правовое регулирование налоговых отношений на современном этапе экономического развития Республики Беларусь должно базироваться на разумной сдержанности и разумной предусмотрительности со стороны органов государственной власти.

Ключевые слова: разумность; разумная сдержанность; налоговые отношения; разумный срок; усмотрение; корректировка налоговой базы.

TO THE QUESTION OF REASONABLENESS IN TAX RELATIONS

A. A. PILIPENKA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article examines the applications of the «reasonableness» category in tax relations. On the basis of the analysis, it was concluded that reasonable restraint was needed in the activities of officials of the supervisory authorities, especially in matters related to discretion in making appropriate decisions. The legal regulation of tax relations at the current stage of economic development of the Republic of Belarus should be based on reasonable restraint and reasonable prudence on the part of state authorities.

Keywords: reasonableness; reasonable restraint; tax relations; reasonable timing; discretion; tax base adjustment.

Введение

Отношения в сфере взаимодействия налогоплательщиков и контролирующих органов всегда отличались повышенной конфликтностью в контексте финансовых притязаний государства на часть собственности субъектов предпринимательской деятельности и физических лиц. Последние в целях обеспечения баланса публичных и частных интересов рассчитывают на конструктивное применение экономико-правовых механизмов в налоговой сфере. Если же их ожидания в определенной степени нивелируются законодательным регулированием

в этой сфере, то они перемещаются в плоскость принятия разумных решений в правоприменительной деятельности.

Безусловно, разумность, как сложная категория, имеет множество форм взаимодействия с экономической и правом, она должна рассматриваться во всех своих проявлениях, в том числе в сфере налоговых отношений. Стоит согласиться с А. В. Коноваловым, который утверждает, что «...принцип разумности имеет особенное значение для всего правопорядка, и в особенности для его регулятивных отраслей.

Образец цитирования:

Пилипенко АА. К вопросу о разумности в налоговых отношениях. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2023;3:57–63.
EDN: PKKKQA

For citation:

Pilipenka AA. To the question of reasonableness in tax relations. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2023; 3:57–63. Russian.
EDN: PKKKQA

Автор:

Александр Анатольевич Пилипенко – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры государственного управления юридического факультета.

Author:

Aleksandr A. Pilipenka, PhD (law), docent; associate professor at the department of public administration, faculty of law.
pilipenko_bsu@mail.ru

Все право в целом исторически понимается именно как рациональный регулятор; совокупность способов отыскания и воплощения в жизни оптимальных разумных балансов интересов разных лиц и их коллективов; частных и публичных интересов» [1, с. 11].

Цель настоящей статьи – анализ теоретических, нормативных и прикладных аспектов применения категории «разумность» в налоговых отношениях для придания им более гибкого и оптимального характера.

Основная часть

Изначально следует отметить, что с общетеоретических позиций существует ограниченное число публикаций, посвященных рассматриваемому явлению. Во многом это предопределено тем, что теоретико-правовые исследования категории «разумность» базируются на общефилософских подходах, которые делают ее моральным основанием и пределом правоприменительного и судебного усмотрения. В настоящее время можно выделить диссертацию Д. Н. Рогачева, в которой в целях снижения правоприменительного усмотрения, ограничения дискреционности судопроизводства, стимулирования развития гражданской правовой позиции, повышения роли социальной позитивной ответственности, а также для установления унифицированного научного и практического подхода к категории «разумность» предлагается зафиксировать последнюю на потенциально законодательном уровне и понимать под ней законодательно закреплённую характеристику «правомерной коррекции уполномоченными субъектами условий действия и (или) содержания норм права», основанную «на сознательном сопоставлении имеющихся у них возможностей (материальных, интеллектуальных) и эмпирической действительности (ситуационной обстановки) с целью обеспечения наибольшей эффективности осуществляемой социально полезной деятельности»¹. Следует признать, что категория «разумность» обладает значительным регулятивным потенциалом снижения градуса конфликтности в различных сферах, в том числе в правовой. Он реализуется посредством обширной атрибутивности данной категории, формализовать которую в нормативную материю путем законодательного закрепления представляется не совсем верным в силу определенного умаления ее эффективности. Нормативный аспект категории «разумность», по нашему мнению, должен базироваться на закреплении в законодательстве различных юридических конструкций, принципов, а также правового инструментария, отличного от дефиниций. Вопрос ее дефинирования должен находиться в первую очередь в сфере научных изысканий.

Многозначное содержание понятия «разумность», которое вызывает обоснованные трудности в его категоризации, уточняется в направлениях применения разумных начал в правовом регулировании общественных отношений. Так, Н. А. Власенко, рас-

сматривая феномен разумности как главное технико-юридическое средство конкретизации права (перехода от неопределенности правовых предписаний к их определенности), полагает, что разумность «обеспечивает гибкость правового регулирования и в конечном итоге является гарантом справедливой реализации и эффективности правовых норм» [2, с. 146]. Другое суждение данного автора заключается в том, что «...разумность не существует сама по себе, она должна наполняться содержанием от реальности, например, это может быть оптимальность, заботливость, лояльность, соотношение или сбалансированность интересов и др. Иначе говоря, в праве заложено здравомыслие, основанное на рациональности, профессиональном понимании и ответственности за систему собственных действий и поступков» [3, с. 123]. К. Е. Коваленко высказывает довольно категорическое мнение о том, что решение, выходящее за рамки разумности, т. е. неразумное решение, с формальных позиций является неправомерным и подлежит отмене². С точки зрения белорусского ученого А. Г. Тиковенко, «разумность, ориентирующаяся на здравый смысл, имеющая ценностную направленность и моральное основание, – основа, предел рациональности, при анализе которой определяется правомерность, соразмерность законодательных средств преследуемых законодателем целей» [4, с. 120].

На уровне правовой доктрины разумность, как правило, рассматривается в качестве принципа гражданского права. Это обусловлено требованиями Гражданского кодекса Республики Беларусь № 218-З (далее – ГК) о разумности участников гражданских правоотношений, которая на нормативном уровне определена в различных аспектах ее проявления, смысловых и ситуационных контекстах. В частности, в ГК идет речь о разумном сроке (ст. 295, 434, 436), разумной цене (ст. 368, 494), разумных мерах (ст. 375, 705), разумно понимаемых интересах (ст. 398), разумном предвидении (ст. 421), разумных расходах (ст. 490, 699), разумной замене (ст. 494). Наиболее часто в ГК используется цивилистическая конструкция разумных сроков.

Существующие нормативные положения о разумности в гражданском законодательстве детерминировали широкие представления о категории «разумность» в цивилистической доктрине Белорусский

¹Рогачев Д. Н. Разумность как общеправовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород, 2010. С. 10.

²Коваленко К. Е. Разумность в праве: основные формы проявления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Екатеринбург, 2016. С. 24.

автор Ю. Н. Беспалый полагает, что «принцип разумности – принцип гражданских правоотношений, устанавливающий необходимость соотношения действий участников правоотношений с условиями и явлениями объективной реальности, социально-экономической действительности, обычно предъявляемыми требованиями и обычаями, профессиональными правилами»³. Синтезируя различные подходы, О. В. Черкасова приходит к выводу о том, что разумность субъекта гражданского правоотношения определяется как «нравственно-правовая категория рационального свойства, предполагающая осмысленное действие (бездействие) участника гражданского оборота, направленное на сбалансированное получение как собственного блага, так и общественной пользы» [5, с. 6]. Стоит отметить объемное мнение А. В. Коновалова, который, подробно осветив нормы гражданского законодательства, определяет разумность правового поведения как «стремление субъекта правопорядка к максимально безупречному участию в социальных взаимодействиях за счет: рассудительности и рациональности решений и действий с использованием собственного опыта и общедоступного общественного опыта, который в данном обществе принято рассматривать в качестве обязательного источника для сопоставлений и анализа; соизмерения намерений с собственными возможностями и внешними обстоятельствами; четкого представления всех ожидаемых при обычном развитии событий последствий тех или иных решений и действий; четкого осознания необходимых границ собственного поведения, своих прав и интересов, прав и интересов других лиц» [1, с. 19].

Следует обратить внимание на то, что категория «разумность» в последние годы активно рассматривается в конституционно-правовой науке. Ее представители в контексте данного феномена ведут речь о разумной сдержанности в первую очередь по отношению к органам государственной власти. Наиболее предметно исследуемый принцип раскрывают И. А. Умнова-Конюхова и И. А. Алешкова. Признавая, что принцип конституционной сдержанности является недостаточно определенным, а практика его реализации пока незначительна, ученые объясняют его преимущественно через категорию «сдержанность», которая применительно к органам публичной власти означает способность «разумно управлять (реализовывать) своими полномочиями; оставаться верным своему сущностному предназначению; относиться уважительно к позиции субъектов, осуществляющих публичную власть; удерживать порывы “перетягивания полномочий на себя”; быть последовательным в выборе политики осторожности, разумности и ра-

циональности» [6, с. 24]. М. В. Пресняков рассматривает принцип разумной сдержанности в отношении законотворческих органов и констатирует, что он должен «сковывать законодателя при регламентации естественных прав, предотвращая избыточную регуляцию, которая приводит к их несоразмерному умалению и искажению, лишая подлинного содержания» [7, с. 3]. Развивая свою позицию, ученый усматривает в разумной сдержанности средство ограничения вмешательства в осуществление права, т. е. установления императивного порядка и условий реализации субъективного права [8, с. 14]. Г. З. Джавакян к принципу разумной сдержанности в конституционно-правовой плоскости предъявляет следующие требования: «1) самоограничение девиантной дискреции публично-властных субъектов, то есть отказ от усмотрения, осуществляемого за пределами установленной законом компетенции и предметов ведения, продуцирующего произвол, коррупцию, злоупотребление властью и превышение полномочий; 2) самоограничение по принципу “не навреди”, то есть осторожность при принятии тех решений, последствия которых неопределенны и непредсказуемы; 3) самоограничение при реализации государственным органом полномочий, которые должны осуществляться иным государственным органом, поскольку являются частью его компетенции»⁴. Полагаем, что идея самоограничения в конституционном праве обладает свойством потенциальной рецепции в налоговые отношения, посредством которой возможно снижение градуса конфликтности между соответствующими субъектами.

В настоящее время теоретическое понимание категории «разумность» в налоговых отношениях практически отсутствует. Д. М. Щекин в рамках изучения материалов конкретного судебного дела предпринял попытку осветить вопросы разумности в налоговой сфере сквозь призму действий налогоплательщика в контексте защиты его законных ожиданий [9, с. 28]. Во многом это объясняется тем, что законодатель, особенно в публичной сфере, весьма фрагментарно (исключая положения ГК) использует юридические конструкции, основанные на условиях и критериях разумности (пусть и потенциальных). Можно указать на ст. 6 Закона Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-З «О лицензировании», в рамках которой одним из принципов лицензирования является определение исчерпывающего перечня доли лицензионных и лицензионных требований с учетом их разумности, соразмерности и экономической обоснованности. При проведении процедур в ходе производства по делу о несостоятельности или банкротстве управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника,

³Беспалый Ю. Н. Принципы добросовестности, разумности и справедливости в гражданско-правовых отношениях Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Минск, 2010. С. 5.

⁴Джавакян Г. З. Принцип разумной сдержанности как механизм ограничения власти в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2022. С. 13–14.

кредиторов и общества (ч. 3 ст. 45 Закона Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности»). В п. 6 Правил профессиональной этики лиц, оказывающих юридические услуги, которые утверждены постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 16 декабря 2022 г. № 152, предусмотрено, что в отношениях с заказчиком юрист обязан соблюдать в том числе принцип разумности при определении стоимости оказываемых юридических услуг. Положения ч. 3 ст. 18 Закона Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» акцентируют внимание на том, что при определении размера компенсации морального вреда должны учитываться требования разумности и справедливости.

Построение налогово-правовых норм с точки зрения их разумности прослеживается в первую очередь в контексте взаимоотношения субъектов предпринимательской деятельности и контролирующих органов. Например, абзацем 4 п. 4 Положения о порядке организации и проведения проверок, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее – Положение № 510), предусмотрено, что контролирующие (надзорные) органы и проверяющие в пределах своей компетенции вправе в рамках вопросов, подлежащих проверке, требовать и получать от проверяемого субъекта и участников контрольного обмера необходимые для проверки документы (их копии), в том числе в электронном виде, иную информацию, касающуюся их деятельности и имущества. Если такие документы (их копии) в соответствии с законодательством не должны находиться в месте проведения проверки, проверяющий (руководитель проверки) обязан установить разумный срок (не менее 2 рабочих дней) для их предоставления. И если в данной норме используется понятие «разумный срок», то в п. 2 ст. 79 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК) речь идет о сроке не менее 2 рабочих дней для предоставления по письменному запросу должностного лица налогового органа документов и (или) информации. Указание на разумный срок является процессуальной реакцией субъекта предпринимательской деятельности на реализацию должностными лицами контролирующего органа значительного объема предоставленных им законодательством полномочий, в частности полномочия, предусмотренного абзацем 4 п. 4 Положения № 510. Упоминание о разумности применительно к сроку предоставления документов налогоплательщиками по требованию должностных лиц контролирующих органов актуализирует вопрос о разумности действий последних в рамках реализации дискреционных полномочий, особенно когда в такой реализации присутствует усмотрительный аспект.

Исходя из властного характера налоговых отношений, атрибутивность которого predetermined положениями п. 1 ст. 1 НК, необходимо в первую очередь вести речь о дискреционном усмотрении должностных лиц налоговых органов. При этом законодатель в силу объективных причин сознательно допускает некоторую свободу действий должностного лица в четко установленных рамках. Например, ч. 2 п. 36 Положения № 510 предусматривает, что при проведении проверки проверяющий самостоятельно определяет методы и способы ее осуществления. Актуализация вопроса об использовании должностными лицами налоговых органов предоставленных полномочий происходит, когда количественные и качественные элементы таких полномочий приобретают характер свободной прикладной интерпретации, наносящей ущерб деятельности налогоплательщика. Например, согласно ч. 1 п. 42 Положения № 510 в случаях, если у проверяющего имеются безусловные основания полагать, что оригиналы документов и иные носители информации будут уничтожены, сокрыты, исправлены или заменены (в том числе в связи с тем, что документы оформлены с нарушением требований законодательства Республики Беларусь и (или) содержат недостоверные сведения либо такими документами оформлено движение товарно-материальных ценностей, включая их поступление или выбытие, в то время, когда эти ценности остались без движения или отсутствуют), он вправе изъять их. Аналогичное нормативное правило содержится в ч. 1 п. 3 ст. 79 НК. Естественно, понятие «безусловные основания» носит оценочный характер, поэтому разрешение вопроса об изъятии или не изъятии оригиналов документов со стороны проверяющих является усмотрительным.

Необходимо отметить, что усмотрение в налоговом праве выступает неотъемлемым элементом правоприменительной деятельности. В то же время довольно часто требования должностных лиц налоговых органов, в основе которых лежит усмотрительное начало, являются дополнительными затратами для субъектов предпринимательской деятельности, не только сказывающимися на их финансовых результатах, но и значительно дестабилизирующими управленческий процесс. Одновременно налоговое законодательство включает ряд оценочных понятий, которые позволяют субъекту усмотрения определять их содержание с учетом конкретной ситуации. Например, положения абзаца 1 п. 1 ст. 169 НК связывают затраты на производство и реализацию товаров (работ, услуг), учитываемые при определении налоговой базы по налогу на прибыль, с их экономической обоснованностью. Прикладное понимание экономической обоснованности затрат должностными лицами налоговых органов в контексте бюджетной целесообразности часто дистанцируется от отраженных в бухгалтерских документах налогоплательщика результатах хозяйственной деятельности. С финансовой точки зрения результаты такого усмотрения

для субъекта предпринимательской деятельности могут быть отрицательными.

Системная взаимосвязь между разумными действиями налогоплательщика в экономической сфере и усмотрением должностного лица контролирующего органа в контексте проявления потенциальной разумности в оценке хозяйственных операций прослеживается при применении института корректировки налоговой базы, отправным нормативным началом которого выступают положения п. 4 ст. 33 НК. Одной из причин этой корректировки служит постулирование контролирующим органом того, что главные цели совершения хозяйственной операции состоят в неуплате (неполной уплате) и (или) зачете, возврате суммы налога (сбора). Особенности оценки хозяйственных операций, основными целями совершения которых являются неуплата (неполная уплата), зачет, возврат суммы налога (сбора), определены постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 июля 2022 г. № 465 «Об особенностях оценки отдельных хозяйственных операций» (далее – постановление № 465). В соответствии с подпунктом 1.2 п. 1 постановления № 465 специфика вышеуказанных операций состоит в получении экономической выгоды в виде неуплаченных (не полностью уплаченных) и (или) зачтенных, возвращенных сумм налогов (сборов) в результате совершения хозяйственных операций, которые не обусловлены разумными экономическими или иными причинами, в отсутствие намерения получить экономический эффект от осуществления реальной предпринимательской или иной экономической деятельности. В разъяснениях Верховного Суда Республики Беларусь от 3 мая 2019 г. «Об отдельных вопросах применения пункта 4 статьи 33 Налогового кодекса Республики Беларусь» также обращалось внимание на разумный характер совершения хозяйственных операций: «...основной целью сделки должна быть конкретная разумная хозяйственная (деловая) цель, а не получение необоснованных преимуществ в налогообложении в нарушение установленных НК принципов. Вместе с тем необходимо учитывать, что положения НК не ограничивают право плательщиков проводить свои хозяйственные операции так, чтобы налоговые последствия были минимальными, однако в избранном плательщиком варианте сделки (операции) не должен присутствовать признак искусственности, лишенной хозяйственного и экономического смысла».

Ранее нами подробно освещались проблемы понимания деловой цели налогоплательщиками и контролирующими органами в контексте корректировки налоговой базы [10]. Динамика законодательного регулирования, которая формализована в выше-

приведенной норме о разумности хозяйственных операций с экономической точки зрения, оставляет открытым вопрос об усмотрении в действиях налогоплательщиков, направленных на налоговую оптимизацию, намерения получить экономическую выгоду ввиду неуплаченных налогов. В п. 2 постановления № 465 определяется перечень оснований для отнесения действий или событий к хозяйственным операциям, не обусловленным разумными экономическими или иными причинами, в отсутствие намерения получить экономический эффект от осуществления реальной предпринимательской или иной экономической деятельности. При этом, несмотря на конкретизацию данного перечня, он остается открытым.

Соответственно, совокупность вариативных форм усмотрения в налоговых отношениях может привести к ситуации экономической пассивности, которая способна трансформироваться в экономический скептицизм, когда субъектами предпринимательской деятельности крайне критически оцениваются хозяйственные перспективы и выгоды, что подвигает их либо к территориальному перемещению своего бизнеса в другие страны, либо к его ликвидации. Это, в свою очередь, ведет к отрицательным последствиям для государства в контексте недополученных налоговых платежей, а также к возможности разрешения многочисленных социально-экономических проблем (например, проблемы занятости населения). В связи с этим видится абсолютно правильной правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ), согласно которой законодатель, обладая достаточной свободой усмотрения в определении конкретных видов государственного контроля (надзора), оснований, форм, способов, методов, процедур, сроков его проведения, состава мер государственного принуждения, применяемых по итогам контрольных мероприятий, а также конкретного порядка финансового обеспечения, вместе с тем связан общими конституционными принципами организации системы органов государственной власти, а осуществляемое им регулирование должно соответствовать юридической природе и характеру общественных отношений, которые складываются в сфере государственного контроля (надзора); вводимые же ограничения прав и свобод граждан, занимающихся предпринимательской деятельностью, обязаны быть соразмерными конституционно значимым целям и во всяком случае не создавать препятствий для их экономической самостоятельности и инициативы⁵. Исходя из вышеуказанных конституционно-нормативных положений, можно сделать вывод о том, что государство несвободно при

⁵По делу о проверке конституционности положений абзаца 14 ст. 3 и п. 3 ст. 10 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» в связи с жалобой гражданина В. В. Михайлова» [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 18 июля 2008 г. № 10-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2023.

установлении форм и методов контроля, оно должно руководствоваться разумными соображениями и не создавать препятствий для реализации прав и свобод человека, в первую очередь в экономической сфере.

По нашему мнению, определение и адекватное применение границ правового усмотрения в налоговой сфере – это основа взаимоотношения государства и налогоплательщиков. Такие пределы могут устанавливаться как законодательством (например, предусмотренной ч. 2 п. 6 ст. 3 НК презумпцией правоты налогоплательщика), так и сложившейся практикой применения налогово-правовых норм. Учитывая значительный объем полномочий должностных лиц налоговых органов с неопределенным результатом их реализации в отношении налогоплательщиков, представляется, что важной дополнительной границей усмотрения в налоговой сфере является разумная сдержанность в его применении. Как справедливо отмечает КС РФ, возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения неизбежно ведет к произволу государственных органов и должностных лиц в их отношениях с налогоплательщиками, не согласующемуся с принципами правового государства (ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации), нарушению верховенства закона и юридического равенства граждан перед законом (ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации), а также к дискриминационно-му правоприменению⁶.

Разумная сдержанность в деятельности контролирующих органов должна также учитывать то, что предпринимательская деятельность носит рисковый характер, обусловленный разнообразными формами и условиями ее совершения, и требует оптимизационных механизмов, в том числе в налоговой сфере. Понимая это, белорусский законодатель в подпункте 43.4 п. 43 Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, абсолютно справедливо отметил, что не должно быть зарегулированности, когда руководители организаций не могут реализовать право на разумный экономический риск. Видится, что разумный экономический риск должен предполагать не только совершение соответствующих хозяйственных операций налогоплательщиками, но и их конструктивное разумное понимание со стороны должностных лиц в контексте принятия соответствующих решений. Особенно актуальным это представляется в русле широкой дискреции (в данном случае речь идет в первую очередь об усмотрительной дискреции) контролирующих органов в лице их должностных лиц.

В контексте постулирования нами разумной сдержанности в деятельности контролирующих органов нельзя обойти вниманием с концептуально экономико-правовой точки зрения вопрос о разумности в нормативном регулировании налоговых отношений. Определенные экономические трудности, обусловленные внутренними и внешними причинами, заставляют государство искать механизмы, приводящие в движение финансовую систему страны с позиции дополнительной фискализации в отношении физических лиц и организаций. Среди таких механизмов последних лет можно акцентировать внимание на следующих наиболее значимых действиях законодателя: отмене с 1 января 2022 г. льготы по налогу на недвижимость для большинства физических лиц в отношении одной квартиры, находящейся в их собственности; увеличении ставки подоходного налога с физических лиц, уплачиваемого индивидуальными предпринимателями, с 16 до 20 %; продлении действия ставки подоходного налога с физических лиц, доходы которых получены в течение календарного года по трудовым договорам от резидентов Парка высоких технологий, в размере 13 % до 2025 г.; повышении ставки подоходного налога с физических лиц, применяемой в отношении доходов, которые исчислены налоговым органом исходя из сумм превышения расходов над доходами, до 26 %; росте основной ставки налога на прибыль с 18 до 20 %.

Приведенные законодательные новеллы в налоговой сфере последних двух лет свидетельствуют об определенном дисбалансе, когда государство связывает повышательную тенденцию формирования доходной части бюджета только с поднятием уровня налоговых изъятий. На современном этапе экономического развития государству следовало бы проявлять разумную предусмотрительность в своих действиях, направленную на обеспечение баланса интересов публичных и частных субъектов. Осуществление налоговой политики необходимо основывать на улучшении ее качества и эффективности, создании особого экономического и юридического механизма, позволяющего гармонично сочетать различные средства, через приспособление к установленным условиям и адаптацию к текущей ситуации. Повышенные притязания со стороны государства к гражданам и организациям должны быть разумно сдержанными и разумно предусмотрительными в контексте сохранения предпринимательской и экономической идентичности последних, что, в свою очередь, позволит решать важные социально-экономические задачи на современном этапе развития страны.

⁶По делу о проверке конституционности Закона Санкт-Петербурга от 14 июля 1995 года «О ставках земельного налога в Санкт-Петербурге в 1995 году» [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 8 октября 1997 г. № 13-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2023.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. При усмотрении в налоговом правоприменении важной представляется направленность разумности, которая, по нашему мнению, должна быть формализована публичными субъектами в определенное самоограничение применяемых дискреционных полномочий, основанное на экономической рациональности и взвешенности предполагаемых действий и принимаемых решений. Разумная сдержанность при реализации дискреционных полномочий предопределена соблюдением баланса фискальных интересов государства при формировании доходной части бюджетов различных уровней, а также прав и законных интересов налогоплательщиков.

2. В контексте широкого спектра полномочий налоговых органов и их должностных лиц, реализация которых может иметь негативные последствия для налогоплательщиков, правоприменительные решения должны быть основаны на принципе разумной сдержанности с учетом здравого смысла и соблюдения баланса интересов частных и публичных субъектов.

3. Правовое регулирование налоговых отношений на современном этапе экономического развития Республики Беларусь должно базироваться на разумной сдержанности и разумной предусмотрительности со стороны органов государственной власти в контексте достижения баланса публичных и частных интересов.

Библиографические ссылки

1. Коновалов АВ. Принцип разумности в гражданском праве. *Актуальные проблемы российского права*. 2019;8:11–21. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.105.8.011-021.
2. Власенко НА. *Разумность и определенность в правовом регулировании*. Москва: Инфра-М; 2014. 157 с.
3. Власенко НА. Разумность, право, правотворчество. В: Баранов ВМ, редактор. *Юридическая техника. Выпуск 6, Техника современного правотворчества: состояние, проблемы, модернизация*. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России; 2012. с. 121–125.
4. Тиковенко АГ. Разумность как категория и критерий конституционности. *Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь*. 2018;1:111–122.
5. Черкасова ОВ. Нравственно-этические категории в российском гражданском праве. *Юрист*. 2021;10:2–8.
6. Умнова-Конюхова ИА, Алешкова ИА. Принцип конституционной сдержанности: содержание и особенности реализации. *Конституционное и муниципальное право*. 2020;9:20–25. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-9-20-25.
7. Пресняков МВ. Правовая определенность и принцип разумной сдержанности законодателя: проблема формальной и материальной правовой определенности. *Конституционное и муниципальное право*. 2014;4:3–6.
8. Пресняков МВ. Правовая определенность и определенность прав в современном конституционно-правовом дискурсе. *Гражданин и право*. 2014;4:3–16.
9. Щекин ДМ. Критерий разумности налогоплательщика и защита его правомерных ожиданий. *Налоги*. 2022;3:27–30. DOI: 10.18572/1999-4796-2022-3-27-30.
10. Пилипенко АА. Деловая цель в налоговых отношениях: нормативный и научно-прикладной анализ. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2019;1:58–64.

References

1. Konovalov AV. The principle of reasonableness in civil law. *Actual Problems of Russian Law*. 2019;8:11–21. Russian. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.105.8.011-021.
2. Vlasenko NA. *Reasonableness and certainty in legal regulation*. Moscow: Infra-M; 2014. 157 p. Russian.
3. Vlasenko NA. [Reasonableness, law, law-making]. In: Baranov VM, editor. *Yuridicheskaya tekhnika. Vypusk 6, Tekhnika sovremennogo pravotvorchestva: sostoyanie, problemy, modernizatsiya* [Legal technology. Issue 6, Technology of modern law-making; status, problems, modernisation]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2012. p. 121–125. Russian.
4. Tikovenko AG. Rationality as a category and criterion of constitutionality. *Bulletin of the Constitutional Court of the Republic of Belarus*. 2018;1:111–122. Russian.
5. Cherkasova OV. Moral and ethical categories in Russian civil law. *Lawyer*. 2021;10:2–8. Russian.
6. Umnova-Konyukhova IA, Aleshkova IA. The principle of constitutional moderation: the content and implementation peculiarities. *Constitutional and Municipal Law*. 2020;9:20–25. Russian. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-9-20-25.
7. Presnyakov MV. Legal certainty and principles of reasonable restraint of legislator: the problem of formal and material legal certainty. *Constitutional and Municipal law*. 2014;4:3–6. Russian.
8. Presnyakov MV. [Legal certainty and certainty of rights in contemporary constitutional-legal discourse]. *Grazhdanin i pravo*. 2014;4:3–16. Russian.
9. Shchekin DM. A criterion of reasonableness of a taxpayer and protection of his legitimate expectations. *Nalogi*. 2022;3:27–30. Russian. DOI: 10.18572/1999-4796-2022-3-27-30.
10. Pilipenka AA. Business purpose in tax relations: regulatory and applied scientific analysis. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2019;1:58–64. Russian.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

УДК 343.985 + 343.1 + 342.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Д. Л. ХАРЕВИЧ¹⁾

¹⁾Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, пр. Машерова, 6а, 220005, г. Минск, Беларусь

Рассматривается проблема использования материалов оперативно-розыскной деятельности в административном процессе согласно законодательству Республики Беларусь. При отсутствии прямого запрета на использование материалов оперативно-розыскной деятельности в административном процессе Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности», Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь не содержат норм, допускающих такое использование и регламентирующих соответствующий порядок. Признавая недопустимость целенаправленного осуществления оперативно-розыскной деятельности для изобличения лица в совершении административного правонарушения (при отсутствии признаков преступления), автор делает вывод о возможности использования материалов оперативно-розыскной деятельности в административном процессе в случаях, когда после

Образец цитирования:

Харевич ДЛ. Использование материалов оперативно-розыскной деятельности в административном процессе. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2023;3:64–74.
EDN: QLPBZT

For citation:

Kharevich DL. Use of materials of operational-search activities in the administrative process. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2023;3:64–74. Russian.
EDN: QLPBZT

Автор:

Дмитрий Людвигович Харевич – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции.

Author:

Dmitry L. Kharevich, PhD (law), docent; associate professor at the department of investigative activities, faculty of criminal police.
dmitryharevich@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1390-6077>

окончания проведения правомерно осуществленного оперативно-розыскного мероприятия квалификация деяния изменена с преступления на административное правонарушение или когда признаки административного правонарушения обнаружены попутно при документировании преступления. На основе анализа принципов соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, соразмерности (пропорциональности) и конспирации сформулированы предложения для внесения в законодательные акты, устанавливающие порядок использования материалов оперативно-розыскной деятельности в административном процессе, что позволит повысить эффективность борьбы с административными правонарушениями, укрепить законность и правопорядок.

Ключевые слова: административный процесс; конспирация; материалы оперативно-розыскной деятельности; Республика Беларусь; совершенствование законодательства; пропорциональность; уголовный процесс.

USE OF MATERIALS OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES IN THE ADMINISTRATIVE PROCESS

D. L. KHAREVICH^a

^a*Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 6a Masherava Avenue, Minsk 220005, Belarus*

The problem of using materials of operational-search activity in the administrative process in accordance with the legislation of the Republic of Belarus is considered. In the absence of a direct ban on the use of materials of operational-search activities in the administrative process, the Law of the Republic of Belarus of 15 July 2015 No. 307-3 «On operational-search activities», the Procedural and Executive Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses and the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus do not have norms allowing such use and regulating the relevant procedure. Recognising the inadmissibility of the purposeful implementation of operational-search activities to expose a person for committing an administrative offense (in the absence of signs of a crime), the author concludes that it is possible to use the materials of operational-search activities in the administrative process in cases where after the completion of the lawfully carried out operational-search activity, qualification of the act was changed from a crime to an administrative offense or signs of an administrative offense were found along the way when documenting the crime. Based on the analysis of the legal principles of observance of the rights, freedoms and legitimate interests of citizens, the rights and legitimate interests of organisations, proportionality (proportionality) and secrecy, proposals are formulated for legislative acts that establish the procedure for using materials of operational-search activities in the administrative process, which will increase the effectiveness of the fight against administrative offenses, to strengthen law and order.

Keywords: administrative procedure; conspiracy; materials of operational-search activity; the Republic of Belarus; improvement of legislation; proportionality; criminal procedure.

Введение

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) является одним из государственно-правовых средств борьбы с преступлениями, о чем свидетельствуют ее задачи, изложенные в ст. 3 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). Осуществление данной деятельности не всегда приводит к решению этих задач, и в ряде случаев актуализируется вопрос о возможности привлечения лица к ответственности за совершение административного правонарушения на основании собранных материалов ОРД.

Такие случаи могут иметь место, например, в сфере борьбы с незаконными посевом и (или) выращиванием растений либо грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. Законодательством предусмотрены смежные противоправные деяния, к которым относятся преступление, указанное в ст. 329 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) (при наличии

в деянии цели сбыта или изготовления либо иного получения наркотических средств или психотропных веществ), и административное правонарушение, предусмотренное ст. 17.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) (при отсутствии такой цели). В случае если в материалах ОРД, собранных при документировании указанного преступления, не удастся зафиксировать признаки, упомянутые в ст. 329 УК (например, указывающие на наличие одной из целей деяния, содержащихся в диспозиции), лицо привлекается к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 328 УК за хранение без цели сбыта частей растений, грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. При этом возникает необходимость правовой оценки его действий по посеву, выращиванию указанных растений, грибов с точки зрения совершения административного правонарушения (ст. 17.1 КоАП). Аналогичный вопрос может появиться в связи с отказом в возбуждении уголовного

дела по иным основаниям, если при этом лицо не привлечено к ответственности за незаконный посев и (или) выращивание растений либо грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества.

Подобные ситуации могут возникать также при документировании сотрудниками подразделения по наркоконтролю и противодействию торговле людьми органов внутренних дел иных преступлений, имеющих смежные составы административных правонарушений. К таким преступлениям и административным правонарушениям относятся следующие:

- незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (ст. 328 УК), нарушение порядка оборота семян мака (ст. 13.30 КоАП), незаконные действия с некурительными табачными изделиями, предназначенными для сосания и (или) жевания (ст. 17.6 КоАП);

- незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (ст. 328 УК), склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 331 УК), предоставление помещений, организация либо содержание притонов для изготовления, переработки и (или) потребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или других одурманивающих веществ (ст. 332 УК), а также потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в общественном месте либо появление в общественном месте или на работе в состоянии опьянения (ст. 19.3 КоАП);

- склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 331 УК), незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (ст. 328 УК) и вовлечение несовершеннолетнего в немедицинское употребление сильнодействующих или других одурманивающих веществ (ст. 19.4 КоАП);

- развратные действия (ст. 169 УК) и мелкое хулиганство (ст. 19.1 КоАП);

- организация и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией (ст. 171 УК), вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией (ст. 171-1 УК), торговля людьми (ст. 181 УК) и занятие проституцией (ст. 19.5 КоАП);

- изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера (ст. 343 УК), изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего (ст. 343-1 УК), а также хранение и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера (ст. 19.7 КоАП);

- торговля людьми (ст. 181 УК) и проживание без регистрации либо без документов, удостоверяющих личность (ст. 24.33 КоАП).

Указанная проблема актуальна и для других оперативных подразделений органов внутренних дел в отношении большого круга противоправных деяний, когда при осуществлении ОРД не удается зафиксировать (и впоследствии доказать в уголовном процессе) элементы состава правонарушения, позволяющие квалифицировать его как преступление, а не как административное правонарушение. Такими элементами могут являться следующие:

- содержание субъективной стороны (специфическая цель деяния, наличие умысла, корыстная или иная личная заинтересованность, хулиганские, корыстные или иные низменные побуждения, заведомое осознание виновным предмета преступления);

- более опасный способ совершения преступления в сравнении со способом административного правонарушения (не только хранение, но и сбыт, изготовление либо подделка, применение насилия или угроза его применения, действие, а не бездействие);

- размер вреда, ущерба, незаконного дохода, характер наступивших последствий;

- особая личность жертвы, специфические место, время, предмет, орудия и обстоятельства, указывающие на совершение преступления, а не административного правонарушения.

В отдельных случаях в данный перечень можно включить и повторное совершение административного правонарушения, если при этом выполняются условия административной преюдиции, закрепленные в диспозиции соответствующей статьи УК (например, совершение деяния повторно или неоднократно в течение одного года либо систематически). В то же время при отсутствии достоверных фактов предыдущего привлечения к административной ответственности, подтвержденных в установленном законом порядке, проведение оперативно-розыскного мероприятия или мероприятий (далее – ОРМ) представляется необоснованным в связи с отсутствием в Законе об ОРД основания для этого (наличие сведений, указывающих на административное правонарушение).

Помимо этого, установление признаков административного правонарушения может происходить попутно при документировании в рамках ОРД любого преступления, если возможность их фиксации и проведения необходимых действий в рамках административного процесса миновала ввиду изменения обстановки на месте происшествия, исчезновения следов деяния и т. п.

В связи с изложенным полагаем, что указанный вопрос можно рассматривать в более широком контексте возможности использования в административном процессе материалов, полученных в ходе ОРД. Однако имеется определенная коллизия. С одной стороны, сотрудник оперативного подразделения, как должностное лицо, наделенное правом осуществления ОРД, является также должностным лицом органа, ведущего административный процесс, и обладает соответствующими полномочиями

ми, в том числе на него возложена обязанность принимать меры по обнаружению административного правонарушения, выявлению лиц, совершивших его в соответствии со ст. 2.9 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП). С другой стороны, противодействие административным правонарушениям не входит в круг задач ОРД, а непосредственное использование материалов ОРД в административном процессе не предусмотрено Законом об ОРД.

В то же время ограничение возможности использования материалов ОРД лишь сферой борьбы с преступностью не соответствует духу законодательства, при соблюдении норм которого такое использование может быть правомерным.

Например, если лицо привлечено судом к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 328 УК, совершенное в отношении растений, грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (их частей или полученных из них веществ, находящихся под государственным контролем) и в материалах уголовного дела имеются признаки, указывающие на совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.1 КоАП, то в соответствии с ч. 3 ст. 6.2 ПИКоАП после вступления в силу приговора суда доказательства, полученные на основании материалов ОРД, могут быть использованы в качестве доказательств по делу об административном правонарушении, а отраженные в них факты не подлежат доказыванию как установленные вступившим в законную силу приговором по уголовному делу.

Административно-процессуальное законодательство не содержит правил, препятствующих использованию материалов ОРД в административном процессе. Так, согласно ст. 6.3 ПИКоАП правомерно полученные материалы ОРД могут являться источниками доказательств, выступая в роли иного документа и другого носителя информации, полученных в порядке, определенном иными законодательными актами (в рассматриваемом случае Законом об ОРД). Данное обстоятельство может иметь значение в том числе в ситуациях, когда материалы ОРД не были использованы для доказывания в уголовном процессе (в связи с отказом в возбуждении уголовного дела и прекращением производства по иным основаниям).

Лицо может быть привлечено к административной ответственности, в том числе с использованием материалов ОРД, в рамках уголовного процесса. Так, на основании ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) и ст. 86 УК суд, прокурор или следователь с согласия прокурора вправе прекратить производство по уголовному делу о впервые совершенном лицом преступлении, не

представляющем большой общественной опасности, или менее тяжком преступлении и освободить лицо от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания (при выполнении условий, указанных в ч. 1 ст. 86 УК). В соответствии с ч. 3 ст. 86 УК изложенный порядок не применяется к лицу, совершившему преступление, предусмотренное статьей Особенной части УК, содержащей административную преюдицию.

Привлечение к административной ответственности по результатам производства по материалам проверки или уголовному делу может осуществляться вследствие принятия организацией или должностным лицом мер по устранению нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступлений, в рамках рассмотрения соответствующего представления органа, ведущего уголовный процесс, представления субъекта профилактики правонарушений об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушений, либо его предписания об устранении нарушений законодательства. Определенную роль в установлении указанных причин, условий, нарушений закона могут играть и материалы ОРД, что в случае привлечения лица к административной ответственности следует рассматривать как опосредованное использование таких материалов.

Закон об ОРД не содержит прямого запрета на использование материалов ОРД в административном процессе. В некоторых случаях такое правонарушение исследователи рассматривают как причину (условие) совершения преступления, а использование материалов ОРД – как его предупреждение, что является одной из задач ОРД [1, с. 22; 2].

Закрепленная в абзаце 16 ч. 1 ст. 14 Закона об ОРД обязанность уничтожения материалов ОРД сформулирована широко и касается лишь тех из них, которые не связаны с *противоправной*¹ деятельностью. Это позволяет говорить, что данное правило не обязывает уничтожать материалы ОРД, в которых содержатся сведения об административном правонарушении.

Также некоторые ведомственные нормативные правовые акты в сфере ОРД, регламентирующие порядок ведения дел оперативного учета, допускают возможность использования материалов ОРД в иных видах деятельности (помимо уголовного процесса). Кроме этого, предусмотрена возможность использования сведений, полученных в ходе осуществления ОРД и направленных в целях профилактики правонарушений в соответствии с ч. 4 ст. 49 Закона об ОРД. Порядок использования таких сведений предусмотрен постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 апреля 2021 г. № 241 «О порядке использования сведений, содержащихся в материалах оперативно-розыскной деятельности».

¹Курсив наш. – Д. Х.

Отметим, что этот порядок предполагает наличие двух разных субъектов – субъекта ОРД, получившего материалы, и субъекта, принимающего меры профилактики. При этом используются не материалы ОРД, а содержащиеся в них сведения. Они не включают в себя порядок проведения ОРМ, тактику и методику их осуществления, ссылки на материалы ОРД и иные данные, содержание которых может привести к разглашению государственных секретов. Указанный порядок неприменим в рассматриваемом случае, поскольку в нем субъект получения и использования материалов ОРД чаще всего совпадают, а содержание материалов включает в себя порядок проведения ОРМ.

Использование в административно-юрисдикционной деятельности материалов ОРД, правомерно полученных в рамках документирования преступления, можно рассматривать как случайное обнаружение правонарушения. В качестве примера выступает норма ч. 5 ст. 49 Закона об ОРД, предусматривающая возможность передачи в орган уголовного преследования или суд материалов ОРД, не содержащих сведений о гражданах, в отношении

которых проводились ОРМ, если в таких материалах присутствуют сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении или об имуществе, которое подлежит или может подлежать аресту в уголовном процессе. Отметим, что данная норма относится к случайному обнаружению преступления, но не административного правонарушения.

Вместе с тем возможность использования материалов ОРД в административном процессе не предусмотрена в ст. 49, 50 Закона об ОРД, где регламентировано использование материалов ОРД в уголовном процессе и некоторых иных видах правоохранительной деятельности. Она не представлена и в ПИКоАП.

Таким образом, при отсутствии прямого запрета на использование материалов ОРД в административном процессе в Законе об ОРД, ПИКоАП и УПК не содержатся нормы, допускающие такое использование и регламентирующие соответствующий порядок действий. Полагаем, что эти аспекты можно рассматривать как правовой пробел. Наличие данного пробела и ряда связанных с ним проблем ранее отмечалось исследователями [2; 3, с. 13].

Материалы и методы исследования

В научной литературе практически единогласно признается, что целенаправленное осуществление ОРД для изобличения лица в совершении административного правонарушения (при отсутствии признаков преступления) недопустимо [4, с. 3; 5, с. 194; 6, с. 120–121; 7, с. 6–7; 8, с. 10; 9, с. 18]. В пользу этого утверждения свидетельствует и норма абзаца 4 ч. 2 ст. 14 Закона об ОРД, согласно которой органам, осуществляющим ОРД, и их должностным лицам запрещается осуществлять ОРД для выполнения задач, не предусмотренных указанным законом.

В то же время данный запрет можно истолковать как распространяющийся на случаи проведения ОРМ, когда до их начала либо в процессе осуществления становится известно о том, что имеющиеся сведения не содержат признаков преступления. Так, многие из оснований для проведения ОРМ, указанных в ст. 16 Закона об ОРД, прямо или опосредованно связаны с информацией о преступлении, а согласно абзацу 1 ч. 1 ст. 46 Закона об ОРД установление обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии оснований для дальнейшего проведения ОРМ (в том числе позволяющих квалифицировать деяние как административное правонарушение), является одним из оснований для его прекращения. Однако если после окончания правомерно осуществленного ОРМ данное преступление переклассифицировано как административное правонарушение или признаки административного правонарушения обнаружены попутно при документировании преступления, то категорического запрета на использование полученных материалов в административном процес-

се в Законе об ОРД не содержится. В пользу такого мнения свидетельствует норма абзаца 11 ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД, согласно которой органы, осуществляющие ОРД, имеют право использовать сведения, полученные при осуществлении ОРД, в соответствии как с Законом об ОРД, так и с иными актами законодательства.

Ряд белорусских и российских исследователей высказываются в пользу возможности использования в административном процессе материалов, полученных в ходе проведения некоторых ОРМ [7, с. 32; 10, с. 56; 11, с. 16] и ОРД в целом [4, с. 4; 12, с. 533]. В российской научной литературе существует позиция, согласно которой материалы ОРД могут использоваться для привлечения к административной ответственности лиц, проходящих по делу оперативного учета [13, с. 183].

Исследовав условия, при которых материалы ОРД могли бы использоваться в административном процессе, полагаем, что подобное использование может противоречить принципам соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций (далее – основные права), а также принципам соразмерности (пропорциональности) и конспирации. Рассмотрим данные противоречия более подробно.

Принцип соразмерности (пропорциональности) выступает важнейшим конституционным принципом правоохранительной деятельности в целом, он тесно связан с принципом соблюдения основных прав. Принцип соразмерности (пропорциональности) явно не указан в Конституции Республики Беларусь,

но выражен в норме ч. 1 ст. 23 этого нормативного правового акта: «Ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц». Учеными, судьями Конституционного Суда Республики Беларусь данный принцип истолковывается более широко. Так, его следствием выступает запрет злоупотребления правом, не допускающий предпринимать действия, являющиеся несоразмерными по отношению к стоящим целям [14, с. 52–53]. При этом сравниваются форма вмешательства (гласное или негласное), его интенсивность с одной стороны и степень опасности противоправного деяния с другой стороны. Примером может служить (необоснованное) проведение негласного ОРМ для выявления административного правонарушения. Также из рассматриваемого принципа можно вывести правило субсидиарности, предписывающее избрание такого способа действий, который в меньшей степени ограничивает основные права. Например, для фиксации высказываний лица, в отношении которого ведется административный процесс, вместо получения объяснения необоснованно проводится ОРМ, ограничивающее основные права (например, контроль в сетях электросвязи или слуховой контроль). Использование материалов ОРД в рамках административного процесса, даже если они были получены при выявлении преступления, но не были использованы в связи с невозможностью доказывания его состава, также создает опасность злоупотребления правом и может рассматриваться через призму нарушения правила субсидиарности, поскольку соответствующие задачи чаще всего могут быть решены не относящимися к ОРД способами. Наличие нормы, допускающей такое использование, может приводить к фальсификации оснований проведения ОРМ с целью последующего заведомого использования их материалов в административном процессе.

В то же время некоторые ОРМ, проводимые гласно (оперативный опрос, наведение справок о сведениях, не составляющих охраняемую законом тайну, сбор образцов, исследование предметов и документов, компьютерной информации, оперативное отождествление, оперативный осмотр, наблюдение в общественном месте, в том числе проводимые с использованием технических средств), сходны со способами собирания доказательств в административном процессе (опросом, осмотром, экспертизой, получением образцов для сравнительного исследования, получением, истребованием или предоставлением предметов, документов, информации, звуко- и видеозаписи). В контексте средств познания на данный аспект обращается внимание в научной литературе [15, с. 45, 127]. С учетом нормы ст. 6.3 ПИКоАП, признающей источниками доказательств иной до-

кумент и другой носитель информации, полученные в порядке, определенном Законом об ОРД, это обстоятельство создает благоприятные предпосылки для использования соответствующих материалов ОРД в административном процессе в связи с близостью способов познания обстоятельств, имеющих значение для дела об административном правонарушении.

Следует отметить, что в Законе об ОРД отсутствует аналог меры обеспечения административного процесса и меры принуждения при осуществлении указанных ОРМ не применяются. Это позволяет утверждать, что получение в ходе проведения гласных ОРМ информации, имеющей значение для дела об административном правонарушении, явно не нарушает принцип соразмерности (пропорциональности), поскольку при этом основные права не ограничиваются.

Согласно ст. 8 Закона об ОРД содержание принципа конспирации предполагает сохранение в тайне сведений об организации, тактике, силах, средствах, методах и планах ОРД, применяемых при выполнении задач ОРД органами, ее осуществляющими; сведений об оказании гражданами содействия органам, осуществляющим ОРД; сведений о гражданах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД; сведений об организациях в связи с осуществлением ОРД; сведений о должностных лицах органов, осуществляющих ОРД, которые участвуют или участвовали в оперативном внедрении, о штатных негласных сотрудниках, а также об иных должностных лицах органов, осуществляющих ОРД, в соответствии с актами законодательства; сведений об ОРМ, проводимых органами, осуществляющими ОРД, и сведений об иной осуществляемой ими деятельности при выполнении задач ОРД.

Наличие в материалах ОРД указанных сведений влечет за собой ограничение в их распространении, в том числе запрет на их использование в юрисдикционном процессе. Данное ограничение длится до выполнения определенных условий.

В связи с этим полагаем, что в административном процессе возможно использование материалов, полученных в ходе наведения справок о сведениях, затрагивающих охраняемую законом тайну. Предпосылкой для этого является принятие органом, ведущим административный процесс, мер, обеспечивающих неразглашение сведений, которые содержат такую тайну, в том числе путем закрытого рассмотрения дела об административном правонарушении.

Одним из оснований снятия ограничительного грифа со сведений о проведении негласных ОРМ является принятие решения об использовании таких сведений в целях, предусмотренных Законом об ОРД, в том числе в уголовном процессе. В связи с этим материалы о проведении негласных ОРМ, которые были направлены для использования

в уголовном процессе, не ограничены в распространении и потенциально могут использоваться в административном процессе, если в них содержатся признаки административного правонарушения.

Как правило, вопрос о предоставлении органу, ведущему административный процесс, сведений об организации, тактике, силах, средствах, методах и планах ОРД, об организациях в связи с осуществлением ОРД неактуален, поскольку такие сведения не содержат информации, имеющей значение для рассмотрения дела об административном правонарушении, а потенциальный вред, возникающий в результате их предоставления и обусловленный разглашением государственных секретов, несоизмерим с пользой, выражающейся в пресечении административного правонарушения и привлечении лица к административной ответственности. Вместе с тем подобное решение должно быть закреплено документально.

Принцип конспирации не распространяется на сведения о проведении гласных ОРМ, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 9 Закона об ОРД они предполагают изначальную осведомленность гражданина и получение его согласия. В этом случае нет препятствий для использования этих сведений, вызванных ограничением их распространения.

Согласно ч. 3 ст. 48 Закона об ОРД порядок предания гласности сведений о гражданах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, о должностных лицах органов, осуществляющих ОРД, которые участвуют или участвовали в оперативном внедрении, а также о штатных негласных сотрудниках допускается в соответствии с законодательством только с их согласия в письменной форме. В связи с этим после получения такого согласия указанные сведения могут использоваться и в административном процессе. В данном случае, безусловно, возникнет вопрос о целесообразности такого шага.

В ч. 2 ст. 3.32 ПИКоАП содержится предписание, обязывающее должностное лицо органа, ведущего административный процесс, при установлении в правонарушении признаков преступления прекратить дело об административном правонарушении и передать его материалы прокурору, органам, уполномоченным осуществлять предварительное следствие и дознание. В отличие от этого в УПК не обозначено, что орган, ведущий уголовный процесс, обязан направлять органу, ведущему административный процесс, уполномоченному рассматривать дела об административных правонарушениях, материалы уголовного дела, в которых содержатся признаки такого правонарушения. В ч. 6-1 ст. 165 УПК предусмотрена возможность выделения из уголовного дела материалов, не имеющих отношения к уголовному делу, которые необходимо возвратить предоставившим их органу или организации. Если

такие материалы включают в себя материалы ОРД, то подобный порядок обеспечит принятие решения об их дальнейшем движении уполномоченным органом, осуществляющим ОРД, в том числе о возможном их использовании в административном процессе.

В то же время при совокупности преступления и административного правонарушения данная норма неприменима. Материалы ОРД, в которых зафиксированы признаки обоих указанных правонарушений, не могут рассматриваться как не имеющие отношения к уголовному делу. Орган, ведущий уголовный процесс, является государственным органом, в связи с чем на него и его должностных лиц распространяется предусмотренная ст. 2.9 ПИКоАП обязанность принимать меры по обнаружению административного правонарушения и выявлению лиц, его совершивших. В связи с этим отсутствие в УПК предписания органу, ведущему уголовный процесс, выделять материалы, содержащие признаки административного правонарушения, является правовым пробелом, который не способствует эффективной борьбе с административными правонарушениями и требует разрешения.

В силу того, что материалы ОРД находятся в распоряжении органа, ведущего уголовный процесс, может возникнуть представление о том, что соответствующие правоотношения носят исключительно уголовно-процессуальный характер и решение об использовании материалов ОРД, находящихся в материалах проверки или уголовном деле, принимает лишь лицо, ведущее уголовный процесс. Это неверно, поскольку и в рассматриваемом случае имеют место оперативно-розыскные правоотношения. Например, сохраняется закрепленная в абзаце 8 ч. 2 ст. 14 Закона об ОРД обязанность органа, осуществляющего ОРД, соблюдать конспирацию. В соответствии с абзацем 5 ч. 1 ст. 10 Закона об ОРД по факту отказа от возбуждения уголовного дела, прекращения уголовного преследования в связи с отсутствием общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом или отсутствием в деяниях состава преступления, или в связи с вынесением судом оправдательного приговора у гражданина появляется право ознакомиться со сведениями, полученными о нем в рамках ОРД (соответствующую информацию он может получить при ознакомлении с материалами ОРД, содержащимися в деле об административном правонарушении). При использовании материалов ОРД в административном процессе (например, при получении объяснения) может возникнуть вопрос о предании гласности сведений о confidente и иных лицах, что регулируется ч. 3 ст. 48 Закона об ОРД и требует получения его согласия в письменной форме.

В связи с этим полагаем, что решение об использовании материалов ОРД, направленных органу, ве-

дущему уголовный процесс, в административном процессе должно приниматься не только лицом, ведущим уголовный процесс, но и органом, осуществляющим ОРД.

Результаты интервьюирования начальников следственных подразделений и следователей показывают, что в правоприменительной деятельности материалы ОРД чаще всего направляются следователем для правовой оценки с точки зрения совершения административного правонарушения в тот же орган, который получил данные материалы. Такой подход исключает возникновение отмеченной коллизии,

поскольку подразумевает принятие решения об использовании материалов ОРД уполномоченным органом, осуществляющим ее. Вместе с тем он является скорее следствием совпадения благоприятных обстоятельств, интуитивного использования зарекомендовавшей себя правоприменительной практики, не вызывающей конфликтных ситуаций. На наш взгляд, в данном случае требуется установить обязывающую норму, исключающую принятие решения о направлении материалов ОРД для использования в административном процессе без ведома субъекта ОРД, получившего такие материалы.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим возможный порядок использования материалов ОРД в административном процессе.

Устраняя отмеченный выше правовой пробел, необходимо предусмотреть в УПК возможность для органа, ведущего уголовный процесс, при наличии признаков административного правонарушения в материалах проверки или уголовном деле (при отказе в возбуждении уголовного дела или выявлении таких признаков в ходе производства по нему) принимать решение о выделении соответствующих материалов и их направлении органу, в компетенцию которого входит рассмотрение соответствующего дела об административном правонарушении, при условии, что это существенно не отразится на всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств уголовного дела в судебном заседании.

В отношении использования материалов ОРД следует рассмотреть две исходные ситуации: 1) решение принимается органом, осуществляющим ОРД и выступающим одновременно органом дознания и органом, ведущим административный процесс; 2) решение принимается иным органом, ведущим уголовный процесс.

В первой ситуации использование в административном процессе сотрудником оперативного подразделения, наделенным также уголовно-процессуальными и административно-юрисдикционными полномочиями, материалов ОРД, направленных для использования в уголовном процессе, целесообразно после его прекращения (принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении проверки по заявлению или сообщению о преступлении). Принятие такого решения раньше нецелесообразно, поскольку может привести к фактическому осуществлению ОРД для решения задач административного процесса и подмене административно-юрисдикционных действий оперативно-розыскными мероприятиями.

Помимо этого, непосредственное использование в административном процессе материалов ОРД органом, совмещающим в себе компетенцию органа, осуществляющего ОРД, органа дознания и органа, ведущего административный процесс, следует

рассматривать с точки зрения возможности нарушения конституционного принципа соразмерности (пропорциональности) и злоупотребления правом. Это создает предпосылки для фальсификации оснований проведения ОРМ, преднамеренного искусственного создания предпосылок для проведения ОРМ в целях борьбы с административными правонарушениями, что на практике может привести к целенаправленному осуществлению ОРД в отношении административных правонарушений. Данная возможность должна быть исключена путем предоставления процессуальных гарантий, препятствующих необоснованному ограничению основных прав.

В связи с этим следует наделить прокурора правом утверждения решения такого органа об использовании материалов ОРД в административном процессе.

Данное правило следует распространить лишь на ситуации, когда в материалах ОРД содержатся сведения о лице, в отношении которого проводилось ОРМ (если эти сведения имеют значение для принятия решения по делу об административном правонарушении). По аналогии с ч. 5 ст. 49 Закона об ОРД возможность использования в административном процессе материалов ОРД, если они относятся к действиям третьих лиц, не являющихся объектом проведения ОРМ, необходимо запретить, что позволит исключить необоснованное ограничение основных прав третьих лиц.

В случае непосредственного использования материалов ОРД органом, осуществляющим данную деятельность, в ведомственных нормативных правовых актах необходимо предусмотреть соответствующее основание для снятия ограничительного грифа со сведений о проведении негласных ОРМ, предоставляемых для использования в административном процессе.

Полагаем, что следователь, прокурор, судья, которым материалы ОРД были ранее предоставлены для использования в уголовном процессе, могут направить указанные материалы (вместе с иными материалами уголовного дела) должностному лицу органа, ведущего административный процесс, в ходе уголовного процесса или после его окончания (например, в ходе производства по материалу или уголовному делу,

после принятия решения о прекращении проверки по заявлению или сообщению о преступлении, принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращения расследования по нему, уголовного преследования или судебного следствия). При этом должен учитываться двухмесячный срок наложения административного взыскания, указанный в ч. 3 ст. 7.6 КоАП.

С учетом требований соблюдения конспирации в ОРД полагаем, что данное решение подлежит утверждению руководителем органа, ведущего ОРД, предоставившего материалы ОРД для принятия решения о возбуждении уголовного дела, использования в доказывании по уголовному делу. Процесс принятия такого решения может регулироваться в порядке, сходном с правилами ст. 50 Закона об ОРД, устанавливающими порядок предоставления материалов ОРД в орган уголовного преследования или суд. При этом, безусловно, следует обязать орган, осуществляющий ОРД, выносить мотивированное постановление об отказе в предоставлении материалов ОРД органу, ведущему административный процесс, в случае принятия такого решения.

Возможность лица, в отношении которого осуществлялись ОРМ, ознакомиться с собранными о нем материалами ОРД может привести к разглашению государственных секретов. Отмеченное обстоятельство будет являться серьезным сдерживающим фактором для оперативных сотрудников при принятии решения об использовании материалов ОРД в административном процессе. В таком случае возможно использовать порядок, предусмотренный в ч. 4 ст. 49 Закона об ОРД и постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 23 апреля 2021 г. № 241 «О порядке использования сведений, содержащихся в материалах оперативно-розыскной деятельности». С этой целью для использования в административном процессе можно предусмотреть составление доку-

мента (например, протокола), в котором не отражаются порядок проведения ОРМ, тактика и методика их осуществления, ссылки на материалы ОРД и иные данные, содержание которых может привести к разглашению государственных секретов.

Для того чтобы не обеднять доказательственную базу по делу об административном правонарушении в результате осуществления подобных процессуальных действий, можно рекомендовать оперативным сотрудникам в ситуациях, при которых возможна квалификация деяния как преступления либо административного правонарушения, применять вместо ОРМ сходные с ними действия, предусмотренные ст. 24, 25 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (получение объяснения, запрос и получение сведений из информационных ресурсов (систем), личный досмотр граждан и досмотр находящихся при них вещей, осмотр помещений, фотографирование, киносъемка, звуко- и видеозапись определенных категорий лиц и окружающей обстановки), или действия, предусмотренные законодательством, устанавливающим права иных органов, осуществляющих правоохранительную деятельность.

В отношении сведений о лицах, указанных в ч. 3 ст. 48 Закона об ОРД, возможно применить подход, описанный в п. 8 ч. 3 ст. 60 УПК, запретив в ч. 2 ст. 4.6 ПИКоАП привлекать в качестве свидетеля лицо, оказывающее или оказывавшее содействие на конфиденциальной основе органу, уполномоченному законом осуществлять ОРД, должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, которое участвует или участвовало в оперативном внедрении, штатного негласного сотрудника без его согласия и согласия соответствующего органа, уполномоченного законом осуществлять ОРД. Порядок принятия и оформления согласия необходимо регламентировать в ведомственных нормативных правовых актах.

Заключение

Проведенный анализ дает возможность сделать вывод о том, что при соблюдении определенных условий использование материалов ОРД в административном процессе не противоречит общим принципам права и отраслевым принципам, такое использование целесообразно с точки зрения соблюдения законности и правопорядка.

В связи с этим можно предложить следующие изменения в законодательстве, допускающие такое использование и устанавливающие его порядок.

Дополнить ст. 49 Закона об ОРД возможностью использовать материалы ОРД для принятия решения по делу об административном правонарушении. Порядок принятия решения о таком использовании необходимо детализировать в ст. 50 Закона об ОРД, определив условия отказа в предоставлении материалов ОРД органу, ведущему административный процесс, с вынесением мотивированного постановления.

В ст. 49 Закона об ОРД предусмотреть запрет на направление материалов ОРД для использования в административном процессе, если в них зафиксированы действия (третьих) лиц, в отношении которых не проводились ОРМ.

Ведомственные нормативные правовые акты следует дополнить основанием для снятия ограничительного грифа со сведений о проведении негласных ОРМ при принятии решения об их предоставлении для использования в административном процессе.

Предусмотреть в УПК норму, дающую право органу, ведущему уголовный процесс, при наличии признаков административного правонарушения в материалах проверки или уголовном деле принимать решение о выделении соответствующих материалов и их направлении органу, в компетенцию которого входит рассмотрение соответствующего дела об административном правонарушении, при условии,

что это существенно не отразится на всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств уголовного дела в судебном заседании.

Орган дознания, наделенный правом осуществления ОРД, может принять данное решение после принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении проверки по заявлению или сообщению о преступлении. Для рассмотрения вопроса об использовании в административном процессе материалы ОРД, проверки и уголовного дела, содержащие признаки административного правонарушения, представляются данным органом прокурору, который принимает решение о даче согласия либо об отказе в даче согласия о таком использовании.

Следователь, прокурор, судья в ходе производства по материалу, по уголовному делу могут принять решение о направлении материалов ОРД органу, ведущему административный процесс, после утвер-

ждения данного решения руководителем органа, осуществляющего ОРД, предоставившего данные материалы.

Кроме того, необходимо в ч. 2 ст. 4.6 ПИКоАП запретить привлекать в качестве свидетеля лицо, оказывающее или оказывавшее содействие на конфиденциальной основе органу, уполномоченному законом осуществлять ОРД, должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, которое участвует или участвовало в оперативном внедрении, штатного негласного сотрудника без его согласия и согласия соответствующего органа, уполномоченного законом осуществлять ОРД. Порядок принятия и оформления согласия необходимо регламентировать в ведомственных нормативных правовых актах.

Представляется, что реализация изложенных предложений позволит повысить эффективность борьбы с административными правонарушениями и послужит укреплению правопорядка и законности.

Библиографические ссылки

1. Денисов НЛ. Проблема оперативно-разыскного предупреждения преступлений с административной преюдицией как пробел, требующий изучения современной оперативно-разыскной наукой. *Оперативник (сыщик)*. 2018;1:21–23.
2. Мотрович ИД, Семенчук ВВ, Кулеш ЕА. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в административно-юрисдикционном производстве. *Административное право и процесс*. 2018;11:48–55.
3. Шумилов АЮ. Состояние и перспективы оперативно-разыскной науки в Российской Федерации: научный доклад. *Оперативник (сыщик)*. 2014;3:3–13.
4. Асаёнок БВ. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в административном процессе. В: Тукало АН, редактор. *Проблемы оперативно-разыскного обеспечения уголовного судопроизводства. Тезисы докладов Республиканской научно-практической конференции; 5 июня 2015 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Академия МВД Республики Беларусь; 2015. с. 3–4.
5. Зажицкий ВИ. *Результаты оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс; 2006. 449 с.
6. Кузнецов ЕВ, Азаров ВА. *Теоретические основы формирования отрасли оперативно-разыскного права*. Москва: Юрлитинформ; 2016. 208 с.
7. Вагин ОА, Исиченко АП, Чечетин АЕ. *Комментарий к Федеральному закону № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (постатейный)*. Москва: Деловой двор; 2009. 328 с.
8. Вагин ОА. Конституционные проблемы оперативно-разыскной деятельности. В: Калиновский КБ, составитель. *Конституционно-правовые проблемы оперативно-разыскной деятельности. Сборник материалов Всероссийского круглого стола; 3 ноября 2011 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Петрополис; 2012. с. 7–68.
9. Шумилов АЮ, Зажицкий ВИ, Михайлов ВИ, Башкатов ЛН, Наумец АБ. *Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-разыскной деятельности»*. Шумилов АЮ, редактор. Москва: Вердикт-1М; 1997. 208 с.
10. Алексеев АИ, Вагин ОА, Закаляпин ДВ, Овчинский ВС, Фальченко АА, Чечетин АЕ и др. *Комментарий к Федеральному закону Российской Федерации «Об оперативно-разыскной деятельности»*. Алексеев АИ, Овчинский ВС, редакторы. Москва: Проспект; 2014. 176 с.
11. Дубягин ЮП, Дубягина ОП, Михайлычев ЕА. *Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (постатейный)*. Москва: Юстицинформ; 2006. 144 с.
12. Сурков КВ, Кваша ЮФ, Степашин СВ, Рушайло ВВ, Голубовский ВЮ, Сальников ВП и др. *Основы оперативно-разыскной деятельности*. Рушайло ВВ, редактор. Санкт-Петербург: Лань; 2002. 720 с.
13. Савинский АВ. *Оперативно-разыскная деятельность как средство выявления и раскрытия преступлений*. Архангельск: САФУ; 2019. 245 с.
14. Сазон КД, Серета РА. *Обеспечение прав человека в деятельности органов внутренних дел*. Минск: Академия МВД; 2020. 206 с.
15. Асаёнок БВ. *Выявление и пресечение административных правонарушений: криминалистические аспекты*. Минск: Интегралполиграф; 2020. 167 с.

References

1. Denisov NL. [The problem of operational-search prevention of crimes with administrative prejudice as a gap requiring the study of modern operational-search science]. *Operativnik (syshchik)*. 2018;1:21–23. Russian.
2. Motrovich ID, Semenchuk VV, Kulesh EA. [Using the results of operational-search activity in administrative-judicial proceedings]. *Administrativnoe pravo i protsess*. 2018;11:48–55. Russian.

3. Shumilov AYu. [Status and prospects of operational-search science in the Russian Federation: scientific report]. *Operativnik (syshchik)*. 2014;3:3–13. Russian.
4. Asayonok BV. [Using the results of operational-search activities in the administrative process]. In: Tykalo AN, editor. *Problemy operativno-rozysknogo obespecheniya ugovnogo sudoproizvodstva. Tezisy докладов республиканской научно-практической конференции; 5 iyunya 2015 g.; Minsk, Belarus'* [Problems of operational-search support of criminal proceedings. Materials of Republic scientific and practice conference; 2015 June 5; Minsk, Belarus]. Minsk: Academy of the Ministry of Interior Affairs of the Republic of Belarus; 2015. p. 3–4. Russian.
5. Zazhitskii VI. *Rezultaty operativno-rozysknoi deyatel'nosti v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya i praktika* [Results of operational-search activity in criminal proceedings: theory and practice]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2006. 449 p. Russian.
6. Kuznetsov EV, Azarov VA. *Teoreticheskie osnovy formirovaniya otrasli operativno-rozysknogo prava* [Theoretical foundations of the formation of the branch of operational-search law]. Moscow: Yurlitinform; 2016. 208 p. Russian.
7. Vagin OA, Isichenko AP, Chechetin AE. *Kommentarii k Federal'nomu zakonu № 144-ФЗ «Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti» (postateinyi)* [Commentary on the Federal law No. 144-ФЗ «On operational-search activities» (item-by-article)]. Moscow: Delovoi dvor; 2009. 328 p. Russian.
8. Vagin OA. [Constitutional problems of operational-search activity]. In: Kalinovskii KB, compiler. *Konstitutsionno-pravovye problemy operativno-rozysknoi deyatel'nosti. Sbornik materialov Vserossiiskogo kruglogo stola; 3 noyabrya 2011 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Constitutional and legal problems of operational-search activities. Collection of materials of All-Russian round table; 2011 November 3; Saint Petersburg, Russia]. Saint Peterburg: Petropolis; 2012. p. 7–68. Russian.
9. Shumilov AYu, Zazhitskii VI, Mikhailov VI, Bashkatov LN, Naumets AB. *Kommentarii k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti»* [Commentary on the Federal law «On operational-search activities»]. Shumilov AYu, editor. Moscow: Verdikt-1M; 1997. 208 p. Russian.
10. Alekseev AI, Vagin OA, Zakalyapin DV, Ovchinskii VS, Falchenko AA, Chechetin AE, et al. *Kommentarii k Federal'nomu zakonu Rossiiskoi Federatsii «Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti»* [Commentary on the Federal law of the Russian Federation «On operational-search activities»]. Alekseev AI, Ovchinskii VS, editors. Moscow: Prospekt; 2014. 176 p. Russian.
11. Dubyagin YuP, Dubyagina OP, Mikhailychev EA. *Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 12 avgusta 1995 g. № 144-ФЗ «Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti» (postateinyi)* [Commentary to the Federal law of 12 August 1995 No. 144-ФЗ «On operational-search activities» (item-by-article)]. Moscow: Yustitsinform; 2006. 144 p. Russian.
12. Surkov KV, Kvasha YuF, Stepashin SV, Rushailo VV, Golubovskiy VYu, Salnikov VP, et al. *Osnovy operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [Fundamentals of operational-search activity]. Saint Petersburg: Lan'; 2002. 720 p. Russian.
13. Savinskii AV. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost' kak sredstvo vyyavleniya i raskrytiya prestuplenii* [Operational-search activity as a means of detecting and solving crimes]. Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University; 2019. 245 p. Russian.
14. Sazon KD, Sereda RA. *Obespechenie prav cheloveka v deyatel'nosti organov vnutrennikh del* [Ensuring human rights in the activities of internal affairs bodies]. Minsk: Academy of the Ministry of Interior Affairs of the Republic of Belarus; 2020. 206 p. Russian.
15. Asayonok BV. *Vyyavlenie i presechenie administrativnykh pravonarushenii: kriminalisticheskie aspekty* [Identification and suppression of administrative offenses: forensic aspects]. Minsk: Integralpoligraf; 2020. 167 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023.
Received by editorial board 30.01.2023.

УЧЕНИЕ О ЛИШЕНИИ СВОБОДЫ КАК ВИДЕ НАКАЗАНИЯ В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ КРИМИНОПЕНОЛОГИИ

А. В. ШИДЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Разрабатываются теоретические основы пенитенциарной криминопенологии, которая позволяет говорить об отнесении лишения свободы как вида наказания к пенитенциарному типу уголовной ответственности. Данное направление в учении о наказании лишением свободы создает предпосылки для всестороннего решения проблемы экономии пенализации, в том числе пенитенциарной репрессии на всех этапах ее регулирования (от установления объема уголовной пенитенциарной репрессии в начале формирования санкции уголовного закона до полной ее реализации в отношении конкретного осужденного). Раскрывается система пенитенциарной криминопенологии как самостоятельного направления, определяются ее предмет и основные параметры. Рассматриваются отдельные аспекты социальной, уголовно-политической, криминологической и уголовно-правовой обусловленности природы дифференциации и индивидуализации уголовной пенитенциарной репрессии. Содержание наказания в виде лишения свободы анализируется в измерении параметров пенитенциарной криминопенологии. На основании этого уточняется сущность охранительной задачи уголовного права в условиях развития социального государства и современного общества.

Ключевые слова: лишение свободы; пенитенциарная криминопенология; пенитенциарный тип преступного поведения; наказание; дифференциация и индивидуализация пенитенциарной репрессии.

THE TEACHING ABOUT IMPRISONMENT OF LIBERTY AS A FORM OF PUNISHMENT IN THE COORDINATE SYSTEM OF PENITENTIAL CRIMINOPENOLOGY

A. V. SHIDLOVSKY^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Theoretical foundations of penitentiary criminopenology are being developed, which allows us to talk about classifying deprivation of liberty as a type of punishment as a penitentiary type of criminal liability. This direction creates the prerequisites for a comprehensive solution to the problem of saving penalisation, including penitentiary repression at all stages of its regulation (from the establishment of criminal law sanctions to full implementation in relation to a specific convict). The system of penitentiary criminology is revealed as an independent direction in the doctrine of punishment by deprivation of liberty, its subject and main parameters are determined. Certain aspects of the social, criminal-political, criminological and criminal-legal conditionality of the nature of differentiation and individualisation of criminal penitentiary repression are considered. The content of punishment in the form of imprisonment is analysed in terms of measuring the parameters of penitentiary criminology. On this basis, the content of the protective task of criminal law in the conditions of the development of the social state and modern society is clarified.

Keywords: imprisonment; penitentiary criminopenology; penitentiary type of criminal behaviour; punishment; differentiation and individualisation of penitentiary repression.

Образец цитирования:

Шидловский АВ. Учение о лишении свободы как виде наказания в системе координат пенитенциарной криминопенологии. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2023;3:75–81.
EDN: QNAPUM

For citation:

Shidlovsky AV. The teaching about imprisonment of liberty as a form of punishment in the coordinate system of penitential criminopenology. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2023;3:75–81. Russian.
EDN: QNAPUM

Автор:

Андрей Викторович Шидловский – кандидат юридических наук, доцент; декан юридического факультета.

Author:

Andrey V. Shidlovsky, PhD (law), docent; dean of the faculty of law.
shidlovsky_a@mail.ru

Введение

Правовое регулирование лишения свободы как меры уголовно-пенальной ответственности не исчерпывается уголовно-правовыми нормами о ее назначении и (или) ином применении. Наказание лишением свободы сопряжено с комплексом регулирующих норм уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и иного отраслевого законодательства. Правовой статус лишения свободы охватывает нормы смежных отраслей и подотраслей законодательства.

Содержание охранительной задачи уголовного права в условиях современного общества и развития социального государства нуждается в определенном реформировании и расстановке новых акцентов. Конституционные преобразования в Республике Беларусь, бесспорно, вызвали необходимость уточнения охранительной задачи в уголовном законе в контексте обеспечения сохранения суверенитета и национальной идентичности, стабильного функционирования органов государственной власти, установления оптимального баланса государственно-частного партнерства, надлежащего гарантиро-

вания защиты прав и законных интересов человека в условиях интенсивной информатизации общества [1, с. 296–297]. Представляется, что важной составляющей этого процесса является криминопеналогический анализ содержания охранительной задачи уголовного права.

В настоящей статье эффективность выполнения охранительной задачи уголовного права таким видом наказания, как лишение свободы, рассматривается в ракурсе пенитенциарной криминопеналогии.

Содержание правового статуса лишения свободы анализируется с точки зрения параметров пенитенциарной криминопеналогии. Представляется, что границы дифференциации и индивидуализации уголовной пенитенциарной репрессии следует определять с учетом социальной, уголовно-политической, криминологической и уголовно-правовой обусловленности. Рассматриваются предмет и системообразующие компоненты пенитенциарной криминопеналогии как самостоятельного учения о наказании лишением свободы, а также уточняются ее основные параметры.

Основная часть

Вначале разберем понятийно-категориальный аппарат криминопеналогии. В монографии О. В. Старкова и С. Ф. Милюкова, посвященной системному исследованию проблем наказания на стыке криминологии и пеналогии, формулируется, что криминопеналогия «представляет собой учение о криминальных явлениях, возникающих в процессе исполнения уголовных наказаний, в разрезе их причинности и профилактики» [2, с. 7]. Криминопеналогия (лат. *criminae* – преступление, *poena* – наказание; др.-гр. *logos* – учение, теория, наука) является учением о преступлениях, совершенных во время исполнения наказания. В теории существует также понятие «пенитенциарная криминология» (лат. *poenitentiarius* – исправительный, покаянный) [2, с. 87], которое означает учение о преступных деяниях, осуществленных в процессе отбытия наказания лишением свободы в исправительных учреждениях. Представляется, что более точно в последнем случае говорить о таком направлении криминопеналогии, как пенитенциарная криминопеналогия.

В качестве предмета изучения пенитенциарной криминопеналогии, по нашему мнению, должна выступать преступность в местах лишения свободы (рецидив, иные преступления) не только под углом зрения изъянов в обеспечении целей уголовной ответственности, но и через призму уровней (своеобразного «лифта») эффективности наказательной репрессии лишением свободы с момента начала отбывания осужденным наказания по приговору суда вплоть до погашения или снятия судимости, т. е.

с учетом установленного законом периода после отбытия наказания.

Таким образом, криминопеналогия предполагает изучение всей наказательной, в том числе пенитенциарной, преступности и соответствующих мер государственного реагирования. Пенитенциарная криминопеналогия, как подсистема криминопеналогии, имеет характерные элементы. Условно во внутренней системе пенитенциарной криминопеналогии можно выделить общую и особенную части. Общая часть охватывает предмет пенитенциарной криминопеналогии, ее метод, систему, криминопеналогическую характеристику пенитенциарной преступности, причины и условия этого типа поведения, меры государственного воздействия на него (уголовно-правового, профилактического и иного характера), а также криминопеналогические особенности видов наказания, связанных с изоляцией осужденного от общества (по таким параметрам, как место в системе наказаний, функции наказания, его эффективность, характеристика осужденных и др.). Особенная часть пенитенциарной криминопеналогии включает описание различных типов пенального поведения (например, уклонения от отбывания соответствующего вида наказания). К проявлениям пенитенциарного преступного поведения, кроме того, относятся: побег из исправительного учреждения, арестного дома; злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения; действия, дезорганизующие работу исправительного учреждения; насильственные преступные деяния в отношении

других осужденных и сотрудников исправительно-го учреждения; деяния с запрещенными к обороту веществами и предметами и т. д.

Обобщенно можно сказать, что криминопенологию и пенитенциарную криминопенологию (как ее важнейшее направление) в качестве системы научного знания образует сочетание наук пенологического, криминального, социологического, педагогического и философского циклов.

Пенитенциарный период реализации лишения свободы как наказания начинается, как правило, с момента его фактического отбывания (исполнения). Вместе с тем этому периоду предшествуют пенитенциарная дифференциация, которая осуществляется законодателем в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК Беларуси), и ее судебная индивидуализация. В отдельных случаях предварительный пенитенциарный период реализации наказания в виде лишения свободы переносится на досудебный этап применения уголовно-правовых мер пресечения (например, заключение под стражу).

Проведем криминопенологический анализ пределов распространения охранительной задачи уголовного закона при установлении объема уголовной пенитенциарной репрессии при формировании санкции уголовно-правовой нормы. Для этого рассмотрим отдельные аспекты социальной и уголовно-политической обусловленности природы пенализации (депенализации) и особенности ее функционального влияния на законодательный процесс при установлении границ санкций статей Особенной части УК Беларуси и их содержания.

Существенные преобразования в части криминализации и пенализации, декриминализации и депенализации внес Закон Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» (далее – Закон № 112-З), который исключил из УК Беларуси 19 составов преступлений (ч. 1 и 2 ст. 179, ч. 2 ст. 265, ч. 1 ст. 272, ст. 273, ч. 1 ст. 274, ч. 1 ст. 278, ч. 1 ст. 281, ч. 1 ст. 282, ч. 1 ст. 282¹, ст. 283, ч. 1 и 2 ст. 351, ст. 353, ст. 415, 416, 417, 418 и 419). Этим же законом в УК Беларуси включены 16 статей, описывающих 28 составов преступлений, 7 из которых отнесены к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, 14 – к менее тяжким преступлениям и 7 – к тяжким преступлениям.

УК Беларуси дополнен новыми нормами, закрепляющими признаки различных форм экстремистской деятельности. Общественная опасность указанных проявлений экстремизма весьма велика, что обусловило установление в соответствующих санкциях наказания в виде лишения свободы на длительные сроки. Например, умышленные действия по реабилитации нацизма выражают крайнее пренебрежение к исторической памяти белорусского народа о победе над нацизмом, они недопустимы в современ-

ном цивилизованном обществе. В санкциях ст. 130-1 УК Беларуси сроки лишения свободы за реабилитацию нацизма в зависимости от наличия отягчающих обстоятельств распределены следующим образом: в ч. 1 предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до 5 лет (в основном составе преступления описывается уголовная противоправность самого деяния – любых умышленных действий по реабилитации нацизма), в ч. 2 – сроком от 3 до 10 лет (упоминаются эти же действия, соединенные с насилием либо совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий), в ч. 3 – сроком от 5 до 12 лет (говорится о тех же действиях, осуществленных группой лиц либо повлекших по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия). В санкциях квалифицированных составов преступлений (оба состава преступления отнесены к категории тяжкого преступления) лишение свободы закреплено на безальтернативной основе. Максимальный порог санкции в ч. 2 ст. 130-1 УК Беларуси указывает на то, что признак насилия охватывает любой его вид вплоть до причинения умышленного тяжкого телесного повреждения, предусмотренного ч. 1 и 2 ст. 147 УК Беларуси.

Некоторые составы преступлений, предусмотренные в УК Беларуси, за период его действия не имеют ни одного случая применения. Особенно это касается группы международных преступлений, к которым относятся преступления против мира и безопасности человечества, и военных преступлений (гл. 17, 18 разд. VI УК Беларуси). Вместе с тем в последнее время криминологическая информация о причинах и условиях совершения этих преступлений, состоянии, динамике, уровне и структуре данного типа преступности в Республике Беларусь начинает активно накапливаться. Однако следует заметить, что неполнота подобной информации существенно не отразилась на дифференциации уголовной наказуемости в УК Беларуси (ни до, ни после его принятия), которую надо признать вполне адекватной и справедливой с точки зрения общественной опасности таких посягательств в практике мирового масштаба.

Совокупность признаков конкретного общественно опасного деяния позволяет описать в законе результат криминализации, детализировать его типовую уголовно-правовую модель. Тем не менее перечисленные в законе признаки проявлений преступного поведения, особенно в формальных составах преступлений, которые называют только его внешние параметры (например, склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов), вряд ли что-либо криминологически объясняют. В материальных составах преступлений при их описании законодатель нередко прибегает к оценочным признакам (существенному вреду, тяжким последствиям и др.), что вызывает разночтения при толковании этих признаков в теории и на практике.

Вместе с тем современное состояние уголовного законодательства (с интенсификацией изменений в части криминализации и пенализации) и развитие сферы информационных отношений не позволяют всецело учесть возможные варианты общественно опасных последствий, которые могут иметь материальный и нематериальный характер. В связи с этим, как верно пишет Д. Г. Полещук, «обоснованное использование законодателем оценочных признаков обеспечивает технологическую нейтральность УК и стабильность его норм» [3, с. 811].

Признаки преступного деяния, констатирующие лишь конкретное нарушение, его последствия, в первую очередь описывают уголовную противоправность этого деяния и скорее являются его уголовно-правовой (законодательной) идентификацией, поэтому весьма сомнительно совокупно относить их к непосредственным критериям криминологической обоснованности дифференциации в нормах об уголовной ответственности. Объем причиненного преступным деянием вреда есть объективное мерило уголовной наказуемости, которое отражает количественную (внешнюю) сторону общественной опасности (например, водитель, садясь за руль автомобиля вместе со своей семьей, не задумывается о том, к каким последствиям могут привести его невнимательность, малейшая ошибка). Для целей обоснования дифференциации уголовной ответственности криминологический поиск следует вести внутри содержания материального признака (общественной опасности деяния), признака виновности и личностного портрета преступника.

В индивидуальной дорожной карте отбывания наказания в виде лишения свободы в зависимости от степени исправления осужденного и других условий закон допускает промежуточные корректировки в части объема наказательной репрессии: сокращение срока отбывания наказания (например, в результате акта амнистии или помилования), условно-досрочное освобождение от наказания, замену неотбытой части наказания более мягким его видом и т. д. Кроме того, после освобождения из исправительного учреждения в предусмотренных законом случаях за осужденным могут устанавливаться превентивный надзор, профилактическое наблюдение.

Актуальным для законодательной и правоприменительной практики Республики Беларусь является вопрос о правовом регулировании (возрождении) института замены назначенного по приговору суда наказания более строгим его видом, прежде все-

го наказанием в виде лишения свободы. Правовой статус лишения свободы в результате такой замены принципиально не трансформируется, но имеет свои особенности. Возможность названной замены была зафиксирована в редакции Закона № 112-З. Она предусмотрена в отношении таких видов наказания, как общественные работы (ч. 6 ст. 49 УК Беларуси), штраф (ч. 4 ст. 50 УК Беларуси), лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 6 ст. 51 УК Беларуси), исправительные работы (ч. 7 ст. 52 УК Беларуси) и ограничение свободы (ч. 8 ст. 55 УК Беларуси).

Следует отметить, что ранее в отечественном уголовном законодательстве существовал похожий подход к замене неотбытой части наказания более суровым его видом, а именно наказанием в виде лишения свободы. Так, прототипом норм УК Беларуси были нормы Уголовного кодекса Белорусской ССР (далее – УК БССР), предусмотренные в ст. 23-1 («Условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду») и 28 («Последствия злостного уклонения от отбывания исправительных работ без лишения свободы»), которые допускали замену неотбытой части наказания в виде назначенных по приговору мер лишением свободы¹. Особенностью замены наказания в указанном случае являлось назначение только наказания лишением свободы на неотбытый срок. В зарубежном уголовном законодательстве (например, в уголовных кодексах Австрии, Бельгии, Дании, Германии, Франции, Швеции) институт замены неотбытой части наказания более строгим его видом (лишением свободы) достаточно широко известен. В большинстве государств мира в случаях неуплаты штрафа предусмотрена его замена лишением свободы с учетом определенного порядка пересчета (например, в Австрии 1 день лишения свободы соответствует 2 дневным ставкам штрафа и т. д.) [4, с. 325].

Положения уголовного законодательства в редакции Закона № 112-З связаны с внедрением института перерасчета сроков наказания при его замене более строгим видом наказания в правоприменительную практику и адаптацией этого института к ней. В настоящее время правоприменитель сталкивается с существенными проблемами при толковании ряда новых уголовно-правовых норм (ч. 6 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 6 ст. 51, ч. 7 ст. 52, ч. 8 ст. 55 УК Беларуси).

Говоря о механизме замены наказания более строгим его видом при доказанном уклонении от отбывания наказания, по нашему мнению, следует

¹В ч. 6 ст. 23-1 УК БССР было предусмотрено следующее: «Если условно осужденный уклоняется от работы в месте, определенном органами, ведающими исполнением приговора, либо систематически или злостно нарушает трудовую дисциплину, общественный порядок или установленные для него правила проживания, он направляется по определению суда для отбывания лишения свободы, назначенного приговором». Согласно ч. 2 ст. 28 УК БССР в случае злостного уклонения лица, осужденного к исправительным работам без лишения свободы, от отбывания наказания суд может заменить неотбытый срок исправительных работ наказанием в виде лишения свободы на тот же срок. См. подробнее: Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР / сост.: А. В. Барков [и др.] ; под общ. ред. А. А. Здановича. 2-е изд., перераб. и доп. Минск : Беларусь, 1989. С. 52–57, 68–69.

исходить из тех порогов, которые установлены для соответствующего вида наказания, а также для условий его исполнения. Более строгое наказание при замене в таких случаях должно быть ощутимым для осужденного, нести усиленный карательный потенциал и иметь существенное исправительное и предупредительное воздействие. Например, за злостное уклонение от общественных работ осужденный может быть приговорен к аресту сроком на 3 мес. независимо от количества отработанного им времени (в ч. 6 ст. 49 УК Беларуси предусматривается замена наказания арестом из расчета 1 день ареста за 24 ч общественных работ или ограничением свободы из расчета 1 день ограничения свободы за 12 ч общественных работ); за злостное уклонение от исправительных работ – к ограничению свободы сроком на 2 года или к лишению свободы на тот же срок (в ч. 7 ст. 52 УК Беларуси полагается замена наказания арестом из расчета 1 день ареста за 3 дня исправительных работ на срок не свыше 3 мес. (несовершеннолетнему – на срок не свыше 2 мес.) или ограничением свободы из расчета 1 день ограничения свободы за 1,5 дня исправительных работ); за злостное уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы – к лишению свободы на срок, назначенный судом для ограничения свободы, с учетом отбытого срока наказания (в ч. 8 ст. 55 УК Беларуси предполагается замена наказания лишением свободы из расчета 1 день лишения свободы за 2 дня ограничения свободы).

Представляется, что обозначенная позиция не только упростит решение технической задачи по исчислению сроков и размеров наказания, но и обеспечит выполнение основной охранительной задачи уголовного права. Замена наказания более строгим его видом в случаях злостного уклонения осужденного от отбывания наказания, назначенного по приговору, должна иметь существенное исправительное и предупредительное воздействие на осужденного. Такой подход не противоречит правилам probation, признанным в мире в целом и в различных уголовно-правовых культурах в частности. Предлагаемый вариант решения соответствует положениям п. 14.1 и 14.4 Стандартных минимальных правил Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийских правил), в которых предусмотрено, что «при нарушении условий, подлежащих соблюдению правонарушителем, мера, не связанная с тюремным заключением, может быть изменена или отменена»², а наказание в виде тюремного заключения может налагаться только при отсутствии других подходящих альтернативных мер.

Важно вспомнить здесь положения ст. 23-1 и 28 УК БССР, закреплявшие систему норм – прототипов

реанимированного в уголовном законе института замены наказания более строгим его видом. Обновленная редакция УК Беларуси Законом № 112-3 показывает его преимущество УК БССР, в соответствии с которой закон допускает возможность изменения правового статуса осужденного без назначения наказания по новому обвинительному приговору. По этой причине следует считать новое наказание (более строгое) наказанием, назначенным осужденному впервые, в связи с его заменой в результате возникших обстоятельств. Виновный осужден за одно преступление, за которое назначено одно наказание с возможностью его последующего индивидуального изменения согласно лестнице наказаний. Корректировка наказания в процессе его исполнения с учетом изменения правовых последствий в части содержания (в сторону как послабления, так и ужесточения вплоть до замены наказания более строгим его видом) обусловлена в первую очередь поведением осужденного и его отношением к исправлению.

Следует обратить внимание на сущность положений ст. 400 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь («Обязательность исполнения приговора, определения, постановления суда»), в которой прямо закреплено, что «вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда обязательны для исполнения на территории Республики Беларусь всеми государственными органами, другими организациями, должностными лицами и гражданами». Так, за неисполнение должностным лицом вступившего в законную силу приговора, решения или иного судебного акта либо воспрепятствование их исполнению установлена ответственность по ст. 423 УК Беларуси. Для граждан такой ответственности не предусмотрено. В связи с этим ответственность граждан за неисполнение судебного акта (приговора) справедливо было бы закрепить в правовых нормах института замены наказания более строгим его видом на основании уклонения от отбывания назначенного наказания.

Порядок и условия назначаемого судом наказания, последствия уклонения от его отбывания, в том числе с перспективой замены наказания более строгим его видом, целесообразно разъяснять в суде при оглашении приговора. Это будет иметь необходимый предупредительный эффект и позволит избежать доказывания факта уклонения от отбывания наказания в правоприменительной практике. По нашему мнению, подобную рекомендацию следует регламентировать в уголовно-процессуальном законе.

Все преступления, совершенные после замены наказания более строгим его видом, или преступления, совершенные до вынесения приговора об осуждении лица к наказанию, влекут ответственность по совокупности приговоров или преступлений.

²Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) : приняты резолюцией Генер. Ассамблеи 45/110 14 дек. 1990 г. // Международные акты о правах человека : сб. док. / сост. [и вступ. ст.]: В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. М. : Норма, 2000. С. 222.

Представляется, что при замене соответствующего наказания (из вышеперечисленных видов наказания по УК Беларуси) более строгим его видом за уклонение от отбывания наказания на осужденного должны в полном объеме распространяться условия исполнения нового вида наказания и порядок его отбывания.

В юридической литературе отмечается, что условием эффективной дифференциации уголовной ответственности является наличие у законодателя полной и объективной информации о преступности [5, с. 19]. Так, Е. В. Рогова выделяет систему критериев социальной и криминологической обусловленности дифференциации уголовной ответственности и в качестве этих критериев называет характер и степень общественной опасности деяния, личность виновного и форму вины [5, с. 19–21]. Автор правильно разделяет уголовно-правовые критерии дифференциации уголовной ответственности и критерии ее социальной, криминологической обусловленности.

Большинство граждан интересуют ответы на вопросы, защищен ли человек от преступного беспредела и, если да, в какой степени. Обыватель, воспринимающий возмездие и уголовную кару как средства искоренения преступности, естественно, оправдывает репрессивность УК Беларуси, степень которой на порядок выше в сравнении со степенью репрессивности предшествующих уголовных кодексов. Например, максимальный срок лишения свободы за единичное преступление в УК Беларуси составляет 25 лет, тогда как в УК БССР – 15 лет. Вместе с тем УК Беларуси предусматривает пожизненное лишение свободы как исключительную меру наказания

и альтернативу смертной казни. В этой части уголовной наказуемости жесткость наказания законодателем, можно сказать, смягчается.

Изучение социальных факторов, объясняющих степень значимости в обществе того или иного объекта и составляющих его содержание элементов, позволяет более правильно и всесторонне подойти к поиску критериев, которые находятся в основе зарождения уголовно-правовых норм о наказуемости преступлений. Критерий социальной обусловленности норм, дифференцирующих уголовную ответственность, во многом формируется правосознанием населения. Вот почему реакция законодателя на реальную картину преступности должна соответствовать признаваемой обществом системе ценностей.

В качестве базового уголовно-правового критерия дифференциации уголовной ответственности в УК Беларуси на первое место выдвинута тяжесть преступления (характер и степень), основанная на свойствах нарушенного объекта (ценности, блага, интереса) и масштабе вреда, опасности деяния для общества³. Личность преступника также рассматривается как криминологический критерий законодательного ранжирования уголовной ответственности.

Важнейшим критерием криминологической обусловленности охранительной задачи уголовного права в части дифференциации в законе мер уголовной ответственности и уголовно-правового воздействия является криминологическое прогнозирование обеспечения правоприменительной индивидуализации меры уголовной ответственности и достижения ею обозначенных в законе целей в отношении виновного лица.

Заключение

Реализацию охранительной задачи уголовного закона следует рассматривать как главный вектор национальной уголовно-правовой политики, основанный на ценностной парадигме общественных отношений и обусловленный социальными и криминологическими факторами.

Пенитенциарная криминопенология, как самостоятельное направление учения о наказании лишением свободы, является подсистемой криминопенологии и имеет характерные элементы. Во внутренней структуре пенитенциарной криминопенологии можно выделить общую и особенную части. Общая часть охватывает предмет пенитенциарной криминопенологии, ее метод, систему, криминопенологическую характеристику пенитенциарной преступности, причины и условия этого типа поведения, меры государственного воздействия на него (уголовно-правового, профилактического и иного характера), а также криминопенологические особенности видов наказания, связанных с изоляцией осужденного от общества

(по таким параметрам, как место в системе наказаний, функции наказания, эффективность наказания, характеристика осужденных и пр.). Особенная часть включает описание различных типов пенального поведения (например, уклонение от отбывания соответствующего вида наказания, побег из исправительного учреждения, арестного дома, злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения и действия, дезорганизующие работу исправительного учреждения).

Пенитенциарную криминопенологию как важнейшее направление в системе научного знания о криминопенологии образует сочетание наук пенологического, криминального, социологического, педагогического и философского циклов.

Наказание лишением свободы сопряжено с комплексом регулирующих норм уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и иного отраслевого законодательства. Правовой статус лишения свободы дополняется нормами смежных отраслей

³Барков А. В. Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. : обзор. ст. // Уголов. кодекс Респ. Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. Минск : Амалфея, 1999. С. 3–4.

и подотраслей законодательства. Анализ лишения свободы как вида наказания в системе параметров пенитенциарной криминологии дает возможность определить его правовой статус как пенитенциарный тип уголовной ответственности.

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости разработки теоретических основ пенитенциарной криминологии, что послужит созданию предпосылок для всестороннего решения проблемы экономии уголовно-охранительного воздействия в части пенализации, в том числе рациональности

пенитенциарной репрессии на всех этапах ее регулирования (от установления объема уголовной пенитенциарной репрессии в начале формирования санкции уголовного закона до ее полной реализации по индивидуальной траектории в отношении конкретного осужденного). В связи с этим эффективность воздействия наказания в виде лишения свободы следует оценивать в системе параметров пенитенциарной криминологии через возможность индивидуальной корректировки его содержания по отношению к конкретному осужденному.

Библиографические ссылки

1. Шидловский АВ. *Дифференциация и индивидуализация лишения свободы: правовое и криминологическое обеспечение*. Минск: Колорград; 2022. 351 с.
2. Старков ОВ, Милуков СФ. *Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс; 2001. 461 с.
3. Полещук ДГ. Оценочные признаки составов преступлений против компьютерной безопасности: проблема понимания в теории и на практике. В: Карпович НА, редактор. *Право в современном белорусском обществе. Выпуск 17*. Минск: Колорград; 2022. с. 800–814.
4. Додонов ВН. *Сравнительное уголовное право. Общая часть*. Щерба СП, редактор. Минск: Юрлитинформ; 2009. 448 с.
5. Рогова ЕВ. *Учение о дифференциации уголовной ответственности* [диссертация]. Москва: Академия управления МВД России; 2014. 596 с.

References

1. Shidlovsky AV. *Differentsiatsiya i individualizatsiya lisheniya svobody: pravovoye i kriminologicheskoye obespecheniye* [Differentiation and individualisation of imprisonment: legal and criminological support]. Minsk: Kolorgrad; 2022. 351 p. Russian.
2. Starkov OV, Milyukov SF. *Nakazaniye: ugovovno-pravovoi i kriminopenologicheskii analiz* [Punishment: criminal law and criminological analysis]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2001. 461 p. Russian.
3. Poleshchuk DG. [Evaluative characteristics of crimes against computer security: the problem of understanding in theory and practice]. In: Karpovich NA, editor. *Pravo v sovremennom belorusskom obshchestve. Vypusk 17* [Law in modern Belarusian society. Issue 17]. Minsk: Kolorgrad; 2022. p. 800–814. Russian.
4. Dodonov VN. *Sravnitel'noye ugovovnoye pravo. Obshchaya chast'* [Comparative criminal law. A common part]. Shcherba SP, editor. Minsk: Yurlitinform; 2009. 448 p. Russian.
5. Rogova EV. *Uchenie o differentsiatsii ugovovnoi otvetstvennosti* [The teaching about differentiation of criminal liability] [dissertation]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2014. 596 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.11.2023.
Received by editorial board 14.11.2023.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО И АГРАРНОЕ ПРАВО

ENVIRONMENTAL LAW, NATURAL RESOURCES LAW AND AGRARIAN LAW

УДК 349.6

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СЕТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. А. ЖЛОБА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются организационно-правовые проблемы формирования (расширения) национальной экологической сети в Республике Беларусь. Устанавливаются цели и условия создания национальной экологической сети как сложного агрегирующего объекта экологических правоотношений, а также процедура включения природоохранных территорий в нее. Посредством анализа действующего законодательства определяются проблемы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: национальная экологическая сеть; национальный парк; особо охраняемая природная территория; природоохранная территория; охрана окружающей среды.

Образец цитирования:

Жлоба АА. Организационно-правовые проблемы формирования национальной экологической сети в Республике Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2023;3:82–88.
EDN: OILTVE

For citation:

Zhloba AA. Organisational and legal issues of formation of the national ecological network in the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2023;3:82–88. Russian.
EDN: OILTVE

Автор:

Альберт Анатольевич Жлоба – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Author:

Albert A. Zhloba, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.
albert.zhloba@gmail.com

ORGANISATIONAL AND LEGAL ISSUES OF FORMATION OF THE NATIONAL ECOLOGICAL NETWORK IN THE REPUBLIC OF BELARUS

A. A. ZHLOBA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to organisational and legal issues of formation (expansion) of the national ecological network in the Republic of Belarus. The author establishes the goals and conditions for the creation of the national ecological network as a complex aggregating object of environmental legal relationship, the procedure for inclusion of protected natural areas into it. Analysing the current legislation, the author defines the problems and suggests ways to solve them.

Keywords: national ecological network; national park; especially protected natural area; protected natural area; environmental protection.

Введение

Одним из эффективных способов охраны окружающей среды является формирование национальной экологической сети. Ее правовой режим в общем виде определен в Законе Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды». Вместе с тем, учитывая более чем десятилетнюю историю существования рассматриваемой правовой категории, можно сказать, что правовое положение национальной экологической сети как самостоятельного объекта экологических правоотношений весьма ограничено [1, с. 97]. Так, до настоя-

щего времени в правовом режиме национальной экологической сети не определено значительное число элементов, которые присутствуют в правовом режиме иных объектов экологических правоотношений, например входящих в состав этой сети. Данное исследование направлено на разработку имеющих теоретическое и практическое значение рекомендаций по дополнению правового режима национальной экологической сети такой группой его элементов, как организационно-правовое обеспечение создания национальной экологической сети.

Основная часть

Эффективность функционирования национальной экологической сети изначально связывается с постановкой и решением проблемы целей, условий и порядка создания данной формы охраны природной среды и ее отдельных элементов. Основная цель объявления рассматриваемого объекта вытекает из его легального определения в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» и заключается в сохранении биологического и ландшафтного разнообразия.

Понятие «биологическое разнообразие» было впервые дано в Конвенции о биологическом разнообразии, ратифицированной Республикой Беларусь в 1993 г. Биологическое разнообразие объединяет все виды растений, животных и микроорганизмов, а также включающие их экосистемы. В нем выделяются три самостоятельных, но взаимосвязанных уровня: генетическое разнообразие в рамках вида, разнообразие между видами и разнообразие экосистем, представляющих собой среду обитания для биологических видов. Законодательство Республики Беларусь идентично раскрывает значение термина «биологическое разнообразие». Так, в соответствии

с Концепцией национальной системы обеспечения биологической безопасности, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 марта 2022 г. № 161, биологическое разнообразие – это разнообразие живых организмов в рамках вида и между видами, а также разнообразие экосистем.

Кроме того, закон предусматривает сохранение ландшафтного разнообразия в качестве цели создания национальной экологической сети. «Ландшафтное разнообразие» – сравнительно давнее понятие, содержание которого осмыслено и раскрыто все еще не полностью. Его определение можно найти в Общеввропейской стратегии в области биологического и ландшафтного разнообразия, текст которой был принят на Конференции министров «Окружающая среда для Европы» и одобрен 55 государствами 25 октября 1995 г.¹ Под ландшафтным разнообразием подразумевается формальное выражение многочисленных связей, существующих в данный период между индивидуумом или обществом и топографически очерченной территорией, внешнее проявление которых является результатом воздействия во времени природных и человеческих факторов и их комбинации.

¹The Pan-European Biological and Landscape Diversity Strategy, a vision for Europe's natural heritage. Strasbourg : Council of Europe Press, 1996. 50 p.

Дополнительные цели создания национальной экологической сети можно сформулировать исходя из анализа правовых норм, касающихся режима отдельных ее элементов. Они делятся на три группы: природоохранные цели, социально-экономические цели и информационные цели.

К природоохранным целям относятся сохранение уникальных и типичных природных объектов и комплексов, восстановление нарушенных природных объектов и комплексов, обеспечение экологического равновесия в конкретной местности.

Социально-экономическими являются просветительно-образовательная, эстетическая, рекреационная и экономическая цели. В рамках просветительно-образовательной цели охраняемые природные объекты и комплексы – это предмет показа, изучения и, возможно, характеристики тех или иных природных свойств отдельных элементов национальной экологической сети. Данная цель достигается разными способами, которые можно разделить на внешние и внутренние. Внешние способы заключаются в демонстрации научно-популярных программ по телевидению, издании научно-популярных книг, опубликовании статей в периодических изданиях, выпуске брошюр, буклетов, плакатов и сборников, а также в выступлениях по радиовещанию. Внутренние способы реализуются непосредственно на природоохранных территориях, формирующих национальную экологическую сеть, и включают культурные и образовательные программы, экскурсии по местам, представляющим культурно-исторический или экологический интерес. Для осуществления этой цели создаются различные школы и центры. Эстетическая цель предполагает возможность получения удовольствия (прямого или косвенного посредством средств массовой информации) от красот и достоинств естественной природы объектов национальной экологической сети. Рекреационная цель реализуется в границах отдельных элементов национальной экологической сети в форме регулируемого туризма, отдыха и оздоровления. Экономическая цель подразумевает получение доходов от подсобного хозяйства, регуляционных мероприятий, экологического туризма, передачи во временное пользование информационных ресурсов.

Выделение экономической цели связано с тем, что в современных условиях полностью изымать охраняемые природные объекты и комплексы из хозяйственного оборота нецелесообразно и неэффективно. Так, режим ограниченной хозяйственной и иной деятельности действует в рамках особо охраняемых природных территорий, а также территорий радиоактивного загрязнения, составляющих 9,1 и 12,3 % от площади страны соответственно². В свя-

зи с этим жизненно важно, чтобы объекты национальной экологической сети органично вписывались в местную социально-экономическую систему. Только так, на наш взгляд, можно обеспечить устойчивое существование данных объектов без ущерба для их ключевой цели – сохранения природных объектов и комплексов.

Основная часть природоохранных территорий, образующих национальную экологическую сеть, расположена в густонаселенных регионах. По этой причине реализация социально-экономических целей должна непосредственно влиять на качество жизни населения, обитающего в границах таких территорий и рядом с ними, и на уровень его экологической культуры, а также при правильном подходе обеспечивать получение дополнительных материальных средств, необходимых в том числе для осуществления задач по охране природной среды.

Информационные цели выражаются в возможности получения данных о состоянии и динамике охраняемых природных объектов и комплексов, иных сведений, которые служат базой научного обоснования различных решений по реализации первых двух групп целей, а также в способности информационного обеспечения устойчивого долгосрочного природопользования. Деятельность по достижению данной цели координируется Национальной академией наук Беларуси и научно-техническими советами при государственных природоохранных учреждениях, осуществляющих управление некоторыми природоохранными территориями.

Следует отметить, что при создании объектов национальной экологической сети и в их деятельности экологические интересы имеют приоритет перед социально-экономическими интересами, происходит деление целей на основные (природоохранные) и второстепенные (социально-экономические).

Некоторые российские авторы, анализируя правовую режим отдельных категорий природоохранных территорий, выделяют три группы целей их создания. Данные цели располагаются в определенном порядке по степени приоритетности (социальные (важнейшие), природоохранные и научно-исследовательские) [2, с. 20]. Однако такая последовательность характерна для природных территорий, не представляющих большой ценности в качестве объектов национальной экологической сети (например, для парков, скверов, бульваров).

Другие исследователи делят цели на общие синтетические (сохранение природного баланса и биоразнообразия, предотвращение ущерба от неадекватной эксплуатации и косвенного антропогенного воздействия), ресурсные (ресурсоохранные, ресурсобогащающие, ресурсовосстановительные) и со-

²Особо охраняемые природные территории Беларуси // БелТА : сайт. URL: <https://www.belta.by/infographica/view/osoboohranjaemye-prirodnye-territorii-belarusi-33626> (дата обращения: 16.10.2023) ; Площадь загрязнения Беларуси цезием-137 сократилась практически вдвое // Там же. URL: <https://www.belta.by/society/view/ploschad-zagriznenija-belarusi-tseziem-137-sokratilas-prakticheski-vdvoe-562540-2023> (дата обращения: 16.10.2023).

циально-экономические (информационные, просветительские, рекреационные, эксплуатационные)³. Такая классификация, на наш взгляд, усложняет понимание рассматриваемого вопроса.

Эффективность достижения основной цели национальной экологической сети напрямую зависит от четкости определения условий включения природоохранных территорий в нее. Исследуя правовые нормы, которые касаются режима национальной экологической сети и относящихся к ней различных категорий природоохранных территорий, можно выделить условие реальности создания объекта национальной экологической сети и условие его целесообразности.

Условие реальности означает, что системно-экологические, социально-экономические и политические факторы конкретной местности в частности и Республики Беларусь в целом позволяют организовать конкретный объект и включить его в национальную экологическую сеть. В случае если тот или иной участок природы, который планируется объявить природоохранной территорией, не соответствует определенному условию, возможность установления данной формы территориальной охраны природной среды исключается до тех пор, пока это условие не перестанет нарушаться (например, событие природного характера приводит к образованию уникального ландшафта, имеющего большую природоохранную, научную, просветительскую и рекреационную ценность) [3, с. 57].

Системно-экологические условия – это условия природного характера, к которым относятся:

- условие ценности (наличие природных объектов и комплексов, которые имеют большое природоохранное значение (уникальность или типичность природных объектов и комплексов; наличие путей миграции и расселения диких животных и дикорастущих растений или природных объектов и комплексов, существенно не измененных современным антропогенным воздействием или использованием; относительно обширная территория и др.);
- условие системности (включение в национальную экологическую сеть только тех природных территорий, которые вносят существенный вклад в достижение основной цели ее функционирования и у которых имеются территориальные связи с другими элементами сети).

Названные условия являются обязательными и вытекают из норм, зафиксированных в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 26 ноября 2010 г. № 1733 «Об установлении требований к содержанию схемы национальной экологической сети и критериев выбора территорий для включения в национальную экологическую сеть».

Социально-экономические условия характеризуют возможность интеграции будущего объекта

национальной экологической сети в местную социально-экономическую систему, а также принятия решения о прекращении или ограничении хозяйственного использования природных ресурсов для сохранения последних с учетом интересов местного населения.

Системно-экологические и социально-экономические условия могут детализироваться в нормативных правовых актах, устанавливающих критерии создания отдельных категорий природоохранных территорий. Так, согласно ст. 23 Закона Республики Беларусь от 15 ноября 2018 г. № 150-З «Об особо охраняемых природных территориях» (далее – Закон № 150-З) одним из специальных критериев при выборе природных территорий для объявления их национальным парком выступает наличие природных комплексов и объектов, обладающих высоким туристско-рекреационным потенциалом.

Политические условия означают, что должна существовать воля полномочного государственного органа на создание соответствующей природоохранной территории и ее включение в национальную экологическую сеть. В общем виде такая воля выражена в схеме национальной экологической сети. В конкретных случаях она проявляется в принятии полномочным государственным органом решения об объявлении определенной природоохранной территории и включении ее в национальную экологическую сеть. В данной ситуации политическая воля может быть определена в схемах рационального размещения особо охраняемых природных территорий республиканского или местного значения, принятием которых государство подчеркивает стремление создать указанные в них природоохранные территории.

Условие целесообразности заключается в проверке участка природы, который планируется объявить природоохранной территорией определенной категории и вида, на предмет необходимости создания такого объекта в данном месте в конкретное время и установления соответствующего режима охраны и использования.

Вместе с тем в законодательстве Республики Беларусь отсутствует комплексная регламентация порядка создания объекта национальной экологической сети, включая вопросы выбора участка природы под него. Можно воспользоваться отечественным опытом правового регулирования отношений в области объявления особо охраняемых природных территорий на примере национальных парков. Процедура создания национального парка, по нашему мнению, делится на следующие стадии: выбор участка природы, его резервирование, подготовку представления об объявлении национального парка и внесение его на рассмотрение соответствующего государственного органа, издание компетентными государственными

³Заповедное дело : толковый терминологический справочник с комментариями. / В. В. Дежкин, В. В. Снакин. М. : НИИ-Природа, 2003. 306 с.

органами решения об объявлении национального парка, отвод участка природы в натуре и правовое закрепление предоставления его в пользование, формирование органов управления и инфраструктуры национального парка.

Первая стадия не является обязательной в случае преобразования соответствующей охраняемой территории в национальный парк [4, с. 69]. При выборе участка природы важно выявить его естественные свойства, место расположения и размер. На данном этапе определяются конкретные дополнительные цели, на реализацию которых будет направлено объявление национального парка, а также предварительно устанавливается, имеются ли условия для создания национального парка. Особое внимание уделяется выявлению факторов, призванных обеспечить естественный ход природных процессов. Большое значение имеет степень освоенности человеком соседней местности. Размеры должны быть такими, при которых нормальное функционирование экосистемы может считаться обеспеченным. Обычно это устанавливается различными научными учреждениями и учебными заведениями соответствующего профиля по договору на выполнение научно-исследовательских работ с инициатором процесса объявления.

Вторая стадия, согласно действующему законодательству Республики Беларусь, необязательна, но при этом она играет важную роль в обеспечении возможности организации национальных парков и эффективного управления ими. В соответствии со ст. 15 Закона № 150-3 резервирование территорий, которые планируется объявить особо охраняемыми, осуществляется для предотвращения утраты (нарушения или уничтожения) ценных природных комплексов и объектов в результате хозяйственной и иной деятельности согласно схеме рационального размещения особо охраняемых природных территорий решением областного исполнительного комитета, Минского городского исполнительного комитета по представлению Министерства природных ресурсов и окружающей среды Республики Беларусь (далее – Минприроды) (объекты республиканского значения) или городского, районного исполнительных комитетов по представлению областного комитета, Минского городского комитета природных ресурсов и охраны окружающей среды (объекты местного значения). Границы, площадь резервируемой территории и список землепользователей, земельные участки (их части) которых включаются в состав земель этой территории, устанавливаются решением о ее резервировании по согласованию с землепользователями и учитываются при разработке и реализации проектов и схем землеустройства, градостроительных и лесоустроительных проектов, а также проектов мелиорации земель и т. д. Земли в границах зарезервированных территорий не изымаются у землепользователей и эксплуатируются по целевому назначению с соблюдением режима охраны

и использования этих территорий, установленного в п. 5 ст. 15 Закона № 150-3.

Подготовка представления об объявлении национального парка осуществляется, как правило, Минприроды. В случае преобразования территории в национальный парк подготовка представления обеспечивается Управлением делами Президента Республики Беларусь или иным республиканским органом государственного управления, в ведении которого находится такая территория. В последнем случае процедура несколько усложняется, так как требуется дополнительное согласование материалов и документов с Минприроды. Эту стадию процедуры организации национального парка условно можно разбить на два этапа: разработку необходимых документов и согласование отдельных документов.

Инициатором подготавливаются следующие документы и материалы: проект решения компетентного государственного органа об объявлении (преобразовании) национального парка; научное и технико-экономическое обоснование (НиТЭО) объявления (преобразования) национального парка, включая краткое изложение НиТЭО и карту-схему с нанесенными границами национального парка и его зон, а также охранной зоны.

Разработка НиТЭО объявления (преобразования) национального парка является требованием законодательства Республики Беларусь. Она осуществляется на договорной основе юридическими лицами, ведущими научную деятельность. В НиТЭО содержится важная информация об особенностях размещения, физико-географических условиях, биологическом и ландшафтном разнообразии национального парка, факторах, оказывающих вредное воздействие на его экосистемы, ценные природные комплексы и объекты. В нем обосновывается необходимость объявления (преобразования) национального парка, его границ, соответствующего правового режима, установления охранной зоны. Кроме того, в НиТЭО описываются социально-экономический и историко-культурный потенциал территории, ее туристические и рекреационные ресурсы. Так, характеристика социально-экономического потенциала национального парка включает перечни населенных пунктов, основных объектов транспортной и инженерной инфраструктуры, разведанных месторождений полезных ископаемых в границах национального парка и на прилегающих к нему территориях, а также сведения о геологических и горных отводах, землях сельскохозяйственного назначения, сельскохозяйственных и промышленных предприятиях, иных производственных объектах и т. д. Таким образом, разработка НиТЭО позволяет проверить наличие системно-экологических и социально-экономических условий и определить целесообразность создания природоохранной территории.

Согласованию с землепользователями, земельные участки (их части) которых планируется включить

в состав земель национального парка, территориальным органом Минприроды, городским, районным исполнительными комитетами (в том числе со структурными подразделениями в области землеустройства, архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, сельского хозяйства и продовольствия) подлежат карта-схема национального парка и перечень участков, на которых устанавливаются соответствующие ограничения и запреты. Согласование карты-схемы национального парка дополнительно проводится с республиканской организацией по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним.

Затем представление со всеми приложениями вносится на рассмотрение соответствующего государственного органа. Субъектом принятия решения об объявлении (преобразовании) национального парка является Президент Республики Беларусь. Ретроспективный анализ законодательства об особо охраняемых природных территориях свидетельствует о том, что территории, в границах которых земельные участки полностью или частично изымаются у землепользователей, объявляет Президент Республики Беларусь, а иные территории в зависимости от их значимости – Правительство Республики Беларусь, Минприроды или местные органы. В случае положительного рассмотрения материалов и документов Президент Республики Беларусь, как правило, издает указ, которым утверждаются: границы, площадь и состав земель национального парка и его охранной зоны; границы, площадь и состав земель зон национального парка; положение о национальном парке; режим охраны и использования охранной зоны национального парка. Дополнительно в нем определяются: управляющий орган; сроки создания государственного природоохранного учреждения, осуществляющего управление национальным парком; источники финансирования функционирования и охраны национального парка,

создания и деятельности государственного природоохранного учреждения, а также мероприятий, связанных с объявлением национального парка.

Положение о национальном парке разрабатывается тем государственным органом, который вносит представление. В случае если этим органом является не Минприроды, требуется согласование положения с ним. Фактически этот документ основывается на НитЭО. В нем определяются категория особо охраняемой природной территории, место ее размещения, цели, ставящиеся при объявлении национального парка, а также режим охраны и использования этой территории и иные вопросы, решение которых необходимо для обеспечения ее функционирования.

Приведенная выше схема организации природоохранной территории требует больших временных и материальных затрат. Часто она начинает функционировать без определения инфраструктуры и вспомогательных направлений деятельности, т. е. имеются экологические и политические условия ее создания при полном или частичном отсутствии социально-экономических условий, что не способствует эффективной реализации целей создания такой территории. В связи с этим целесообразно предусмотреть обязанность государственных органов и иных организаций, осуществляющих подготовку документации об объявлении природоохранной территории, по уведомлению Министерства культуры Республики Беларусь, Министерства спорта и туризма Республики Беларусь, Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь, Министерства образования Республики Беларусь и других государственных органов, включая местные, о том, чтобы своевременно запланировать в своих программах средства для развития искомой природоохранной территории. Похожий подход ранее пыталось использовать Минприроды при подготовке к созданию новых национальных парков⁴.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать некоторые выводы и сформулировать следующие предложения по совершенствованию организационно-правового обеспечения режима национальной экологической сети, касающиеся процессов ее формирования и расширения.

1. При оптимизации отношений в рассматриваемой сфере нужно исходить из суждения о минимально необходимых стадиях создания природоохранной территории, таких как выбор участка природной среды, разработка представления об объявлении объекта, включая подготовку НитЭО, а также принятие решений о создании объекта и его включении в национальную экологическую сеть.

2. Выбор участка среды под природоохранную территорию основывается на критериях, предусмотренных законодательством для соответствующей категории такой территории. На наш взгляд, общим критерием, учитываемым при создании любой природоохранной территории, наряду с наличием территориальных связей с элементами национальной экологической сети, следует считать системный вклад объекта в сохранение биологического и ландшафтного разнообразия. В целях обеспечения рационального подхода к территориальной охране природной среды на рассматриваемой стадии объявления природоохранной территории важно проверить объект на соответствие критериям, закрепленным в постановлении

⁴Куклов В. Какой быть белорусской Швейцарии? // Нар. газ. 2004. 8 окт. С. 7, 9.

Совета Министров Республики Беларусь от 20 ноября 2010 г. № 1733 «Об установлении требований к содержанию схемы национальной экологической сети и критериев выбора территорий для включения в национальную экологическую сеть» для отдельных элементов национальной экологической сети.

3. Для предотвращения утраты ценных природных комплексов и объектов в границах потенциальных природоохранных территорий важно предусмотреть возможность резервирования обозначенных территорий. В случае если соответствующий участок природной среды удовлетворяет критериям включения в зону ядра национальной экологической сети, необходимо ввести обязательную процедуру резервирования.

4. Неотъемлемой частью процесса образования природоохранной территории и включения ее в национальную экологическую сеть должна стать подготовка НитЭО, в рамках которой подтверждаются основные и второстепенные цели и условие реальности объявления объекта, а также обосновывается соответствие объекта условию целесообразности его создания.

5. Принятие решения о создании природоохранной территории следует подчинить правилу, выведенному в ходе ретроспективного анализа специального экологического законодательства:

при необходимости изъятия (полного или частичного) земельных участков под потенциальную природоохранную территорию решение принимается Президентом Республики Беларусь, в иных случаях – Правительством Республики Беларусь, Минприроды Республики Беларусь или местным органом в зависимости от значимости природной территории.

6. Решение о включении природоохранной территории в национальную экологическую сеть в настоящее время может быть принято только Президентом Республики Беларусь. Это связано с тем, что расширение данной сети юридически возможно посредством обновления схемы национальной экологической сети, утверждаемой Президентом Республики Беларусь.

7. В целях формирования инфраструктуры природоохранных территорий в случаях, предусмотренных национальным законодательством, при подготовке документации на их объявление целесообразно предусмотреть обязанность государственных органов и иных организаций, которые обеспечивают разработку данной документации, по уведомлению профильных министерств, ведомств и местных органов о необходимости запланировать в своих программах средства для развития искомой природоохранной территории.

Библиографические ссылки

1. Жлоба АА. Национальная экологическая сеть как объект экологических правоотношений. В: Макарова ТИ, редактор. *Роль юридической науки в достижении целей устойчивого развития. Материалы круглого стола, приуроченного к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Республики Беларусь С. А. Балашенко; 3 октября 2022 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2023. с. 96–100.
2. Николаевский АГ. Социально-экономическая эффективность национальных парков и методические подходы к ее определению. В: Язан ЮП, редактор. *Организация национальных парков СССР*. Вильнюс: Минтис; 1982. с. 19–30.
3. Жлоба АА. Организационно-правовые проблемы создания национальных парков в Республике Беларусь. *Юридический журнал*. 2005;4:55–59.
4. Окорочкова ЛЯ. Правовой режим заповедников. *Советское государство и право*. 1974;7:66–74.

References

1. Zhloba AA. [National ecological network as an object of environmental legal relations]. In: Makarova TI, editor. *Role of juridicheskoi nauki v dostizhenii tselei ustoichivogo razvitiya. Materialy kruglogo stola, priurochennogo k yubileyu doktora yuridicheskikh nauk, professora, zaslužennogo yurista Respubliki Belarus' S. A. Balashenko; 3 oktyabrya 2022 g.; Minsk, Belarus'* [The role of legal science in achieving sustainable development goals. Proceedings of the round table dedicated to the anniversary of doctor of law, professor, honoured lawyer of the Republic of Belarus S. A. Balashenko; 2022 October 3; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2023. p. 96–100. Russian.
2. Nikolaevskii AG. [Socio-economic efficiency of national parks and methodical approaches to its determination]. In: Yazan YuP, editor. *Organizatsiya natsional'nykh parkov SSSR* [Organisation of national parks of the USSR]. Vilnius: Mintis; 1982. p. 19–30. Russian.
3. Zhloba AA. [Organisational and legal problems of creating national parks in the Republic of Belarus]. *Yuridicheskii zhurnal*. 2005;4:55–59. Russian.
4. Okorokova LYa. [Legal regime of nature reserves]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1974;7:66–74. Russian.

Статья поступила в редколлегию 17.10.2023.
Received by editorial board 17.10.2023.

УДК 349.42(476)

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

И. П. КУЗЬМИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются правовые основы обеспечения устойчивого развития сельских территорий в государствах – членах Евразийского экономического союза. Выявлены общие ключевые тенденции формирования законодательства с учетом исторических предпосылок и особенностей проводимой государственной аграрной политики в данной сфере. Представлена авторская классификация правовых моделей обеспечения устойчивого развития сельских территорий, сформулирован вывод о выборе наиболее оптимальной для Республики Беларусь правовой модели будущего сельских территорий.

Ключевые слова: аграрное законодательство; государственная аграрная политика; государства – члены Евразийского экономического союза; правовая модель; сельское хозяйство; сельские территории; устойчивое развитие.

LEGAL SUPPORT FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION STATES

I. P. KUZMICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyses the legal framework for sustainable development of rural areas in the Eurasian Economic Union states. The general key trends in the development of legislation have been identified, taking into account the historical background and peculiarities of the state agrarian policy. The author's classification of legal models of ensuring sustainable development of rural territories is presented, the conclusion about the choice of the most optimal legal model of rural development for the Republic of Belarus is formulated.

Keywords: agrarian legislation; state agrarian policy; Eurasian Economic Union states; legal model; agriculture; rural areas; sustainable development.

Введение

Поиску механизмов и способов обеспечения устойчивого развития сельских территорий посвящены многочисленные исследования в рамках юри-

дической, экономической, социальной и иных наук [1–6], что обусловлено как сложностью объекта исследования, так и безальтернативностью применения

Образец цитирования:

Кузьмич ИП. Правовое обеспечение устойчивого развития сельских территорий в государствах – членах Евразийского экономического союза. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2023;3:89–96. EDN: OOTALY

For citation:

Kuzmich IP. Legal support for sustainable development of rural areas in the Eurasian Economic Union states. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2023;3:89–96. Russian. EDN: OOTALY

Автор:

Ирина Петровна Кузьмич – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Author:

Iryna P. Kuzmich, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agricultural law, faculty of law.
i.kuzmich@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-5101-5902>

комплексного и системного подхода к решению проблем, характерных для сельских территорий. В контексте юридической науки первостепенным является формирование эффективной правовой основы, создающей благоприятные социально-экономические условия для проживания граждан в сельской местности. С учетом неоднородности и разнообразия рассматриваемых общественных отношений достижение обозначенной цели не может быть обеспечено нормами отдельной отрасли права или законодательства. Чаще всего авторы исследований в рамках данной проблематики отмечают необходимость совершенствования юридической терминологии, специального правового регулирования в указанной сфере, разработки региональных программ

по комплексному развитию конкретных территорий и правового механизма государственной поддержки местных инициатив граждан, проживающих в сельской местности, подчеркивая влияние различных отраслей законодательства на сельские территории, а также значимость выделения последних в качестве самостоятельного объекта правоотношений и формирования соответствующего правового института [7–12]. В условиях проведения согласованной агропромышленной политики на территории Евразийского экономического союза накопленный опыт регулирования отношений в сфере обеспечения устойчивого развития сельских территорий в государствах – членах ЕАЭС приобретает особую актуальность.

Основная часть

С учетом тесной связи и взаимозависимости между селом и агропромышленным комплексом правовое обеспечение устойчивого развития сельских территорий осуществляется, как правило, в рамках реализуемой государственной аграрной политики. Так, Указом Президента Республики Беларусь от 17 июля 2014 г. № 347 «О государственной аграрной политике»¹ устойчивое развитие сельских территорий обозначено в качестве одной из ключевых целей государственной аграрной политики, что является закономерным продолжением применения комплексного и системного подхода к решению проблем села и аграрной отрасли. Одним из первых актов аграрного законодательства стал Закон Республики Беларусь от 29 мая 1991 г. № 822-ХІІ «О приоритетном социально-культурном и экономическом развитии села и агропромышленного комплекса»², который заложил правовую основу формирования государственной аграрной политики в новых социально-экономических условиях становления Республики Беларусь как самостоятельного и независимого государства. С этого момента сельское хозяйство, агропромышленный комплекс, село и сельские территории стали объектами регулирования множества комплексных нормативных правовых актов, принимаемых в рамках реализации государственной аграрной политики, а также большинства программных документов в данной сфере³.

Таким образом, традиционно устойчивое развитие сельских территорий рассматривается в качестве одной из главных целей государственной аграрной политики [12; 13], что имеет под собой правовую основу.

Однако влияние аграрного законодательства на развитие сельской местности заметно ослабевает в условиях технологического перевооружения аграрной отрасли и, как следствие, сокращения возможностей трудоустройства сельского населения в сфере производства сельскохозяйственной продукции. В современных условиях безальтернативность аграрной занятости становится существенной проблемой, препятствующей формированию финансовой самостоятельности и устойчивому развитию сельских территорий [14, с. 38], а следовательно, возникает очевидная потребность в разработке новой правовой модели обеспечения благополучия населения в сельской местности. При этом процесс диверсификации сельской экономики выступает одним из важнейших способов ее решения. Он охватывает следующие мероприятия:

- формирование благоприятных правовых условий для перемещения бизнеса из крупных населенных пунктов в сельскую местность;
- обеспечение количественного роста субъектов малого предпринимательства на территории сельской местности, в том числе посредством стимулирования создания рабочих мест в несельскохозяйственных сферах деятельности;
- предоставление физическим лицам возможности реализации своих способностей с учетом преимуществ проживания в сельской местности в рамках установления упрощенного правового режима (без статуса индивидуального предпринимателя (агротуризм, ремесленная деятельность, выпас скота, дробление зерна и др.);)

¹О государственной аграрной политике [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 17 июля 2014 г. № 347 : с изм. и доп. // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

²О приоритетном социально-культурном и экономическом развитии села и агропромышленного комплекса [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 29 мая 1991 г. № 822-ХІІ // Там же.

³О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь от 4 марта 2019 г. № 6 // Там же ; О Государственной программе возрождения и развития села на 2005–2010 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 25 марта 2005 г. № 150 // Там же ; О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 15 дек. 2017 г. № 962 // Там же.

• вовлечение новых субъектов в экономические отношения и организацию инфраструктуры в сельской местности для решения проблемы пустующих и ветхих домов.

Тем не менее государственная аграрная политика остается важным и наиболее эффективным направлением, в правовом поле которого возможна максимально полная и системная консолидация правовых и финансовых инструментов, нацеленных на обеспечение устойчивого развития сельских территорий. И опыт зарубежных стран подтверждает данный вывод.

В настоящее время правовая основа аграрной политики большинства государств – членов ЕАЭС определена в специализированных законах. В Российской Федерации и Кыргызской Республике это закон о развитии сельского хозяйства⁴, а в Республике Казахстан – закон о государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий⁵. Исключения составляют только Республика Беларусь и Республика Армения, аграрная политика которых определяется многочисленными нормативными правовыми актами различной юридической силы, носящими, как правило, узконаправленный характер. В данном случае консолидирующая роль отводится преимущественно программным документам.

При этом государства по-разному определяют ключевой объект правоотношений в контексте устойчивого развития, оперируя терминами «село», «сельские территории», «территории сельских поселений» или «регионы».

Наиболее последовательно, системно и концептуально полно модель правового обеспечения устойчивого развития сельских территорий представлена в законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан. Обе страны имеют, помимо консолидирующих законов, отдельные (самостоятельные) программные документы по развитию сельских территорий. В Республике Беларусь, Республике Армения и Кыргызской Республике целостная концептуальная основа отсутствует. Сельские территории рассматриваются в контексте реализации государ-

ственной аграрной политики либо упоминаются в программных документах более общего характера, а правовой механизм обеспечения их устойчивого развития состоит из разрозненных норм, рассредоточенных по актам различной отраслевой принадлежности, что, несомненно, влияет на эффективность правового регулирования.

Понятие «устойчивое развитие сельских территорий» получило законодательное закрепление только в Российской Федерации. В Федеральном законе от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» содержится следующее определение данного термина: «Под устойчивым развитием сельских территорий понимается их стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, рациональное использование земель». При этом государственная аграрная политика характеризуется как составная часть государственной социально-экономической политики, направленная на устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий. Последние равны для государства по своему значению, одновременно они неразрывно связаны между собой. Если обратиться к приведенному выше определению, то можно прийти к условному выводу о приоритете устойчивого развития сельских территорий как более общего понятия по сравнению с устойчивым развитием сельского хозяйства, хотя напрямую они несопоставимы. В результате наряду со Стратегией развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года⁶ и Государственной программой развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия⁷ государственная аграрная политика Российской Федерации базируется на положениях Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года⁸, Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года⁹

⁴О развитии сельского хозяйства : Федеральный закон от 29 дек. 2006 г. № 264-ФЗ : с изм. и доп. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2023 ; О развитии сельского хозяйства Кыргызской Республики : Закон Кыргыз. Респ. от 26 мая 2009 г. № 166 : с изм. и доп. // Централиз. банк дан. правовой информ. Кыргыз. Респ. : сайт. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202555> (дата обращения: 16.09.2023).

⁵О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий : Закон Респ. Казахстан от 8 июля 2005 г. № 66-III ЗРК : с изм. и доп. // Информ. система «Параграф» : сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30015652 (дата обращения: 15.08.2023).

⁶Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 8 сент. 2022 г. № 2567-р [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2023.

⁷Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия : утв. постановлением Правительства Рос. Федерации от 14 июля 2012 г. № 717 [Электронный ресурс] // Там же.

⁸Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р [Электронный ресурс] // Там же.

⁹Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 2 февр. 2015 г. № 151-р [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2023.

и Государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий»¹⁰, что обеспечивает реализацию приоритетного, комплексного и системного подхода к обеспечению устойчивого развития сельских территорий.

В частности, в Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года содержится важный вывод о том, что при сохранении сложившихся тенденций в развитии сельских территорий, характеризующихся более низким качеством и уровнем жизни, выходом являются всесторонняя диверсификация сельской экономики, поддержка фермерства и альтернативных форм занятости и самозанятости, а также ремесленной деятельности и сельского туризма, создание и снятие административных барьеров для сбыта продукции через рынки, облегчение доступа к материальным, финансовым, информационным и природным, в том числе земельным, ресурсам, организация деятельности консультационных центров и иной институциональной среды, позволяющей населению получать достойный доход.

В Республике Казахстан законодатель наиболее тщательно подошел к определению правовой основы обеспечения устойчивого развития сельских территорий. В Законе Республики Казахстан от 8 июля 2005 г. № 66-III ЗРК «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий» хотя и не дается общая дефиниция понятия «устойчивое развитие сельских территорий», но в качестве правовых категорий закрепляются термины «сельскохозяйственная перепись» (национальная перепись, проводимая в целях сбора информации о структуре и состоянии сельского хозяйства на конкретную дату), «оптимальное сельское расселение» (расположение сельских населенных пунктов, основанное на поддержании необходимого уровня жизни сельских жителей в соответствии с нормативным уровнем услуг жизнеобеспечения), «сельские территории» (совокупность сельских населенных пунктов и прилегающих к ним земель), «уполномоченный орган в области развития сельских территорий» (государственный орган, осуществляющий государственное регулирование в области развития сельских территорий), «социальная и инженерная инфраструктура сельских территорий» (система объектов жизнеобеспечения, включающая объекты здравоохранения, образования, культуры, спорта, телекоммуникации, связи, дороги, почтово-сберегательную систему, газоснабжение, электроснабжение, теплоснабжение, водоснабжение и водоотведение, сбор и утилизацию отходов производства и потребления).

Наличие разнообразного понятийного аппарата позволяет конкретизировать и закрепить основные инструменты и элементы правового механизма обеспечения устойчивого развития сельских территорий. Среди них необходимо особо отметить следующие инструменты и элементы:

- создание специального органа, осуществляющего государственное регулирование в области развития сельских территорий (таким является Комитет по делам сельских территорий Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан¹¹, который имеет статус государственного учреждения, подведомственного министерству, и выполняет задачи по совершенствованию экономической, социальной и инженерной инфраструктуры сельских территорий и обеспечению сельского населения благоприятными условиями для жизни);
- классификацию сельских населенных пунктов по уровню социально-экономического развития и экологического состояния;
- разработку нормативов обеспеченности сельских населенных пунктов объектами социальной и инженерной инфраструктуры сельских территорий и экологического состояния сельских населенных пунктов;
- осуществление мониторинга состояния обеспеченности сельского населения услугами социальной и инженерной инфраструктуры сельских территорий, а также экологического состояния сельских населенных пунктов;
- закрепление мер экономического стимулирования привлечения в сельские населенные пункты работников здравоохранения, образования, социального обеспечения, культуры, спорта, агропромышленного комплекса, лесного хозяйства и особо охраняемых природных территорий, государственных служащих аппаратов акимов сел, поселков, сельских округов (установление повышенных в размере окладов и тарифных ставок по сравнению со ставками специалистов, занимающихся этими видами деятельности в городских условиях), наличие социальной поддержки по оплате коммунальных услуг и приобретению топлива, а также гарантии по обеспечению жильем;
- фиксацию права на государственную поддержку при переселении граждан, проживающих в сельских населенных пунктах с неблагоприятными экологическими условиями и низким экономическим потенциалом;
- кредитование несельскохозяйственных видов предпринимательской деятельности в сельской местности;

¹⁰Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий»: утв. постановлением Правительства Рос. Федерации от 31 мая 2019 г. № 696 [Электронный ресурс] // Там же.

¹¹Положение о Комитете по делам сельских территорий Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан: утв. приказом Министра сельск. хоз-ва Респ. Казахстан от 28 нояб. 2007 г. № 717 // Информ. система «Параграф»: сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30168345&pos=4 (дата обращения: 20.10.2023).

- организацию микрокредитования сельского населения;
- нормативно-методическое обеспечение сельских территорий.

Интересно, что в Законе Республики Казахстан «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий» в качестве одного из принципов государственного регулирования развития сельских территорий закреплён принцип приоритетности развития не всех сельских территорий, а только тех из них, которые имеют потенциал экономического роста.

В определенной степени нормы анализируемого закона, посвященные сельским территориям в части ключевых подходов, во многом напоминают нормы Закона Республики Беларусь от 29 мая 1991 г. № 822-ХІІ «О приоритетном социально-культурном и экономическом развитии села и агропромышленного комплекса», который утратил силу в 2007 г.¹² Это повлекло за собой отказ от правовой модели, развитие которой сейчас наблюдается в законодательстве Республики Казахстан.

Важным элементом общего правового механизма обеспечения устойчивого развития сельских территорий в Республике Казахстан выступает Концепция развития сельских территорий на 2023–2027 годы¹³. В данном документе систематизированы и обобщены все меры и задачи, направленные на развитие сельских территорий. В нем содержится термин «устойчивое развитие сельских территорий», под которым подразумевается сбалансированное развитие, основанное на скоординированном и взвешенном решении экономических, экологических и социальных задач на долгосрочный период без ущерба для будущих поколений. В этой концепции также используется понятие «опорный сельский населенный пункт» – благоустроенный сельский населенный пункт, в котором создается инфраструктура для обеспечения государственными услугами и социальными благами проживающего в нем населения и жителей прилегающих (спутниковых) сельских населенных пунктов, вместе составляющих сельский кластер. По сути функция опорных сельских населенных пунктов соответствует основному назначению агрогородков, идея создания

которых в Республике Беларусь была реализована в результате принятия Государственной программы возрождения и развития села на 2005–2010 годы¹⁴. Интересно, что сельский кластер рассматривается как совокупность сельских населенных пунктов, состоящая из опорного села и его спутниковых сел. При этом установлены четкие границы сельских кластеров, что немаловажно для практической реализации. Так, расстояние между селами в регионах с высокой плотностью населения (Жетысуская, Алма-Атинская, Жамбылская, Туркестанская, Мангистауская и Кызылординская области) должно составлять не более 10 км, а в остальных областях – не более 15 км. Диверсификация сельской экономики и поддержка альтернативных форм занятости в сельской местности выступают наиболее перспективными направлениями развития сел с населением более 10 тыс. человек.

Одновременно с этим Указом Главы государства утвержден План территориального развития Республики Казахстан до 2025 года¹⁵, основными подходами которого являются сокращение разрывов между регионами по базовым услугам и благам (водоснабжение, среднее образование, здравоохранение, безопасность) и обеспечение межрегиональной территориальной связанности (энергетической, транспортной и цифровой).

В Республике Армения и Кыргызской Республике ситуация в части правового регулирования отношений по вопросам, касающимся необходимости обеспечения устойчивого развития сельских территорий, существенным образом отличается от положения двух предыдущих стран: она имеет преимущественно декларативный характер в рамках реализации государственной аграрной политики.

Так, хотя в ст. 3 Закона «О развитии сельского хозяйства Кыргызской Республики» среди основных целей и обозначено «развитие социальной и иной инфраструктуры в сельской местности и создание благоприятных условий жизни для сельского населения», сами нормы, непосредственно посвященные развитию сельских территорий, в тексте не содержатся. К тому же до настоящего времени в сельской местности проживают до 65 % населения страны¹⁶. Именно этим, пожалуй, определяется

¹²О признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Беларусь и их отдельных положений по вопросам приоритетного социально-культурного и экономического развития села и агропромышленного комплекса [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 11 июля 2007 г. № 255-3 // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

¹³Концепция развития сельских территорий Республики Казахстан на 2023–2027 годы : утв. постановлением Правительства Респ. Казахстан от 28 марта 2023 г. № 270 // Информ. система «Параграф» : сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33017244&pos=6 (дата обращения: 27.10.2023).

¹⁴О Государственной программе возрождения и развития села на 2005–2010 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 25 марта 2005 г. № 150 // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

¹⁵План территориального развития Республики Казахстан до 2025 года : утв. Указом Президента Респ. Казахстан от 21 февр. 2022 г. № 812 // Информ. система «Параграф» : сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36771000&pos=5 (дата обращения: 20.09.2023).

¹⁶Более 65 % населения Кыргызстана живут в сельской местности // 24.kg : сайт. URL: https://24.kg/obschestvo/271579_bolee_65protentov_naseleniya_kyrgyzystana_jivut_vselskoy_mestnosti/ (дата обращения: 20.09.2023).

отношение к развитию сельских территорий, которое отождествляется с развитием сельского хозяйства. Поэтому основной акцент в программных документах делается на устойчивом региональном развитии, о чем свидетельствует содержание Концепции региональной политики Кыргызской Республики на период 2018–2022 годов¹⁷, Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы¹⁸, а также Национальной программы развития Кыргызской Республики до 2026 года¹⁹. В последних документах заявлен переход к комплексному развитию территорий на основе принципов территориально-кластерного развития. Сельские территории не рассматриваются в качестве самостоятельного объекта в рамках государственного регулирования, наоборот, особым приоритетом называется модернизация городов.

В Республике Армения в сельских населенных пунктах проживают более 36 % населения²⁰. В соответствии с утвержденной Правительством Стратегией основных направлений, обеспечивающих экономическое развитие сельскохозяйственной сферы Республики Армения на 2020–2030 годы²¹, содействие устой-

чивому развитию сельских районов, как и сельских общин, относится к приоритетам в сфере сельского хозяйства. В отличие от законодательства Кыргызской Республики в законодательстве Республики Армения напрямую обозначена проблема экономической и социальной отсталости сел. В плане улучшения качества жизни сельского населения и снижения уровня бедности подчеркивается важное значение формирования надлежащей социальной инфраструктуры села и вовлечения сельского населения в сферу несельскохозяйственной деятельности. В рамках содействия устойчивому развитию сельских общин в стратегии определены задачи и мероприятия, направленные на их решение (например, диверсификация хозяйств в сельских общинах, стимулирование агротуризма, создание первичной сельскохозяйственной инфраструктуры и др.). Однако этот программный документ не содержит конкретных правовых механизмов, обеспечивающих достижение намеченных целей, не определяет объемы и источники финансирования, а следовательно, положения, закрепленные в стратегии, не порождают реальных правоотношений и имеют всего лишь декларативный характер.

Заключение

Переосмысление значимости сельских территорий не только в контексте обеспечения продовольственной безопасности, но и как многофункциональной подсистемы общества, выполняющей важнейшие стратегические функции, нерешенность традиционных проблем, характерных для сельской местности всех государств – членов ЕАЭС, привели к появлению новых способов их решения и направлений развития, среди которых существенная роль отводится диверсификации сельской экономики. В результате начался процесс наполнения правовым содержанием экономических отношений, возникающих благодаря вовлечению граждан и субъектов хозяйствования в осуществление несельскохозяйственных видов деятельности. Однако данное явление следует рассматривать лишь в качестве одного из ключевых элементов целостного правового механизма обеспечения устойчивого развития сельских территорий, предполагающего разработку как комплексной и отдельной стратегии устойчивого развития [15], так и специального закона о сельских территориях [16, с. 14]. Это

позволяет утверждать, что Республике Беларусь необходима обновленная правовая модель обеспечения устойчивого развития сельских территорий с учетом опыта, накопленного и апробированного в первую очередь в таких государствах – членах ЕАЭС, как Российская Федерация и Республика Казахстан.

На основе анализа законодательства исследуемых стран можно обозначить несколько правовых моделей обеспечения устойчивого развития сельских территорий:

- правовую модель приоритета (сельские территории выступают ключевым и самостоятельным объектом правового регулирования), характерную для Российской Федерации и Республики Казахстан;
- правовую модель декларирования (опосредованное, косвенное воздействие на развитие сельских территорий через проводимую социальную, экологическую и экономическую политику (развитие сельских территорий практически отождествляется с развитием сельского хозяйства)), свойственную Республике Армения и Кыргызской Республике;

¹⁷Концепция региональной политики Кыргызской Республики на период 2018–2022 годов : утв. постановлением Правительства Кыргыз. Респ. от 31 марта 2017 г. № 194 // Централиз. банк дан. правовой информ. Кыргыз. Респ. : сайт. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/99897?cl=ru-ru> (дата обращения: 10.10.2023).

¹⁸Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы : утв. Указом Президента Кыргыз. Респ. от 31 окт. 2018 г. № 221 // Там же. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430002> (дата обращения: 20.09.2023).

¹⁹Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2026 года : утв. Указом Президента Кыргыз. Респ. от 12 окт. 2021 г. № 435 // Там же. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430700> (дата обращения: 20.09.2023).

²⁰Стратегия основных направлений, обеспечивающих экономическое развитие сельскохозяйственной сферы Республики Армения на 2020–2030 годы [Электронный ресурс] : постановление Правительства Респ. Армения от 19 дек. 2019 г. № 1886-Л // Армян. система правовой информ. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=137852> (дата обращения 20.09.2023).

²¹Там же.

• правовую модель замещения (сельские территории – вторичный объект в рамках устойчивого регионального или пространственного развития), присущую Республике Беларусь.

Представляется, что наиболее оптимальной для Республики Беларусь моделью обеспечения устойчи-

вого развития сельских территорий является правовая модель приоритета, реализуемая в рамках государственной аграрной политики. Она базируется на наличии стратегической законодательной основы и имеет самостоятельное направление в части программного обеспечения.

Библиографические ссылки

1. Макарова ТИ, Гушин ИВ, Агиевец СВ, Авдей АГ, Губская НС, Лизгаро ВЕ. *Правовые основы устойчивого развития на местном уровне*. Минск: Ковчег; 2010. 56 с.
2. Кузьмич ИП, Саскевич ВВ. Правовые приоритеты в контексте устойчивого развития сельских территорий. В: Галиновская ЕА, Пономарев МВ, редакторы. *Правовые проблемы устойчивого пространственного развития государств – участников СНГ*. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 2022. с. 213–235. Совместно с издательством «Инфра-М». DOI: 10.12737/1867001.
3. Блохин ВН. Состояние и перспективы социально-экономического развития сельских территорий Беларуси. *Организационно-правовые аспекты инновационного развития АПК*. 2016;13:377–382. EDN: XOQDZR.
4. Головина СГ, Ручкин АВ, Миколайчик ИН. Европейский опыт поддержки сельских территорий: рекомендации по внедрению в российскую практику. *Аграрный вестник Урала*. 2022;2:71–81. DOI: 10.32417/1997-4868-2022-217-02-71-81.
5. Солдатов АА. Программно-целевое планирование устойчивого развития сельских территорий. *Вестник НГИЭИ*. 2022;8:104–112. DOI: 10.24412/2227-9407-2022-8-104-112.
6. Селиванова ЛА, Васильева НВ. Проблемы и основные направления государственной поддержки развития сельских территорий. *Журнал правовых и экономических исследований*. 2022;1:206–211. DOI: 10.26163/GIEF.2022.25.21.029.
7. Мельников НН. Теория и практика правового регулирования мероприятий по комплексному развитию на сельских территориях. *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2022;17(5):61–81. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-5-melnikov.
8. Тарасенко НВ, Криулина ЕН. Содержательные особенности, преемственность и несогласованность нормативных правовых актов, регулирующих природопользование и защиту окружающей среды в границах сельских территорий. *Вестник АПК Ставрополя*. 2014;1:116–120. EDN: SATSCR.
9. Аннин АГ. Социально-экономические аспекты правового регулирования развития сельских территорий. *Аграрное и земельное право*. 2019;9:55–57. EDN: NOPVHA.
10. Шингель НА. Правовое регулирование устойчивого развития сельских территорий. В: Бибило ВН, редактор. *Право и демократия*. Выпуск 23. Минск: БГУ; 2012. с. 165–177.
11. Григорьева МВ. Устойчивое развитие сельских территорий как правовая категория. В: Красноярский государственный аграрный университет. *Правовое регулирование устойчивого развития сельских территорий и АПК. Материалы национальной научно-практической конференции; 6 декабря 2019 г.; Красноярск, Россия*. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет; 2020. с. 48–51. EDN: BKNTFP.
12. Кузьмич ИП. Роль аграрно-правовой науки в обеспечении устойчивого развития сельских территорий. В: Михалёва ТН, редактор. *Государство и право в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета; 6–27 ноября 2020 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 1023–1027.
13. Кузьмич ИП. Правовое обеспечение реализации государственной аграрной политики в контексте устойчивого регионального развития. *Журнал Белорусского государственного университета*. Право. 2021;1:108–115.
14. Берченко НГ, Ковалевская АА, Леонович АН. Проблемы и перспективы развития сельских территорий Беларуси. *Земля Беларуси*. 2020;1:37–48. EDN: LHQQBP.
15. Пакуш ЛВ, Ефименко АГ. Разработка стратегии устойчивого развития сельских территорий Республики Беларусь. *Никоновские чтения*. 2019;24:391–392. EDN: MHЛIOX.
16. Яковчик НС, Шибeko АЭ, Мельник OM. Сельские территории как объект государственного управления, развития аграрного бизнеса и дополнительного профессионального образования кадров. В: Белорусский государственный аграрный технический университет. *Актуальные проблемы устойчивого развития сельских территорий и кадрового обеспечения АПК. Материалы Международной научно-практической конференции; 3–4 июня 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Белорусский государственный аграрный технический университет; 2021. с. 7–15.

References

1. Makarova TI, Gushchin IV, Agievets SV, Avdei AG, Gubskaya NS, Lizgaro VE. *Pravovye osnovy ustoychivogo razvitiya na mestnom urovne* [Legal framework for sustainable development at the local level]. Minsk: Kovcheg; 2010. 56 p. Russian.
2. Kuzmich IP, Saskevich VV. Legal priorities in the context of sustainable development of rural areas of the Republic of Belarus. In: Galinovskaya EA, Ponomarev MV, editors. *Legal problems of sustainable spatial development of the CIS member states*. Moscow: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 2022. p. 213–235. Co-published by the «Infra-M». Russian. DOI: 10.12737/1867001.
3. Blokhin VN. Condition and prospects of the socio-economic development of rural areas of Belarus. *Organizatsionno-pravovye aspekty innovatsionnogo razvitiya APK*. 2016;13:377–382. Russian. EDN: XOQDZR.
4. Golovina SG, Ruchkin AV, Mikolaychik IN. European experience in rural areas supporting: recommendations for implementation in Russian practice. *Agrarian Bulletin of the Urals*. 2022;2:71–81. Russian. DOI: 10.32417/1997-4868-2022-217-02-71-81.
5. Soldatov AA. Program and target planning of sustainable development of rural territories. *Bulletin NGIEI*. 2022;8:104–112. Russian. DOI: 10.24412/2227-9407-2022-8-104-112.

6. Selivanova LA, Vasilyeva NV. Problems and main directions of government support of rural territories development. *Journal of Legal and Economic Studies*. 2022;1:206–211. Russian. DOI: 10.26163/GIEF.2022.25.21.029.
7. Melnikov NN. Theory and practice of legal regulation of measures for integrated development in rural areas. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk*. 2022;17(5):61–81. Russian. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-5-melnikov.
8. Tarasenko NV, Kriulina EN. Substantial features, continuity and inconsistency of regulations, governing natural resources and environmental protection within the boundaries of rural areas. *Agricultural Bulletin of Stavropol Region*. 2014;1:116–120. Russian. EDN: SATSCR.
9. Annin AG. Social and economic aspects of legal regulation of rural development. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 2019;9:55–57. Russian. EDN: NOPBHA.
10. Shingel NA. Legal regulation for sustainable development of rural areas. In: Bibilo VN, editor. *Pravo i demokratiya. Vypusk 23* [Law and democracy. Issue 23]. Minsk: Belarusian State University; 2012. p. 165–177. Russian.
11. Grigoreva MV. Sustainable development of rural territories as a legal category. In: Krasnoyarsk State Agrarian University. *Pravovoe regulirovanie ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii i APK. Materialy natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 6 dekabrya 2019 g.; Krasnoyarsk, Rossiya* [Legal regulation of sustainable development of rural areas and agro-industrial complex. Proceedings of the national scientific and practical conference; 2019 December 6; Krasnoyarsk, Russia]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University; 2020. p. 48–51. Russian. EDN: BKNTFP.
12. Kuzmich IP. [The role of agrarian and legal science in ensuring sustainable development of rural territories]. In: Mihaileva TN, editor. *Gosudarstvo i pravo v XXI veke. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu yuridicheskogo fakul'teta Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta; 6–27 noyabrya 2020 g.; Minsk, Belarus'* [State and law in the 21st century. Proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the 95th anniversary of the faculty of law of the Belarusian State University; 2020 November 6–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 1023–1027. Russian.
13. Kuzmich IP. Legal support for the implementation of state agrarian policy in the context of sustainable regional development. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2021;1:108–115. Russian.
14. Berchanka NG, Kovalevskaya AA, Leanovich AN. Challenges and prospects for development rural territories of Belarus. *Zemlya Belarusi*. 2020;1:37–48. Russian. EDN: LHQQBP.
15. Pakush LV, Efimenko AG. [Elaboration of the strategy for sustainable development of rural territories of the Republic of Belarus]. *Nikonovskie chteniya*. 2019;24:391–392. Russian. EDN: MHLIOX.
16. Yakovchik NS, Shibeko AE, Melnik OM. [Rural territories as an object of state management, agrarian business development and additional professional education of personnel]. In: Belarusian State Agrarian Technical University. *Aktual'nye problemy ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii i kadrovogo obespecheniya APK. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 3–4 iyunya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Current problems of sustainable development of rural areas and staffing of the agro-industrial complex. Proceedings of the International scientific and practical conference; 2021 June 3–4; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State Agrarian Technical University; 2021. p. 7–15. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.11.2023.
Received by editorial board 07.11.2023.

АГРАРНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ГРАЖДАН: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В. В. САСКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется содержание понятия «аграрно-правовой статус граждан», представляющего собой комплексное и многогранное образование в системе аграрного права. Путем анализа доктринальных положений, источников международного права, актов белорусского законодательства и политико-программных документов обосновывается концепция аграрно-правового статуса граждан, сочетающего в себе три взаимосвязанных измерения, которые определяют участие данных субъектов в аграрных правоотношениях различных видов. В основании первого, субстанционального, измерения аграрно-правового статуса граждан находится конституционное право человека на достаточное питание, обеспечение которого предлагается рассматривать в качестве цели правового регулирования аграрного права. Второе измерение аграрно-правового статуса граждан охватывает комплекс прав, обязанностей и ответственности физических лиц в связи с осуществлением ими сельскохозяйственной деятельности. Третье измерение аграрно-правового статуса граждан связано с их участием в отношениях по обеспечению устойчивого развития села и реализацией ими права на достойный уровень жизни.

Ключевые слова: аграрно-правовой статус граждан; право на достаточное питание; сельскохозяйственная деятельность физических лиц; устойчивое развитие сельских территорий; аграрное право.

AGRARIAN LEGAL STATUS OF INDIVIDUALS: CONCEPTUAL ISSUES

V. V. SASKEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the analysis of the concept of the agrarian legal status of individuals as a complex and multifaceted formation within the system of agrarian law. Based on an analysis of doctrinal provisions, sources of international law, acts of Belarusian legislation and political and programme documents, the concept of the agrarian legal status of individuals is substantiated, combining three interrelated dimensions that determine the participation of individuals in agrarian legal relations of various types. The basis of the first, substantive, dimension of the agrarian legal status of individuals is the constitutional human right to adequate food. The author proposes to consider ensuring this human right as the goal of legal regulation of agrarian law. The second dimension of the agrarian legal status of individuals covers a set of rights, duties and responsibilities of individuals in connection with their agricultural activities. The third dimension of the agrarian legal status of individuals is related to the ensuring sustainable development of rural areas and realisation of the human right to a decent standard of living.

Keywords: agrarian legal status of individuals; right to adequate food; agricultural activities of individuals; sustainable development of rural areas; agrarian law.

Образец цитирования:

Саскевич ВВ. Аграрно-правовой статус граждан: концептуальные аспекты. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2023;3:97–107.
EDN: UJDRCG

For citation:

Saskevich VV. Agrarian legal status of individuals: conceptual issues. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2023; 3:97–107. Russian.
EDN: UJDRCG

Автор:

Вероника Васильевна Саскевич – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Author:

Veranika V. Saskevich, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.
saskevich@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-6622-0001>

Введение

Как и многие другие элементы в системе аграрного права, аграрно-правовой статус граждан – сложное комплексное образование, что обусловлено разнообразием аграрных правоотношений, в которых данные субъекты участвуют. Содержание рассматриваемого понятия составляют не только аграрно-правовые, но и имеющие иную отраслевую принадлежность нормы, определяющие права физических лиц,

их обязанности и ответственность. Комплексность анализируемой категории проявляется и в ином значении, безотносительно к структуре и отраслевой принадлежности нормативного массива, ее наполняющего. Она вызвана сочетанием в аграрно-правовом статусе граждан трех взаимосвязанных измерений, или срезов, характеризующих их роль в аграрных правоотношениях различных видов.

Основная часть

Первое, субстанциональное, измерение аграрно-правового статуса граждан строится вокруг права человека на питание. Названное право признано и закреплено в важнейших источниках международного права, прежде всего во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. (пища названа в числе составляющих достаточного уровня жизни) и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. (далее – МПЭСКП). В законодательстве Республики Беларусь право на достаточное питание зафиксировано на высочайшем, конституционном, уровне, хотя оно и не удостоилось отдельной статьи: в ст. 21 Конституции Республики Беларусь¹ (далее – Конституция) достаточное питание рассматривается как компонент достойного уровня жизни. Во многих странах, в частности в государствах – членах Евразийского экономического союза², данное право не предусмотрено Основным Законом, на что часто обращают внимание исследователи [1, с. 116; 2, с. 68; 3, с. 126; 4, с. 179]. Несмотря на то что его дальнейшая непосредственная специальная конкретизация в белорусских законах, в том числе в части содержания, не осуществлена, в Указе Президента Республики Беларусь от 17 июля 2014 г. № 347 «О государственной аграрной политике» (далее – Указ № 347) обеспечение права граждан на достаточное питание названо в качестве одной из целей государственной аграрной политики.

Рассматриваемое право, как и иные права человека, «находится в постоянном развитии, отражает ди-

намику общественных отношений» [5, с. 75]. По мере накопления опыта Комитет по экономическим, социальным и культурным правам в Замечании общего порядка № 12³ (далее – ЗОП № 12) раскрыл содержание права на достаточное питание и сформулировал юридическую позицию относительно обязательств государств – участников МПЭСКП по принятию мер в целях последовательного достижения полной реализации этого права. Отметим, что в Республике Беларусь сложилась практика обращения к замечаниям общего порядка договорных органов по правам человека (например, в документах Конституционного Суда Республики Беларусь⁴, где они называются международно-правовыми актами). В литературе замечания общего порядка рассматриваются как источник международных стандартов в области прав человека [6, с. 175]. Согласно ЗОП № 12 «...основное содержание права на достаточное питание подразумевает:

- наличие продовольствия, которое по своему количеству и качеству позволяет удовлетворять потребности людей в рационе питания, не содержащем вредных веществ и приемлемом для конкретной культуры;

- доступность такого продовольствия...

<...> Доступность включает как экономическую, так и физическую доступность...»

Право на достаточное питание относится к правам человека второго поколения, обобщенное описание которых в литературе дается схожим образом: их юридический характер отрицается в силу того, что

¹Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. : с изм. и доп. от 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 февр. 2022 г. в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 окт. 2021 г. № 124-3 [Электронный ресурс] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 5 янв. 1999 г. № 1, 1/0.

²Конституция Республики Армения : принята 6 дек. 2015 г. // Президент Республики Армения : сайт. URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015> (дата обращения: 15.10.2023) ; Конституция Российской Федерации : принята 12 дек. 1993 г. с изм. от 1 июля 2020 г. // Гос. Дума Федер. Собрания Рос. Федерации : сайт. URL: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution> (дата обращения: 15.10.2023) ; Конституция Республики Казахстан : принята 30 авг. 1995 г. // Информ.-правовая система норматив. правовых актов Респ. Казахстан «Адилет» : сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 15.10.2023) ; Конституция Кыргызской Республики : принята 11 апр. 2021 г. : введена в действие Законом Кыргыз. Респ. от 5 мая 2021 г. // Централиз. банк дан. правовой информ. Кыргыз. Респ. : сайт. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru> (дата обращения: 15.10.2023).

³Замечание общего порядка № 12 (двадцатая сессия, 1999 год) [Электронный ресурс] // Ком. по эконом., соц. и культур. правам. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=E%2fC.12%2f1999%2f5&Lang=-ru (дата обращения: 15.10.2023).

⁴О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам питьевого водоснабжения» : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь от 27 дек. 2018 г. № Р-1164/2018 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 12 янв. 2019 г. № 6/1686 ; О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении законов» : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь от 1 дек. 2020 г. № Р-1228/2020 // Там же. 8 дек. 2020 г. № 6/1754.

данные права являются притязаниями «не на свободу, а на получение от государства... определенных материальных благ» [7, с. 160], при этом подчеркиваются невозможность или затруднительность судебной защиты этих прав, зависимость их реализации от состояния экономики государства [8, с. 248]. Отмечается также, что «юридически такие “права человека” представляют декларативные нормы, ответственность за невыполнение которых носит не юридический, а политический характер (перевыборы или неизбрание ранее властвующих на новый срок)» [8, с. 248]. Подобная упрощенная и в некоторой степени тривиальная характеристика, в целом подходящая для образовательных целей, не в полной мере применима для более глубокого анализа права на достаточное питание, учитывая его многоаспектный характер.

Так, согласно МПЭСКО участвующие в нем государства признали право каждого человека на достаточный уровень жизни для него и его семьи, включая право на достаточное питание, а также основное право на свободу от голода (ст. 11). При этом обязательства государств не сводятся исключительно к предоставлению продовольствия нуждающимся. Продовольственная помощь и иное обеспечение питанием – частные примеры многочисленных средств по обеспечению права на достаточное питание, и они должны применяться лишь в случае, когда человек не способен прокормить себя сам (чрезвычайная ситуация, беспомощное состояние, нахождение в местах лишения свободы и т. д.). В остальных случаях речь идет о создании государством условий, при которых человек может достойным образом реализовать собственное право, т. е. обладает достаточными средствами, чтобы приобрести продукты питания для себя и своей семьи, доступом к торговым объектам, где необходимые продукты есть в наличии, либо имеет возможность самостоятельно произвести продукты питания, для чего требуются земельный участок, другие природные и иные ресурсы. Согласно МПЭСКО обязательства государств состоят в принятии мер, включая «проведение конкретных программ, для того чтобы улучшить методы производства, хранения и распределения продуктов питания путем широкого использования технических и научных знаний, распространения знаний о принципах питания и усовершенствования или реформы аграрных систем таким образом, чтобы достигнуть наиболее эффективного освоения и использования природных ресурсов». Более подробно обязательства государств толкуются в ЗОП № 12.

Тезис о невозможности или затруднительности судебной защиты права на достаточное питание, на наш взгляд, несправедлив по отношению к значительной части аспектов, которые касаются содержания права на достаточное питание и реализуются посредством разнообразных правовых механизмов. Эффективность этих механизмов обеспечивается, например, мерами юридической ответственности всех видов. В частности, безопасность продовольствия гарантируется посредством применения мер административной, уголовной ответственности к нарушившим соответствующие требования производителям пищевых продуктов, субъектам торговли и общественного питания, а также с помощью форм гражданской ответственности, в первую очередь через возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью человека, и имущественного, морального вреда.

Не отрицая зависимости реализации права на достаточное питание от состояния экономики государства, добавим, что это далеко не единственный фактор. Так, например, в принятых Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО) Добровольных руководящих принципах в поддержку постепенного осуществления права на достаточное питание в контексте национальной продовольственной безопасности говорится о необходимости обеспечения государствами создания не только экономической, но и социальной, политической и культурной среды, в которой индивиды способны прокормить себя и свои семьи свободным и достойным образом⁵.

С учетом международных документов, предусматривающих право на достаточное питание, в практике международных организаций, прежде всего ФАО и Комитета по всемирной продовольственной безопасности, в том числе в результате работы организованных ими в 1996 и 2009 гг. всемирных продовольственных саммитов⁶, выработана современная концепция продовольственной безопасности. Согласно Декларации Всемирного саммита по продовольственной безопасности, принятой на Всемирном саммите по продовольственной безопасности (Рим, 16–18 ноября 2009 г.), «продовольственная безопасность существует, когда все люди всегда имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточному количеству безопасного и питательного продовольствия для удовлетворения своих диетических потребностей и пищевых предпочтений для ведения активной и здоровой жизни». Данное положение в несколько измененном виде воспроизводится

⁵Руководящий принцип 1. Демократия, добросовестное управление, права человека и правопорядок // Добровольные руководящие принципы в поддержку постепенного осуществления права на достаточное питание в контексте национальной продовольственной безопасности : приняты на 127-й сессии Совета ФАО, ноябрь 2004 г. / Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН : сайт. URL: <https://www.fao.org/3/y7937r/y7937r.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).

⁶Rome Declaration on World Food Security : adopted at the World Food Summit; 1996 Nov. 13–17; Rome, Italy // Food and Agriculture Organization of the United Nation : site. URL: <https://www.fao.org/3/w3613e/w3613e00.htm> (date of access: 15.10.2023) ; Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности : принята на Всемир. саммите по продовольств. безопасности; 16–18 нояб. 2009 г.; Рим, Италия // ООН : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit2009_declaration.shtml (дата обращения: 15.10.2023).

в Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года, которая утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 декабря 2017 г. № 962: «Продовольственная безопасность считается достигнутой при наличии для всех людей постоянной физической, социальной и экономической доступности достаточного количества безопасной и питательной пищи, позволяющей удовлетворять их пищевые потребности и вкусовые предпочтения для ведения активного и здорового образа жизни».

Декларацией Всемирного саммита по продовольственной безопасности 2009 г. также определены основы рассматриваемой категории (называемые в международной практике также базовыми слагаемыми, аспектами, измерениями), которые имеют очевидную связь с содержанием права на достаточное питание. К ним относятся наличие и использование продовольствия, доступ к нему и стабильность продовольственных систем. Частично эти основы учтены в Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года (например, в ней даются дефиниции понятий «физическая доступность продовольствия» и «экономическая доступность продовольствия»). Однако, несмотря на восприятие в определенной мере международно-правовой концепции продовольственной безопасности, в данном ненормативном правовом акте не упоминается право на достаточное питание, как и закрепляющая его Конституция, которая выступает важнейшим элементом правовой основы системы обеспечения национальной безопасности. Это видится упущением, особенно в связи с отсутствием в Республике Беларусь специального закона о продовольственной безопасности, который составил бы необходимое систематизирующее звено между конституционным правом человека на достаточное питание и способствующими его обеспечению правовыми гарантиями, а также мерами, предусмотренными ненормативными правовыми актами.

Концепция продовольственной безопасности коррелирует с концепцией устойчивого развития, получившей «широкое признание и распространение в 90-х годах XX века в связи с проведением Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.)»⁷ [9, с. 58]. Сегодня цели в области устойчивого развития (далее – ЦУР) определены итоговым документом саммита ООН «Преобразование нашего мира: повестка дня в области

устойчивого развития на период до 2030 года», принятым в 2015 г.⁸ В нем подчеркивается, что «наши правительства несут главную ответственность за проведение на национальном, глобальном и региональном уровнях последующей деятельности и обзора прогресса в реализации этих целей и задач на протяжении предстоящих 15 лет» (п. 47). Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности, улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства выделены в самостоятельную цель (ЦУР 2).

Как следует из вышесказанного, в основе категории «продовольственная безопасность» лежит право на достаточное питание, о каком бы уровне (глобальном, региональном, национальном, местном) задачи по обеспечению продовольственной безопасности ни шла речь. При этом первостепенное значение имеют предпринимаемые государствами меры. В международных документах осуществление права на достаточное питание рассматривается именно в контексте национальной продовольственной безопасности⁹.

Применительно к национальной продовольственной безопасности обеспечение права каждого на питание выступает одновременно и основополагающим признаком данного понятия, и неперенным условием достижения состояния защищенности интересов общества и государства, т. е. интересы человека объективно (в силу причинно-следственной связи) первичны. Таким образом, субъективное по своей сути право на питание «определяет содержание государственной деятельности» [7, с. 156], что в общем виде отражено в ст. 59 Конституции: «Государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией. Государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности». Имеется и обратная взаимосвязь: реализация права на достаточное питание детерминирована эффективностью предпринимаемых государством мер, в том числе правовых, направленных на обеспечение национальной продовольственной безопасности. В данном отношении право на питание следует рассматривать как позитивное право, для реализации которого тре-

⁷ Декларация по окружающей среде и развитию: Декларация Организации Объединенных Наций, 14 июня 1992 г., Рио-де-Жанейро // Действующее международное право : учеб. пособие : в 3 т. Т. 3. / сост.: Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М. : Изд-во Моск. независимого ин-та международ. права, 1997. С. 721–723.

⁸ Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года : принята 25 сент. 2015 г. // ООН : сайт. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 15.10.2023).

⁹ Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности : принята на Всемир. саммите по продовольств. безопасности; 16–18 нояб. 2009 г.; Рим, Италия // ООН : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit2009_declaration.shtml (дата обращения: 15.10.2023). ; Рекомендации КВПБ по продовольственным системам и питанию (РПСП) // Ком. по всемир. продовольств. безопасности : сайт. URL: https://www.fao.org/fileadmin/templates/cfs/Docs2021/Documents/CFS_VGs_Food_Systems_and_Nutrition_Strategy_RU.pdf (дата обращения: 15.10.2023).

буется «позитивная, созидательная деятельность государства» [10, с. 10].

Значимыми составляющими такой деятельности государства являются выработка и закрепление правовых механизмов реализации права на достаточное питание, в первую очередь его законодательных гарантий, а также создание организационно-правового механизма обеспечения продовольственной безопасности. Содержание данной деятельности предопределяется избранным политическим курсом, «основополагающие (ориентирующие) нормы» [11, с. 39] для реализации которого предусмотрены Конституцией, программным Законом Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь». Указанный закон не называет непосредственно обеспечения национальной безопасности (она охватывает продовольственную безопасность) в числе принципов или стратегических целей внутренней и внешней политики, однако их содержание демонстрирует направленность усилий на создание условий для реализации права на достаточное питание, а также на достижение целей устойчивого развития, что подчеркивается в юридической литературе [12]. Так, к принципам внутренней политики отнесены гарантии конституционных прав и свобод граждан, устойчивое социально-экономическое развитие. Стратегическими целями внутренней политики Республики Беларусь определены обеспечение прав и свобод человека и гарантии их реализации, повышение уровня благосостояния народа, развитие демократического социального правового государства, формирование эффективной социально ориентированной рыночной экономики.

Продовольственная безопасность является важной составляющей национальной безопасности Республики Беларусь. Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, поддержание гарантированного уровня продовольственной безопасности отнесено к основным национальным интересам в экономической сфере. В числе таких интересов предполагается рассматривать обеспечение продовольственной безопасности и в новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь¹⁰.

Стратегия устойчивого обеспечения населения продовольствием до 2030 года для полноценного питания и здорового образа жизни закреплена в Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года. В этом документе определен используемый понятийный аппарат, охарактеризованы ситуация в мире в целом и в Республике Беларусь в частности, описаны внешние и внутренние факторы и угрозы, цель и ос-

новные задачи обеспечения национальной продовольственной безопасности, механизмы их реализации, выделены критерии и параметры развития национальной продовольственной безопасности, индикаторы ее состояния, сформулированы основные направления и меры по ее укреплению, а также сделан прогноз продовольственной безопасности до 2030 г. Правовые механизмы, непосредственно направленные на обеспечение продовольственной безопасности либо ориентированные на достижение иных целей, но при этом способствующие реализации права каждого на достаточное питание, закреплены в многочисленных нормативных правовых актах Республики Беларусь. На наш взгляд, преодоление их разрозненности и создание необходимой законодательной основы для развития, систематизации и совершенствования данных механизмов возможны посредством принятия Закона Республики Беларусь «О продовольственной безопасности».

С учетом развивающихся интеграционных процессов интересен подход к правовому обеспечению продовольственной безопасности в государствах – членах ЕАЭС. Специальные законы в рассматриваемой области приняты в Республике Армения (Закон Республики Армения от 5 июня 2002 г. № ЗР-338 «Об обеспечении продовольственной безопасности») и Кыргызской Республике (Закон Кыргызской Республики от 4 августа 2008 г. № 183 «О продовольственной безопасности Кыргызской Республики»). В Республике Казахстан соответствующие положения закреплены в Законе Республики Казахстан от 8 июля 2005 г. № 66-III ЗРК «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий» (гл. 3-1 посвящена государственному регулированию обеспечения продовольственной безопасности). Политико-программные акты и документы стратегического планирования в этой области утверждены в Республике Армения (Концепция обеспечения продовольственной безопасности Республики Армения, утвержденная распоряжением Президента Республики Армения от 18 мая 2011 г. № НК-91-Н), Республике Беларусь (Доктрина национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года), Кыргызской Республике (Программа продовольственной безопасности и питания на 2019–2023 годы, утвержденная постановлением Правительства Кыргызской Республики от 27 июня 2019 г. № 320), Российской Федерации (Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20).

Содержание перечисленных правовых актов свидетельствует о том, что для всех государств – членов ЕАЭС характерна ориентация на достижение

¹⁰О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 6 марта 2023 г. № 1 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 8 марта 2023 г. № 7/5298.

национальной продовольственной безопасности посредством обеспечения продовольственной независимости, строящейся на самообеспечении страны жизненно важными пищевыми продуктами. Данный общий подход зафиксирован и в решении Совета Евразийской экономической комиссии от 14 сентября 2021 г. № 89 «Об общих принципах и подходах к обеспечению продовольственной безопасности государств – членов Евразийского экономического союза».

Такая нацеленность позволяет в первую очередь урегулировать вопрос о наличии продовольствия. Как отмечалось выше, наличие продовольствия выступает одним из признаков, составляющих содержание права на достаточное питание, а также, наряду с другими, слагаемым международной концепции продовольственной безопасности. Данный термин получил закрепление в ЗОП № 12: «Наличие соотносится с возможностями либо пропитания непосредственно за счет продуктивных земельных или других природных ресурсов, либо надлежащего функционирования систем распределения, переработки и сбыта, благодаря которым продовольствие доставляется от места производства к месту потребления в соответствии со спросом». В практике ФАО в контексте оценки продовольственной безопасности это понятие связывается с «долей продуктов питания, произведенных внутри страны, запасенных за предыдущие годы или импортированных, а также с разнообразием продуктов питания»¹¹.

Кроме того, указанный подход согласуется с ЦУР 2. Отметим, что в задачах, имеющих к ней отношение, не столько говорится о развитии эффективного аграрного производства вообще, сколько делается акцент на отдельных его аспектах:

- «к 2030 году удвоить продуктивность сельского хозяйства и доходы мелких производителей продовольствия, в частности женщин, представителей коренных народов, фермерских семейных хозяйств, скотоводов и рыбаков, в том числе посредством обеспечения гарантированного и равного доступа к земле, другим производственным ресурсам и факторам сельскохозяйственного производства, знаниям, финансовым услугам, рынкам и возможностям для увеличения добавленной стоимости и занятости в несельскохозяйственных секторах» (задача 2.3);

- «к 2030 году обеспечить создание устойчивых систем производства продуктов питания и внедрить методы ведения сельского хозяйства, которые позволяют повысить жизнестойкость и продуктивность

и увеличить объемы производства, способствуют сохранению экосистем, укрепляют способность адаптироваться к изменению климата, экстремальным погодным явлениям, засухам, наводнениям и другим бедствиям и постепенно улучшают качество земель и почв» (задача 2.4).

Решение данных задач связывается ФАО с обеспечением наличия продовольствия и другими аспектами продовольственной безопасности: постоянным доступом к продовольствию и стабильностью продовольственных систем¹².

Таким образом, признаваемая в правовых актах Республики Беларусь детерминированность достижения национальной продовольственной безопасности достаточным уровнем продовольственной независимости страны, требующим, в свою очередь, создания соответствующих аграрно-правовых условий, и формулировка законодательно определенных целей государственной аграрной политики позволяют рассматривать обеспечение права человека на достаточное питание в качестве цели аграрного права как отрасли права, которая закрепляет содержание этой политики и выступает средством ее реализации. Обозначенная цель проявляется в таком принципе аграрно-правового регулирования, как обеспечение продовольственной независимости Республики Беларусь.

Второе измерение аграрно-правового статуса граждан охватывает комплекс их прав, обязанностей и ответственности в связи с осуществлением сельскохозяйственной деятельности. Оно неразрывно связано с первым, субстанциональным, измерением: целями такой деятельности выступает самообеспечение продовольствием, т. е. самостоятельная реализация гражданами своего права на достаточное питание, либо получение дохода от реализации произведенной сельскохозяйственной продукции, что улучшает экономическую доступность приобретаемого ими продовольствия. Таким образом, физические лица принимают непосредственное участие в обеспечении национальной продовольственной безопасности, даже если оно заключается в удовлетворении их собственных потребностей в сельскохозяйственной продукции. В связи с этим видится неправильным игнорирование данной категории при определении круга субъектов аграрных правоотношений.

Так, сельскохозяйственная деятельность физических лиц – важный сегмент аграрной отрасли Республики Беларусь в контексте обеспечения про-

¹¹Жизнестойкость агропродовольственных систем – что это такое // Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2021. Преобразование продовольственных систем в интересах обеспечения продовольственной безопасности, улучшения качества питания и экономической доступности здоровых рационов питания для всех. Рим, ФАО / Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН : сайт. URL: <https://www.fao.org/3/cb4476ru/cb4476ru.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).

¹²Как осуществлять мониторинг комплексной повестки дня? // Мониторинг продовольственной безопасности и питания в поддержку осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.: подведение итогов и планы на будущее. Рим, ФАО / Там же. URL: <https://www.fao.org/3/i6188r/i6188r.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).

довольственной безопасности и достижения целей устойчивого развития, в частности решения упомянутой задачи 2.3 ЦУР 2. Благодаря этой деятельности в доступе имеется широкий ассортимент местной сельскохозяйственной продукции, обеспечивается получение доходов от ее реализации, поддерживаются биоразнообразие и агробиоразнообразие за счет большого количества возделываемых видов и сортов сельскохозяйственных растений, видов и пород продуктивных животных. Таким образом, рассматриваемые субъекты аграрных отношений содействуют реализации национальных интересов¹³: осуществляя сельскохозяйственную деятельность для удовлетворения потребностей своей семьи в продовольствии и повышения ее благосостояния посредством продажи произведенной сельскохозяйственной продукции, они способствуют обеспечению интересов государства и общества, связанных с национальной продовольственной безопасностью (в первую очередь с такими ее параметрами, как наличие продовольствия и его экономическая доступность).

На долю хозяйств граждан, в том числе личных подсобных хозяйств (ЛПХ) граждан, подсобных хозяйств граждан, которые занимаются производством сельскохозяйственной продукции с использованием земельных участков, предоставленных для строительства и (или) обслуживания многоквартирных и блокированных жилых домов, коллективного садоводства и других целей, приходится пятая часть от общего объема производства сельскохозяйственной продукции, а именно более 72,0 % плодов и ягод, более 70,0 % картофеля, более 78,0 % овощей, 14,7 % яиц, 2,3 % молока и 3,0 % скота и птицы (на убой) от валового сбора по стране¹⁴. По данным последней переписи населения, в Республике Беларусь насчитываются 1150 хозяйств, в которых поголовье крупного рогатого скота составляет 5–9 голов, а в 362 хозяйствах оно достигает более 10 голов. Приблизительно в 18 тыс. хозяйств имеются 3–4 свиньи, а в 502 хозяйствах их содержится от 10 до 19 особей. Около 90 хозяйств населения включают от 20 до 49 свиней. Зафиксированы также случаи, когда граждане владеют 50 и более животными¹⁵.

Приведенная статистика показывает, что отдельные физические лица, занимающиеся сельскохозяйственной деятельностью, которая сегодня не является предпринимательской, могут рассматриваться как

мелкотоварные производители сельскохозяйственной продукции. Среди них наиболее очевидна категория граждан, ведущих ЛПХ, однако физические лица вправе производить сельскохозяйственную продукцию на продажу и на земельных участках, предоставленных им для других целей. Отметим, что в новой редакции Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г., принятой Законом Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З, до 1 га увеличены предельные размеры земельных участков, предоставляемых гражданам для строительства и обслуживания жилого дома, квартиры в блокированном жилом доме, которые расположены в сельских населенных пунктах. В хуторах для указанной цели размер земельного участка не ограничивается: он устанавливается в зависимости от местных условий и особенностей, а также с учетом волеизъявления лица, которому предоставляется земельный участок.

В юридической литературе граждане, ведущие ЛПХ, часто относятся к сельскохозяйственным товаропроизводителям [13, с. 21; 14, с. 15, 18]. При этом, опираясь на нормы российского законодательства, некоторые авторы подчеркивают существование противоречия между смыслом специального законодательства об ЛПХ, подразумевающего нацеленность на самообеспечение продовольствием, и фактически товарным характером деятельности отдельных ЛПХ [15, с. 171]. Следует отметить, что в данном отношении Закон Республики Беларусь от 11 ноября 2002 г. № 149-З «О личных подсобных хозяйствах граждан», в котором не отражен потребительский характер сельскохозяйственной деятельности физических лиц, не вступает в противоречие с Указом № 347, согласно которому граждане, ведущие ЛПХ, отнесены к субъектам, осуществляющим деятельность в области агропромышленного производства, а на основании норм, вступающих в силу 1 января 2024 г.¹⁶, они войдут также в категорию сельскохозяйственных товаропроизводителей. В то же время, признавая значимость ЛПХ и их особое место среди других форм сельскохозяйственного производства, следует согласиться с выводом о «недостаточности и непропорциональности правового регулирования» [16, с. 388] по отношению к другим правовым формам и видам сельскохозяйственной деятельности граждан.

¹³В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь национальные интересы – это совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие Республики Беларусь.

¹⁴Сельское хозяйство Республики Беларусь, 2023 // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь : сайт. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/selskoe-hozyaistvo/selskoe-khozyaystvo/statisticheskie-izdaniya/index_77215 (дата обращения: 15.10.2023).

¹⁵Сельскохозяйственная деятельность населения в Республике Беларусь // Там же. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/selskoe-hozyaistvo/selskoe-khozyaystvo/statisticheskie-izdaniya/index_39373 (дата обращения: 15.10.2023).

¹⁶Об изменении указов Президента Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 28 июня 2023 г. № 195 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 30 июня 2023 г. № 1/20915.

Несмотря на значимый вклад физических лиц в общий объем производимой в стране сельскохозяйственной продукции, их правовое положение существенно отличается от положения иных категорий субъектов сельскохозяйственной деятельности. По мере усложнения установленных национальным законодательством и международно-правовыми актами требований к процессу производства сельскохозяйственной продукции, ее обращению и качеству, в том числе в связи с осуществлением внешней торговли, проведением согласованной (скоординированной) агропромышленной политики в рамках ЕАЭС, граждане все больше оттесняются на границу и даже за пределы правового поля. Их интересы не всегда учитываются, особенности ведения сельскохозяйственной деятельности порой не отражаются в законодательстве, что приводит к юридически обусловленной (прямо или косвенно) невозможности участвовать в аграрных правоотношениях определенных видов (например, в аграрных правоотношениях, связанных с семеноводством, племенным делом) даже несмотря на то, что данная деятельность ориентируется на внутренний рынок, а также не только является традиционной для белорусского населения, но и выступает необходимым условием сохранения и развития сельских территорий [17].

На наш взгляд, при закреплении аграрно-правового статуса граждан, осуществляющих сельскохозяйственную деятельность, законодательством должны быть установлены система правовых форм и видов этой деятельности, пределы и ограничения для ее обособления от предпринимательской деятельности, унифицированные нормы, относящиеся к сельскохозяйственной деятельности физических лиц, положения, которые отражают особенности каждой правовой формы ее ведения, а также требования к различным видам сельскохозяйственной деятельности граждан в специальном законодательстве с учетом специфики данной деятельности, обусловленной ее субъектом, и интересов физических лиц [18].

Третье измерение аграрно-правового статуса граждан следует рассматривать в контексте необходимо-

сти обеспечения устойчивого развития села, определившей один из аграрно-правовых приоритетов [19]. Общественные отношения, сопряженные с социальной сферой села, а впоследствии с устойчивым развитием сельских территорий, традиционно относятся к предмету аграрного права как в Республике Беларусь [20, с. 20, 39–42; 21; 22], так и в странах постсоветского пространства [23, с. 19; 24, с. 18–19; 25].

Данное измерение имеет прочную взаимосвязь с двумя предыдущими срезами аграрно-правового статуса граждан: жители сельской местности, являясь непосредственными производителями сельскохозяйственной продукции, представляют собой ценный трудовой ресурс для агропромышленного комплекса и его основной отрасли – сельского хозяйства и обладают соответствующим кадровым потенциалом. Предусмотренные государственными программами и другими политико-правовыми документами и реализуемые на основе законодательных актов мероприятия, которые направлены на создание привлекательных условий для жизни и работы в сельской местности (в частности, благоустройство сельских населенных пунктов, повышение государственных социальных стандартов по обслуживанию населения путем совершенствования социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры, содействие развитию ЛПХ граждан и субъектов малого предпринимательства на территории сельской местности, стимулирование создания рабочих мест в несельскохозяйственных сферах деятельности, включая агроэкотуризм, экотуризм, народные промыслы (ремесла), а также обеспечение условий для самозанятости на территории сельской местности)¹⁷, способствуют реализации конституционного права граждан на достойный уровень жизни. При этом сельские жители выступают потенциально уязвимой группой носителей права на достаточное питание применительно к таким его элементам, как физическая и экономическая доступность продовольствия, что обуславливает необходимость закрепления в правовых актах дополнительных мер по развитию торговли и общественного питания в сельской местности, а также повышению уровня доходов сельского населения.

Заключение

В результате проведенного исследования обоснована концепция аграрно-правового статуса граждан, сочетающего в себе три взаимосвязанных измерения, которые характеризуют и определяют их участие в аграрных правоотношениях различных видов. Первое, субстанциональное, измерение аграрно-правового статуса граждан базируется на праве человека на достаточное питание. Содержание

законодательно определенных целей государственной аграрной политики позволяет рассматривать обеспечение этого права в качестве цели правового регулирования аграрного права как отрасли права, закрепляющей сущность указанного направления государственной политики и выступающей средством ее реализации. Данная цель проявляется в таком принципе аграрно-правового регулирования,

¹⁷О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли : Директива Президента Респ. Беларусь от 4 марта 2019 г. № 6 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 5 марта 2019 г. № 1/18237.

как обеспечение продовольственной независимости Республики Беларусь. Учитывая терминологические различия между понятиями «наличие продовольствия» и «физическая доступность продовольствия», государственный политический курс на укрепление экспортной ориентированности агропромышленного комплекса, а также обозначенный в Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года переход к безопасному качественному питанию всех социальных групп, которое позволяет удовлетворять их пищевые потребности и вкусовые предпочтения для ведения активного и здорового образа жизни, необходимо законодательно закрепить и гарантировать реализацию в качестве принципа правового регулирования приоритет обеспечения национальной продовольственной безопасности. Второе измерение аграрно-правового статуса граждан охватывает комплекс прав, обязанностей и ответственности физических лиц, осуществляющих сельскохозяйственную деятельность. Его взаимосвязь с первым измерением аграрно-правового статуса граждан определяется

нацеленностью такой деятельности на самообеспечение продовольствием, посредством чего человек самостоятельно реализует свое право на достаточное питание, либо на получение дохода от реализации сельскохозяйственной продукции, благодаря чему улучшается благосостояние населения, расширяется ассортимент продовольственных товаров на внутреннем рынке, а также обеспечивается агробиоразнообразие. Третье измерение аграрно-правового статуса граждан связано с их участием в отношениях по обеспечению устойчивого развития села. Сельские жители представляют собой ценный трудовой ресурс для сельского хозяйства и обладают соответствующим кадровым потенциалом, при этом они сами производят значительную долю сельскохозяйственной продукции. Законодательством, правовыми актами Республики Беларусь предусмотрен широкий круг правовых мер по повышению уровня жизни данных субъектов аграрных правоотношений, что способствует обеспечению принадлежащего им конституционного права на достойный уровень жизни, включая право на достаточное питание.

Библиографические ссылки

1. Власов ВА. Проблемные аспекты реализации права граждан Российской Федерации на полноценное и качественное питание. В: Журавлев ММ, Барнашов АМ, Зуев ВМ, редакторы. *Правовые проблемы укрепления российской государственности. Часть 49*. Томск: Издательство Томского университета; 2011. с. 116–117.
2. Епифанов АЕ, Мохов АЮ. Современные правовые механизмы гарантирования права каждого на питание и обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации. *Вестник МПГУ. Серия: Юридические науки*. 2021;2:59–72. DOI: 10.25688/2076-9113.2021.42.2.06.
3. Кудинов ВВ, Мухина ЕГ. Продовольственная безопасность в Европе: от права на обеспечение продовольствием до реализации права на достаточное питание (особенности экономико-правового обеспечения). *Правопорядок: история, теория, практика*. 2021;4:122–131.
4. Попова ОВ. Право на питание как правовая ценность. В: Заячковский ОА, редактор. *Принципы и ценности в праве: доктрина, правотворчество, реализация. Третьи Проктопьевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции; 6 декабря 2019 г.; Калининград, Россия*. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта; 2020. с. 177–185. EDN: UXHJRV.
5. Макарова ТИ. *Эколого-правовой статус граждан Республики Беларусь*. Минск: БГУ; 2004. 231 с.
6. Косолапов МФ. Замечания общего порядка как источник международных стандартов в области прав человека. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2018;5:166–176. EDN: YNALFJ.
7. Варламова НВ. Классификация прав человека: подходы к проблеме. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2009;4:152–166. EDN: NQWXZP.
8. Ивонин ЮП, Ивонин МЮ. Права человека как теоретический концепт. *Вестник НГУЭУ*. 2013;1:242–249. EDN: PYSILJ.
9. Макарова ТИ, Лизгаро ВЕ, Шингель НА, Губская НС, Мороз ОВ, Саскевич ВВ. Правовое обеспечение устойчивого развития в Республике Беларусь. *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4, Правазнаўства*. 2011;1:58–75.
10. Стремouxов АВ. Основания классификации прав и свобод человека. *Ленинградский юридический журнал*. 2012;1:7–17. EDN: PJEAXN.
11. Карпович НА. Национальное законодательство Республики Беларусь как фактор реализации экологической функции государства. *Юстыцыя Беларусі*. 2011;11:38–40.
12. Карпович НА. Парадигма устойчивого развития в государственной политике Республики Беларусь. *Вестник Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь*. 2011;11:142–148.
13. Беляева ЗС. Аграрная реформа и изменение организационно-правовых форм сельскохозяйственных предприятий. В: Беляева ЗС, Козырь МИ, редакторы. *Реформирование сельскохозяйственных предприятий (правовые проблемы)*. Москва: Издательство Института государства и права РАН; 1996. с. 5–22.
14. Козырь МИ. Субъекты аграрного права. *Аграрное и земельное право*. 2008;7:4–18. EDN: KVOXOH.
15. Воронин БА, Чупина ИП, Воронина ЯВ, Зарубина ЕВ, Симачкова НН. Развитие науки аграрного права в условиях трансформации российского сельского хозяйства. *Вопросы российского и международного права*. 2022;12(1A):166–180. DOI: 10.34670/AR.2022.28.20.016.
16. Кузьмич ИП. Конституционно-правовые основы осуществления гражданами сельскохозяйственной деятельности. В: Василевич ГА, редактор. *Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях. Материалы Международной научно-практической конференции; 3–4 октября 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2019. с. 384–388.

17. Саскевич ВВ. Аграрно-правовое регулирование сельскохозяйственной деятельности физических лиц: проблемные аспекты. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2023;1:44–50. DOI: 10.33581/2520-2561-2023-1-44-50.
18. Саскевич ВВ. К вопросу о правовом регулировании сельскохозяйственной деятельности физических лиц в Беларуси. В: Мартыненко ИЭ, Вартанян АМ, редакторы. *Проблемы гражданского права и процесса. Выпуск 7.* Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2022. с. 191–200. EDN: GWGMGG.
19. Кузьмич ИП, Саскевич ВВ. Правовые приоритеты в контексте устойчивого развития сельских территорий. В: Галиновская ЕА, Пономарев МВ, редакторы. *Правовые проблемы устойчивого пространственного развития государств – участников СНГ.* Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 2022. с. 213–235. Совместно с издательством «Инфра-М». DOI: 10.12737/1867001.
20. Сторожев НВ, Кузьмич ИП. *Аграрное право Республики Беларусь.* Минск: БГУ; 2003. 206 с.
21. Кузьмич ИП. Правовое обеспечение развития социальной сферы села: сравнительно-правовой аспект. В: Семенов ВИ, редактор. *Право в современном белорусском обществе. Выпуск 6.* Минск: Бизнесофсет; 2011. с. 334–343.
22. Кузьмич ИП. Роль аграрно-правовой науки в обеспечении устойчивого развития сельских территорий. В: Михалёва ТН, редактор. *Государство и право в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета; 26–27 ноября 2020 г.; Минск, Беларусь.* Минск: БГУ; 2021. с. 1023–1027.
23. Бобылев АИ. Аграрное право – отрасль российской системы права. *Аграрное и земельное право.* 2006;2:18–24. EDN: KWPXHH.
24. Козырь МИ. Аграрное право – специализированная комплексная отрасль в структуре права Российской Федерации. *Аграрное и земельное право.* 2008;5:4–28. EDN: KVOWVV.
25. Гафурова ЕВ. Принципы формирования аграрно-правового института социального развития села. *Аграрное и земельное право.* 2013;7:40–44. EDN: RECXIZ.

References

1. Vlasov VA. [Problematic aspects of realising the right of citizens of the Russian Federation to nutritious and high-quality nutrition]. In: Zhuravlev MM, Barnashov AM, Zuev VM, editors. *Pravovyye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti. Chast' 49* [Legal problems of strengthening Russian statehood. Part 49]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta; 2011. p. 116–117. Russian.
2. Epifanov AE, Mokhov AYU. Modern legal mechanisms to guarantee the rights of everyone to nutrition and food security in the Russian Federation. *MCU Journal of Legal Sciences.* 2021;2:59–72. Russian. DOI: 10.25688/2076-9113.2021.42.2.06.
3. Kudinov VV, Mukhina YeG. Food security in Europe: from the right to food security to the realization of the right to adequate food (features of economic and legal support). *Legal Order: History, Theory, Practice.* 2021;4:122–131. Russian.
4. Popova OV. The right to food as a legal value. In: Zayachkovsky OA, editor. *Printsipy i tsennosti v prave: doktrina, pravotvorchestvo, realizatsiya. Tret'i Prokop'evskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 6 dekabrya 2019 g.; Kaliningrad, Rossiya* [Principles and values in law: doctrine, lawmaking, implementation. 3rd Prokopiev readings. Proceedings of the International scientific and practical conference; 2019 December 6; Kaliningrad, Russia]. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University; 2020. p. 177–185. Russian. EDN: UXHJRV.
5. Makarova TI. *Ekologo-pravovoi status grazhdan Respubliki Belarus'* [Legal environmental status of the citizens of Republic of Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2004. 231 p. Russian.
6. Kosolapov MF. General comments as a source of international standards in the field of human rights. *Bulletin of the Saratov State Law Academy.* 2018;5:166–176. Russian. EDN: YNALFJ.
7. Varlamova NV. [Classification of human rights: approaches to the problem]. *Comparative Constitutional Review.* 2009;4:152–166. Russian. EDN: NQWXZP.
8. Ivonin YuP, Ivonin MYu. Human rights as a theoretical concept. *Vestnik NSUEM.* 2013;1:242–249. Russian. EDN: PYCILJ.
9. Makarova TI, Lizgaro VE, Shingel NA, Gubskaya NS, Moroz OV, Saskevich VV. [Legal support for sustainable development in the Republic of Belarus]. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4, Jurisprudence.* 2011;1:58–75. Russian.
10. Stremouhov AV. Grounds for the classification of human rights and freedoms. *Leningradskiy Juridical Journal.* 2012;1:7–17. Russian. EDN: PJEAXN.
11. Karpovich NA. [National legislation of the Republic of Belarus as a factor in the implementation of the environmental function of the state]. *Justice of Belarus.* 2011;11:38–40. Russian.
12. Karpovich NA. [The paradigm of sustainable development in the state policy of the Republic of Belarus]. *Vestnik Vyshego khozyaistvennogo suda Respubliki Belarus'.* 2011;11:142–148. Russian.
13. Belyaeva ZS. [Agrarian reform and changes in the organisational and legal forms of agricultural enterprises]. In: Belyaeva ZS, Kozyr MI, editors. *Reformirovanie sel'skokhoziaistvennykh predpriatii (pravovye problemy)* [Reforming agricultural enterprises (legal problems)]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta gosudarstva i prava RAN; 1996. p. 5–22. Russian.
14. Kozyr MI. Subjects of agrarian law. *Agrarnoe i zemel'noe pravo.* 2008;7:4–18. Russian. EDN: KVOXOH.
15. Voronin BA, Chupina IP, Voronina YaV, Zarubina EV, Simachkova NN. Development of the science of agrarian law in the context of transformation in Russian agriculture. *Matters of Russian and International Law.* 2022;12(1A):166–180. Russian. DOI: 10.34670/AR.2022.28.20.016.
16. Kuzmich IP. [Constitutional and legal basis for agricultural activities carried out by citizens]. In: Vasilevich GA, editor. *Konstitutsionno-pravovye osnovy razvitiya Respubliki Belarus' kak sotsial'nogo gosudarstva v sovremennykh usloviyakh. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 3–4 oktyabrya 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Constitutional and legal foundations for the development of the Republic of Belarus as a social state in modern conditions. Proceedings of International scientific and practical conference; 2019 October 3–4; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 384–388. Russian.
17. Saskevich VV. Agrarian legal regulation of agricultural activities of individuals: problem aspects. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2023;1:44–50. Russian. DOI: 10.33581/2520-2561-2023-1-44-50.
18. Saskevich VV. [To the question of the legal regulation of agricultural activities of individuals in Belarus]. In: Martynenko IE, Vartanyan AM, editors. *Problemy grazhdanskogo prava i protsessa. Vypusk 7* [Problems of civil law and process. Issue 7]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno; 2022. p. 191–200. Russian. EDN: GWGMGG.

19. Kuzmich IP, Saskevich VV. Legal priorities in the context of sustainable development of rural areas. In: Galinovskaya EA, Ponomarev MV, editors. *Legal problems of sustainable spatial development of the CIS member states*. Moscow: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 2022. p. 213–235. Co-published by the «Infra-M». Russian. DOI: 10.12737/1867001.

20. Storozhev NV, Kuzmich IP. *Agrarnoye pravo Respubliki Belarus'* [Agricultural law of the Republic of Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2003. 206 p. Russian.

21. Kuzmich IP. [Legal support for the development of the social sphere of the village: a comparative legal aspect]. In: Semenov VI, editor. *Pravo v sovremennom belorusskom obshchestve. Vypusk 6* [Law in modern Belarusian society. Issue 6]. Minsk: Bisnesofset; 2011. p. 334–343. Russian.

22. Kuzmich IP. [The role of agrarian legal science in ensuring sustainable development of rural areas]. In: Mikhaleva TN, editor. *Gosudarstvo i pravo v XXI veke. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu yuridicheskogo fakul'teta Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta; 26–27 noyabrya 2020 g.; Minsk, Belarus'* [State and law in the 21st century. Proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the 95th anniversary of the faculty of law of the Belarusian State University; 2020 November 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 1023–1027. Russian.

23. Bobylev AI. Agrarian law – branch of Russian system of law. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 2006;2:18–24. Russian. EDN: KWPXHH.

24. Kozyr MI. Agrarian right – specialized complex branch in the structure of the right of the Russian Federation. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 2008;5:4–28. Russian. EDN: KVOWVV.

25. Gafurova EV. Principles of forming the agro-social law institute of rural development. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 2013;7:40–44. Russian. EDN: RECXIZ.

Статья поступила в редколлегию 10.11.2023.
Received by editorial board 10.11.2023.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 34(082)

Проблемы систематизации комплексных отраслей законодательства [Электронный ресурс] : сб. статей по материалам круглого стола, посвящ. 30-летию принятия Закона Респ. Беларусь «Об охране окружающей среды» (Минск, 17 марта 2023 г.) / БГУ ; [редкол.: Т. И. Макарова (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 202 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/300398>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 24.08.2023, № 007124082023.

В сборнике помещены статьи ученых и практикующих юристов Республики Беларусь, зарубежных стран о проблемах систематизации комплексных отраслей законодательства, подготовленные по материалам докладов на круглом столе, приуроченном к 30-летию принятия Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды».

Статьи, представленные на английском языке, публикуются в авторской редакции.

УДК 328(075.8) + 342.53(075.8)

Абраменко Е. Г. Основы парламентаризма [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0312-01 «Политология» / Е. Г. Абраменко ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 101 с. Библиогр.: с. 98–101. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/300448>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 28.08.2023, № 007328082023.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Основы парламентаризма» предназначен для студентов I ступени высшего образования специальности 6-05-0312-01 «Политология». Он состоит из четырех разделов, в которых излагаются теоретический (краткий конспект лекций) и практический (тематика семинаров) материалы. В разделе контроля знаний размещен примерный перечень вопросов для проведения зачета. Вспомогательный раздел включает список рекомендуемой литературы и электронных ресурсов. Данный ЭУМК отражает содержание учебной программы по дисциплине «Основы парламентаризма» и включает комплексные знания по дисциплине специализации.

УДК 32.01(075.8)

Антанович Н. А. Теория политических систем [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 06 «Политология», направление спец. 1-23 01 06-01 «Политология (политико-юридическая деятельность)» / Н. А. Антанович ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 91 с. : табл. Библиогр.: с. 88–91, библиогр. в подстр. примеч. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/300449>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 28.08.2023, № 007428082023.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Теория политических систем» предназначен для студентов I ступени высшего образования специальности 1-23 01 06 «Политология», направление специальности 1-23 01 06-01 «Политология (политико-юридическая деятельность)». Он состоит из четырех разделов, в которых излагаются теоретический (краткий конспект лекций) и практический (тематика семинаров) материал. В разделе контроля знаний размещен примерный перечень вопросов для экзамена. Вспомогательный раздел включает список рекомендуемой литературы и электронных ресурсов. ЭУМК отражает содержание учебной программы по дисциплине «Теория политических систем» и включает комплексные знания по данной дисциплине.

УДК 342(476)(06)

Современные новеллы Конституции Республики Беларусь [Электронный ресурс] : сб. статей по материалам круглого стола (Минск, 11 марта 2023 г.) / БГУ ; [редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 163 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/301123>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 07.09.2023, № 007807092023.

В сборник вошли материалы круглого стола «Современные новеллы Конституции Республики Беларусь», организованного кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета 11 марта 2023 года. Адресуется научным и практическим работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических учреждений высшего образования.

УДК 343.985.7:343.352

Хлус А. М. Криминалистические аспекты противодействия взяточничеству [Электронный ресурс] / А. М. Хлус ; БГУ. 2-е изд., с изм. и доп. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 282 с. Библиогр.: с. 246–280. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/305206>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 28.11.2023, № 010928112023.

В монографии рассматриваются проблемы криминалистической методики расследования взяточничества. Показано различие в понимании криминалистической характеристики взяточничества, являющейся информационной основой для его частной методики расследования. Разрабатывая теоретическую часть этой методики, предлагается выявлять и изучать материальные составляющие системы взяточничества, учитывая положения имеющейся криминалистической характеристики данного вида преступлений. Рекомендуется сочетать концептуальные положения криминалистической характеристики и материальной структуры взяточничества при формировании его частной методики расследования.

Адресуется ученым, преподавателям учебных заведений юридического профиля, аспирантам, магистрантам, студентам и практическим работникам правоохранительных органов, а также может представлять интерес для всех интересующихся проблемами современной криминалистики.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Бибилко В. Н.</i> Право в системе социального регулирования	3
<i>Голубева Л. Л.</i> Уплыў палітыка-прававых ідэй айчынных асветнікаў на станаўленне і развіццё беларускай дзяржаўнасці ў XII–XVIII стст.	10

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

<i>Малютин Н. С.</i> Ограничение права на конституционно-судебную защиту в российской практике	22
--	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

<i>Вударскі А., Царова Л. В.</i> Аспрэчванне бацькоўства біялагічным бацькам у праве Германіі і Беларусі: розныя рашэнні аднаго пытання	32
<i>Лепёшин Д. А., Петкілёв П. И.</i> Практика Конституционного Суда Российской Федерации в сфере авторского права и смежных прав	43

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО И НАЛОГОВОЕ ПРАВО

<i>Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г., Кришталь Д. С., Бондаренко М. С.</i> Фискалистика как наука о функционировании казны и управлении объектами, составляющими казну	49
<i>Пилипенко А. А.</i> К вопросу о разумности в налоговых отношениях	57

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Харевич Д. Л.</i> Использование материалов оперативно-розыскной деятельности в административном процессе	64
<i>Шидловский А. В.</i> Учение о лишении свободы как виде наказания в системе координат пенитенциарной криминологии	75

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО И АГРАРНОЕ ПРАВО

<i>Жлоба А. А.</i> Организационно-правовые проблемы формирования национальной экологической сети в Республике Беларусь	82
<i>Кузьмич И. П.</i> Правовое обеспечение устойчивого развития сельских территорий в государствах – членах Евразийского экономического союза	89
<i>Саскевич В. В.</i> Аграрно-правовой статус граждан: концептуальные аспекты	97
Аннотации депонированных в БГУ работ	108

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

<i>Bibilo V. N.</i> Law in the system of social regulation	3
<i>Golubeva L. L.</i> The influence of political and legal ideas of national educators on the establishment and development of the Belarusian statehood in the 12 th – 18 th centuries	10

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

<i>Malyutin N. S.</i> Restriction of the right to constitutional and judicial protection in Russian practice ..	22
---	----

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

<i>Wudarski A., Tsarova L. V.</i> Contesting paternity by the biological father in German and Belarusian law: different solutions for the same issue	32
<i>Lepeshin D. A., Petkilev P. I.</i> The practice of the Constitutional Court of the Russian Federation in the sphere of copyright and related rights	43

FINANCE LAW AND TAX LAW

<i>Bondarenko N. L., Konanevich Yu. G., Krishtal D. S., Bondarenko M. S.</i> Fiscalistic as the science of the functioning of the treasury and the management of the objects which consist the treasury	49
<i>Pilipenka A. A.</i> To the question of reasonableness in tax relations	57

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

<i>Kharevich D. L.</i> Use of materials of operational-search activities in the administrative process	64
<i>Shidlovsky A. V.</i> The teaching about imprisonment of liberty as a form of punishment in the coordinate system of penitential criminopenology	75

ENVIRONMENTAL LAW, NATURAL RESOURCES LAW AND AGRARIAN LAW

<i>Zhloba A. A.</i> Organisational and legal issues of formation of the national ecological network in the Republic of Belarus	82
<i>Kuzmich I. P.</i> Legal support for sustainable development of rural areas in the Eurasian Economic Union states	89
<i>Saskevich V. V.</i> Agrarian legal status of individuals: conceptual issues	97
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	108

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Право.
№ 3. 2023**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jlaw@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/law>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Право» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы *М. И. Дикун, А. С. Люкевич*
Технический редактор *Н. Ю. Окуневец*
Корректор *М. Д. Баранова*

Подписано в печать 20.12.2023.
Тираж 50 экз. Заказ 1217.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2023

**Journal
of the Belarusian State University. Law.
No. 3. 2023**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jlaw@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/law>

«Journal of the Belarusian State University. Law»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors *M. I. Dikun, A. S. Lyukevich*
Technical editor *N. Y. Okunevets*
Proofreader *M. D. Baranova*

Signed print 20.12.2023.
Edition 50 copies. Order number 1217.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2023